

АЛИШЕР НАВОИ

Селмо-плаҳеки

H15 ✓

АЛИШЕР НАВОИ

*Серия
Практик*

33583

ПЕРЕВЕЛ
СЕМЕН ЛИПКИН

Госиздат УзССР
Ташкент 1948

„СЕМЬ ПЛАНЕТ“ АЛИШЕРА НАВОИ

„Семь планет“ — четвертая поэма замечательной „Хамсы“ („Пятерницы“), созданной великим узбекским поэтом Алишером Навои. В основу поэмы художник положил легенду о подвигах древнего иранского царя Бахрам Гур.

Легенда эта с незапамятных времен бытовала среди индо-иранских народов и, с течением веков, перешла в народный эпос. Бахрам Гур — отражение в легенде индо-иранского божества Веретрагны — стал одним из излюбленных героев изустного творчества.

Легенда о Веретрагне, в ее многообразных преломлениях, была популярна также среди народов, соседивших с Ираном: варианты ее встречаются, в частности, в литературе грузин и армян. Чудесный этот миф издревле вдохновлял славнейших поэтов переднего Востока; впервые он получил законное воплощение под пером великого хорасанца Фирдоуси, в „Книге царей“ — „Шах-Наме“.

Бахрам Гур Фирдоуси — могучий богатырь, защитник родины и народа, повергающий драконов и львов, герой, борющийся за торжество справедливости, против тирании и угнетения. Не чужды Бахраму и обыденные человеческие черты: он добр, отзывчив, но в то же время подвержен бешеным приступам гнева. Охваченный яростью, Бахрам не помнит себя и способен бросить под ноги верблюду свою возлюбленную.

Из многих рассказов Фирдоуси о Бахрам Гуре наибольшую популярность приобрел именно эпизод ссоры Бахрама с его любимой невольницей Азадэ; эпизод этот служит завязкой всех последующих поэм о Бахраме. Причина ссоры — дерзкий, насмешливый ответ Азадэ Бахраму, ожидавшему похвалы за меткий выстрел. Разгневанный Бахрам кидает Азадэ на землю и топчет невольницу ногами своего верблюда.

Мотив ссоры царя с возлюбленной и жестокой, несправедливой расправы с нею в порыве гнева подхвачен и великим азербайджанцем Низами: Поэма Низами, посвященная приключениям Бахрам Гур и входящая в состав его „Пятерницы“, носит название „Семь красавиц“. Поэма, существовав у Фирдоуси основной сюжетный момент, Низами ввел, однако, в свою поэму много нового. Верный своему неизменному стремлению поучать и наставлять читателя, Низами, рисуя образ Бахрама, стремится пока-

зять,—отрицательным путем,—каково должно быть отношение повелителя к народу, каковы обязанности царя перед своими подданными Бахрам Низами — тиран и деспот — пройдя долгий путь нравственного совершенствования, становится справедливым правителем, но все же, в конце концов погибает. Этапы пройденного Бахрамом очистительного пути символизируются семью дворцами, построенными по приказу Бахрама для семи прекрасных царевен, доставленных из разных стран света, чьи изображения, виденные когда-то Бахрамом, пленили его сердце. В этих дворцах, купола которых окрашены в разные цвета, Бахрам поочередно проводит дни недели, начав с черного дворца и закончив семидневный цикл в белом.

Томимый бессоницей, Бахрам приказывает царевнам, принимающим его во дворцах, рассказывать сказки. (Мотив, отсутствующий у Фирдоуси). Предавшись развлечениям и удовольствиям, царь забывает о нуждах народа, пренебрегает делами государства. Непомерные траты истощили казну, войска Бахрама разбрелись во все стороны...

Неожиданный поход на Иран царя Китая застаёт Бахрама врасплох. Не зная, как отвести удар врага, Бахрам впадает в отчаяние. Он ищет забвения, развлекаясь охотой, и, охотясь однажды, встречает в поле старого пастуха, который своими назидательными речами, возвращает Бахрама на правый путь. Бахрам вспоминает о своих подданных, казнит притеснителей народа и заключает мир с царем Китая, отказываясь от престола в его пользу. Из всех земных утех он [не оставляет только охоту. Однажды, преследуя дикого осла, Бахрам [устремляется в темную пещеру. Из этой пещеры Бахрам уже больше не выходит, исчезнув в ней навеки.

Поэма Низами „Семь красавиц“, как и вся его „Пятерица“, вызвала бесчисленное множество „ответов“ и перепевов. Среди первых подражателей Низами, выдающееся место принадлежит поэту Хусрау Дехлеви, иранцу по языку, почти всю жизнь прожившему в Индии, где он и умер в 1325 г. В своей поэме, названной им „Восемь райских садов“, Хусрау Дехлеви сохраняет основные сюжетные моменты „Семи красавиц“ и лишь в редких случаях отступает от [прототипа. Вполне оригинальны в поэме Хусрау Дехлеви только вставные новеллы, не имеющие ничего общего с соответствующими рассказами у Низами. Эти новеллы, играющие в „Семи красавицах“, так сказать, подчиненную роль и лишь украшающие поэму, приобретают в поэме Хусрау Дехлеви основное значение. В противоположность Низами, [его индийский последователь стремится не столько поучать и наставлять, сколько развлечь и забавить читателя.

Совершенно иные цели ставит перед собой, принимаясь за обработку легенды о Бахраме, Алишер [Навои. Как и Низами, Навои хотел придать своей поэме назидательный, дидактический характер. Но его цель—не отвлеченное поучение, наставления его имеют определенную направленность, преследуют конкретные задачи.

В соответствии со своими реальными целями, Навои счел себя вынужденным внести ряд изменений в сюжет поэмы Низами.

„Семь планет“ начинается с традиционных вступлений, в которых поэт воспевае слово и поэзию. Слово дано для выражения мысли. Навои сравнивает мысль с красавицей, а слово — с одеждой ее. Так же, как красавица не может показаться нагой, и мысль не может быть без слова. В этом сравнении — утверждение глубокой внутренней связи формы и содержания в поэзии.

Совершенно иначе, чем у Низами, изображен в „Семи планетах“ образ героя поэмы — Бахрама. Навои в предисловии к поэме прямо заявляет, что из-за такого „глупца“, каким является Бахрам в „Семи красавицах“, Низами, не стоило тратить время на писание поэмы, хотя и соглашается с тем, что образ Бахрама у Низами, пожалуй, ближе к истории. „Низами, — говорит Навои, — слишком ослабил в своей поэме элемент „любобной муки“ (это замечание, конечно, касается только самого Бахрама, так как в украшающих поэму Низами вставных новеллах любви уделено достаточно места). Далее, у Низами Бахрам каждый вечер, напившись до бесчувствия, зовет к себе прекрасную царевну и заставляет ее усыплять себя сказками. „Какая была в этом необходимость?“ — резонно спрашивает Навои.

Кто целый день из полных кубков пьет,
Кто пьян с утра до вечера, как скот,
Тот сразу же ко сну отыщет путь,
Сумеет и без сказок он заснуть.

Эти различия в трактовке Низами и Навои образа Бахрама указывает сам автор „Семи планет“. Сравнительный анализ обеих поэм показывает, однако, что эти расхождения значительно глубже. У Низами Бахрам, пройдя долгий путь нравственного очищения (от черного дворца к белому), в конце концов, все же погибает, но перед смертью становится справедливым царем. Герой „Семи планет“, наоборот, в начале своего царствования поступает праведно, потом забывает свой народ, увлекаясь пирами и охотой. Поддавшись гневу и потеряв Дилиарам, Бахрам впадает в расслабленную апатию и выходит из нее только для новых возлияний в обществе прекрасных рабынь. Возвращение Дилиарам, правда, излечивает Бахрама от телесного и душевного недуга, но времяпрепровождение его все то же — он попрежнему пьянствует и охотится. На охоте находит Бахрам и позорную свою гибель, затянутый в болото. Небесная кара, постигшая Бахрама, пала на него именно за неумеренное пьянство, приведшее царя к забвению своего долга перед подданными.

Болезни прежней не страшась угроз,
Он (Бахрам) пил вино, вдыхая запах роз.
Все дни недели беспечальный шах
Стал проводить в своих семи дворцах.
„Хай! Хай!“ — он к небу клики возносил,
К небесному владыке возносил.

Но всякому дыханью есть предел,
Однажды „Хай!“ он крикнуть не успел.
И небо, может быть, навеселе,
Могилу вырыло ему в земле.

В этих словах, как нам кажется, выражена основная дидактическая идея всей поэмы — предупреждение царствующему государю, призыв, пока не поздно, опомниться, бросить пьянство и жестокие забавы (к ним Навои, ненавидящий бессмысленное кровопролитие, относит также и охоту).

Если образ Бахрама у Навои и Низами имеет хоть некоторые черты сходства, обусловленные исторической традицией, то во вставных рассказах обеих поэм совпадения уже совершенно отсутствуют.

Бахрам в тоске о Диллярам ищет развлечения в семи дворцах. Он призывает путников, которые рассказывают ему замечательные истории. В этих главах Бахрам — только слушатель. И лишь седьмая сказка снова возвращает читателя к истории Бахрама и Диллярам.

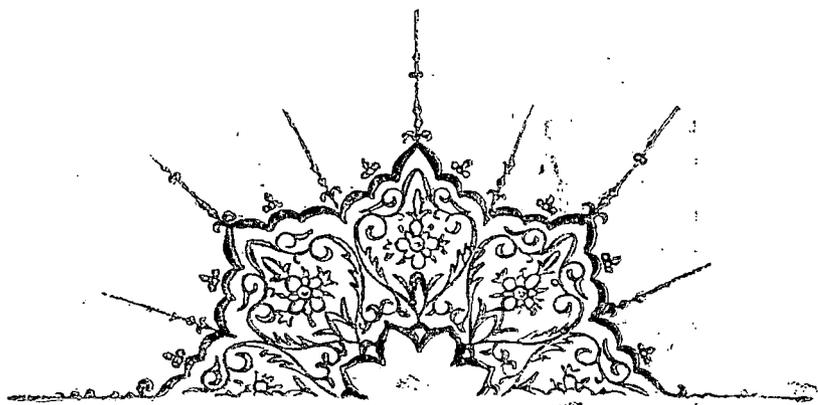
Эти рассказы носят явно выраженный дидактический характер. В них воспеваются благороднейшие человеческие черты: честность, ум, глубина чувства, доброта, верность, справедливость, преданность, смелость и мужество. Таковы, например, рассказы о Фаррухе и Ахий, о сыне египетского богача — Масуде.

В легенде о Зайде Заххабе и румском падишахе поэт бичует предательство, обман и двуличие окружающих двор эмиров чиновников.

Вера в непобедимость науки и конечное торжество знания над темными силами суеверий и мракобесия с большой художественной убедительностью и яркостью выражена в рассказе о борьбе мудрого юноши Сада со злой колдуньей и охраняющим ее змеем. При первом ударе мощной руки своего противника колдунья

... Зашаталась вдруг,
На множество кусков распалась вдруг.
То били тряпки, связывал их клей,
Из ниток сделан был ужасный змей.
.....
Ее прославленное колдовство —
Обман и ловкость, только и всего.

Глубине содержания предлагаемой ныне вниманию советского читателя поэмы Алишера Навои соответствует прекрасная художественная форма. Богатство и выразительность языка, виртуозное владение всеми средствами древне-узбекской литературной речи, сочетаемое с искусным использованием неисчерпаемых богатств живого народного творчества — все это обеспечивает „Семи планетам“ почетное место в ряду произведений классической узбекской литературы.

ВСТУПЛЕНИЯ К ПОЭМЕ

1. Похвала слову.

Задолго до начала бытия,
Когда земля не знала бытия,

Грядущей жизни чистую тетрадь
Художник пожелал разрисовать.

Внизу он создал прах, одетый в лес,
Вверху изобразил он семь небес,

Одно из них он залил синею
И поместил над нашей головой.

Тогда-то всякая возникла тварь,
Все то, что будет впредь и было встарь.

Тогда-то и возникло слово „быть“;
Картины мира написала кисть,

Листы украсив тонкостью такой:
Дар слова получил язык людской.

Чтобы величье слова описать,
Нам коротко достаточно сказать,

Что слово—до всего сотворено,
Творению предшествует оно.

Вначале было слово; лишь потом
Родился мир в небытии пустом.

Возникло слово мудрое сперва.
И лишь потом—живые существа.

Оно—основа жизни и венец,
Оно—начало жизни и конец.

Пусть небо привередником слывет,
Но слово — собеседником зовет.

Юсуфу¹ на базаре красоты
Подобны слова дивные черты.

Его завесы поднимая шелк,
От удивленья кто бы не замолк?

Кого бы в изумленье не привел
Пожар и смуту сеющий глагол?

Откройся тайна слова муравью,—
И он бы силу показал свою.

Тем от животных мы отличены,
Что к тайне слова мы приобщены.

Со словом кто б соперничать желал?
С ним рядом горек мед и бледен лал.

В нем прелесть есть особая для нас:
Его красивый блеск сокрыт от глаз.

Хотя пленителен его наряд,
Хотя одежды золотом горят,

Хотя извне блистательно оно,
Снаружи обаятельно оно,—

Его краса заключена внутри:
Она зовется мыслью. Посмотри,

¹ Юсуф — библейский Иосиф.

Воистину красавица она,
Но голой не появится она,
Она одета в слово, и приют
Ей в келье сердца смертные дают.

Нам в келью ту проникнуть не дано,
Чужую мысль постигнуть не дано.

Пусть некто совершенством знаменит,
Из кельи сердца мысль освободит,—

Представит он ее в одежде слов:
Увидим на красавице покров.

Пока томится слово взаперти,
Не может мысль нам пользу принести,

Но мысль пленяет, вдохновляет нас,
В словесный облаченная атлас.

Телесный покидая свой чертог,
Жилища сердца преступив порог,

Пройдя ущелье горла до конца,
Она сумеет так смутить сердца,

Что, мысли постигая красоту,
Весь мир повержен будет в немоту.

Вернее, станет мир велеречив,
Свой лик на словотворцев обратив:

Один владеет даром волшебства;
При нем бессильны всех людей слова,

Другой заговорит—и жизнь вдохнет,
Он словом душу мертвецу вернет.

Деревья слов растут в садах души,
Плоды на тех деревьях хороши.

Людскую плоть мы садом назовем,
Людскую речь — певучим соловьем.

Когда исчезнет слово-чудодей,
Останется без песни соловей.

О господи, взгляни на свой цветник,
Ты сделал соловьем людской язык,

Ты нашу речь, о боже, пожалей,
Пусть песенным пребудет соловей!

Но соловей скорбящего певца
Стократ достоин милости творца:

Он, словно сад, длеет мысль свою,—
Дай листья—саду, песню — соловью!

Пусть зашумит словесный сад листвою,
Пусть грянет звонко соловей живой,

Пусть пенье громогласного певца
И возмутит, и опалит сердца,

Пусть сад растет, не ведая границ,
Пусть не смолкают в нем напевы птиц,

Пусть сад цветет, исполненный щедрот,
Пусть примет песню соловья народ!

2. О преимуществе поэзии перед прозой; о том, что автор этой поэмы — лишь капля в море и пылинка на солнце в сравнении с прекрасноречивым Низами и индусским колдуном Хосровом.

Мы сравниваем душу с цветником,
Где слово нежным веет ветерком;

Вернее, слово — жемчуга зерно,
Что в раковине сердца рождено.

Слова — монеты — блещут серебром:
Блестящие от стертых отберем.

В словесности достигший мастерства,
На два отдела разделил слова:

Рассыпанные — прозой мы зовем,
Нанизанные — нарекли стихом.

Для истинных понятно знатоков,
Что выше и трудней ступень стихов.

Речь — хороша: слова — жемчужин ряд.
Они и сами по себе блестят,

Но выше мы должны их оценить,
Когда слова нанизаны на нить.

Оманский жемчуг радует глаза,
Когда блистаёт рядом бирюза,

Тот, кто избрал искусство — целью слов,
Неравнодушен к ожерелью слов.

Когда слова нанижет ювелир,
Их стройной красоте дивится мир.

Пусть камни, восхищая нас игрой,
Сыпучей возвышаются горой.

Они приятны, согласуясь легко,
Но до нанизанных им далеко:

Различны их величина и цвет,
Соотношенья между ними нет.

Пусть превозносят прозу до небес, —
Поэзии бесспорен перевес.

Нанизанная речь звучит сильней,
И разновидностей немало в ней.

Не скрою к ним я искренней любви.
Однако всех прекрасней — месневи¹.

О прочих я не вспомнил? Не беда,
Назвать их может каждый без труда.

В них стройность мы найдем и красоту,
Но все же месневи я предпочту:

Площадка двух срифмованных стихов —
Просторное ристалище для слов:

Всегда на нем соперники-певцы
Являют нам искусства образцы.

Один из всадников проворней всех.
Ну что ж? Благословим его успех!

¹ Месневи — двустишия.

Полнав коня, пусть он летит на нем,
С небесным соревнуется конем,

Свою отвагу пусть прославит он,
Своим човганом¹ пусть поставит он

Клеймо победы на щеке небес,
Коню небес скача наперерез.

Один певец, властитель дивных чар,
Угнал на этом состязаньи шар².

Среди развалин мира для Ганджи
Открыл он щедрый клад своей души.

Когда страницы света и добра
Исчерчивал он кончиком пера,

То кончик расщеплялся: так сладка
Была ганджинца тонкая строка.

Он сахар — не слова — пером дарил,
Он мускус изливал взамен чернил.

Страницы, мыслями услаждены,
То сахара, то мускуса полны.

Для сердца — сахарная хороша,
А мускусной пленяется душа.

И мускус он, и сахар сочетал,
Чернилами он сахар пропитал,

Он дажу влажным мускусом смочил, —
Нигде подобных не найдешь чернил,

Весь Индостан, Китай пройди ты весь, —
В тех странах неизвестна эта смесь.

Как жизни нить, тонки слова его,
В них жизни постигаешь естество.

В его стихах — души высокий строй,
Его чернила — из воды живой.

¹ Човган — палка с загнутым концом; применяется в игре, напоминающей поло.

² Во время игры в поло.

Чернильницей владеет чародей:
Она—источник жизни для людей.

О нет, она — то самое русло,
Что воду жизни Хызру принесло.

Кто из певцов сравнится с Низами?
Могуча „Пятерица“ Низами¹!

Не пять поэм,—пять кладов пред людьми,
Второй Карун, рассыпал Низами!

Кто взвешивает жемчуг, тот найти
Сто тысяч кладов может в тех пяти,

А каждый жемчуг, мы признать должны,
Ценнее подати большой страны,

И только тот владеет им певец,
На чьей главе—поэзии венец.

Как быстро путь стихов покрыл поэт:
Так катится по шелку самоцвет!

Никто вослед не шел: один Хосров
Последовал за ним тропой стихов.

Хосров? Нет, колдуном его зови:
В рабов своих волшебных месневи

Сын Индостана превратил людей.
Не говори: „индус“ — скажи: „злодей“.

Хмельною чарой назови его,
Нет, божьей карой назови его!

Огонь стихами низвергал он в мир,—
Живое пламя обжигало мир.

Он сам—огонь,—он—храм огня любви,
Нет, саламандрой ты его зови!

Мы уподобим небу каждый стих,
А мысли—звездам в небесах святых.

¹ „Пятерица“—пять поэм Низами; второй смысл этого слова—рука, десница.

Стихов его страницу мы сравним
С прекрасным миром,—только не с земным:

Лишен всего земного стих его,
Дух мысли в теле слова — стих его.

Дворец — обширней ночи — он воздвиг.
Нет! Что бы прежний зодчий¹ ни воздвиг, —

Всю прелесть первозданную дворцов
Украсил позолотою Хосров.

Тот — нам раскрыл иремских роз красу,
А этот — пролил на цветы росу.

Привел нам тот, чья родина — Ганджа,
Красавицу: она была свежа, —

Индус, преемник Низами прямой,
Натер ее румянами, басмой.

У первого — цветущий сад возник,
А этот — рядом посадил цветник.

Тот — нам красавиц скромных показал,
А этот — их явил без покрывал.

Но так второй на первого похож,
Что близнецами ты певцов сочтешь.

Еще один искусный был писец,
Ума и тонкой мысли образец,

Но как ни изоцрял он хитрый слог,
Тягаться с прежними двумя не мог.

Все, что сумел, осуществил Ашраф,
Пределы ара своего познав.

Не важно, — был он плох или хорош,
Но важно, что неплох и нехорош.

Я тоже стал безумным и больным,
Несбыточным желаньем одержим;

¹ *Прежний зодчий* — Низами.

Хотя не в силах я дойти к ключу,
Я выпить море целое хочу;

Я даже горсти праха не сберегу,
А вот, мечтаю возвестить черту;

Я, как тростник, бессильно обречен,
А думаю о кладе, как дракон,

Чтобы, попав меж этими двумя,
Стихом перед народом возгремя,

С их словом я бы мог свое равнять,—
Вернее, заменять или изменять,

Из Хоросана войско повести,
Все сокрушая на своем пути,

Чтоб войска звучный и согласный шум
Поверг в смятенье Индостан и Рум,

Чтоб видел мир: стократ же я сильней,
И кесаря, и раджи я сильней!

Какая похвальба! Какой позор!
Да нет, не похвальба, а сущий вздор!

Друг против друга на доске стоят
И белых крепкий ряд, и черных ряд.

Что делать щепке на такой доске?
Бессильная замечется в тоске,

Но поздно: битвою разъярены,
Ее затопчут кони и слоны.

У белых, у румийцев, конь силен,
У черных, у индусов, страшен слон.

Но щепка,— нет, презренный муравей,
Быть может, ощутит еще живей,

Поверженный воителями в прах,
Свою беспомощность, постыдный страх,

И силу, возвышения оплот,
В уничтоженьи муравей найдет.

Познает он могучие слова,
Он утрашит рыкающего льва,

Бессильный,—обретет он талисман,
Всесильным станёт он, как Сулейман,

И, может быть, ничтожный Навои
Осуществит желания свои.

3. Автор объясняет причину разбивки семи садов и постройки семи дворцов; внося различные перемены, улучшает план садов и увеличивает пленительность дворцов; приносит извинения за дерзость и обращается с просьбой о прощении за смелость.

Когда ночное небо, сей фигляр,
Явило людям свой коварный дар,

Оно в морскую превратилось гладь
И раковины стало набирать:

Так звездами зажегся небосклон,
По цвету каждая—хамелеон.

Таится в каждой сто различных чар,
А небо, удивительный фигляр,

Покажет эту, спрячет в тучах ту,
Выводит под завесой красоту,

Одну—счастливой делает звездой,
Зловещий облик придает другой.

Но, впрочем, не скажу, что так уж плох
Играющий в ракушки скоморох,—

Вернее, кукольник и лицедей,
Что забавляет куклами людей.

Сто тысяч звезд пленяют нас игрой—
Жасминоликих кукол светлый рой.

Нет, сотни тысяч сереброгрудых дев
Заигрывают с нами, заблестев.

Как часто я их прелесть узнавал
Под блеском серебrotканых покрывал!

Их прелесть мне отвагу придает,
Моя мечта пускается в полет.

На крыльях изумления лета,
Беспомощный и слабый, как дитя,

Стремился я постичь движенье звезд,—
Нет, не далось мне постиженье звезд!

Ошеломлен, подавлен, потрясен,
Я вдруг замолк: явился тихий сон.

И быстро сердца погасил дворец.
Тогда, воображения творец,

Мою тоску художник превозмог:
Он светлой мысли расписал чертөг.

В чудесном месте я себя нашел:
Я обходил кругом широкий дол,

На нем, небесный мне напомнив кров,
Семь возвышалось мощных куполов.

Вращались непрестанно купола,
У всех — окраска разная была,

Под каждым куполом имелся храм,
Семь человек расхаживали там,

Семь обладателей таких примет:
По куполам подобран был их цвет.

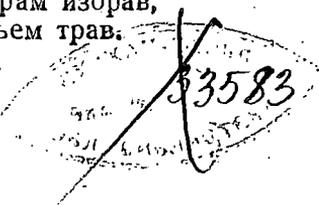
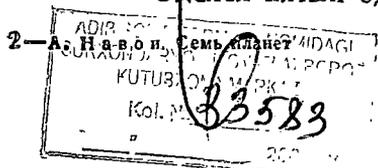
Был первый черноглаз и чернокож,
Но в черном облачении — хорош.

Одежда цвета розы — на другом,
Лицо алело розовым цветком.

Был третий в синем, с ног до головы,
Жил третий в доме дивной синевы.

Четвертый — храму золотому рад,
Надел он шитый золотом наряд.

Обителю зеленый храм избрав,
Оделся пятый одеяньем трав.

Шестой, благоухая, как сандал,
Сандаловым чертогом владел.

В чертоге белом пребывал седьмой,
Камфарною сверкая белизной.

В неделю было каждому дано
В один из дней плясать и пить вино.

Одной планеты каждый был царем,
Владел ее людьми, ее добром.

Всех семерых царей я посетил,
У каждого по дню я прогостил,

И, ласковый мне оказав прием,
Мне каждый повесть рассказал о том,

Что на своей планете видел сам.
Неслыханным внимал я чудесам,

Был каждый поразителен рассказ,
Глубокий, дивный смысл меня потряс.

Так были все картины хороши,
Что я нанес их на листы души.

Едва души заполнил я дневник,
Явился Хызра вещего двойник.

„О путник, обходящий небеса, —
Сказал он мне, — ты слышал голоса

Семи людей, властителей планет,
Но сущность их постиг ты или нет?

Ты очевидцем тех диковин был,
Но взор твой вправду ли духовен был?

Из чистых уст невиданных людей
Запомнил ты семь чудных повестей,

Но ясен ли тебе их семицвет?
Ты сущность понял ли семи планет?

Дивясь прекрасной старости его,
Остерегаясь ярости его,

Я вопрошавшему ответил так:
„О ты, чей лик красив и светел так,

Нам перворазума являет суть!
Я по чужбине совершаю путь.

Есть мудрость: „чужестранец — как слепой“.
Я, как слепой, стою перед тобой:

Я ничего не понял из того,
Что видел я. От взора моего

Сокрыто назначенье тех семи.
Прошу: завесу тайны подними“.

Он молвил: „Путник! Тайна — твой удел.
Высок необычайно твой удел.

Отрада есть в известиях моих:
Небесный свод в созвездиях своих

Счастливую нашел тебе звезду.
Узнай: причастный высшему труду,

Хранитель слов стоял настороже
И пять сокровищ сотворил в Гандже.

Тогда, решив пленить и слух, и вкус,
Сокровищ столько же сложил индус.

Хотя и совпадает их число,
Хотя сверкает каждый стих светло,

Но для сравненья прежние возьми,—
Окажется богаче Низами.

И ты, их славословящий в трудах,
Добыл два-три сокровища в трудах,—

Узнай: настало время для пера,
Четвертой¹ книги пробил пора.

Четвертый жемчуг светит впереди,—
Жемчужины в порядок приведи.

¹ „Семь планет“—четвертая поэма Навои.

Ты сочини могучие слова,
Соедини четыре вещества,

Приверженцами сделай всех людей,
Четвертой частью мира завладей.

Мы знаем „Пять сокровищ“¹— пять даров.
Нам „Восемь раев“ подарил Хосров.

Ты, обойдя равнинные пути,
Напротив них обязан возвести

Семь зданий, семь искусных крепостей!
Услышал ты семь дивных повестей,—

В них заключается благая весть.
Всею сердцем эту постигая весть,

Ты повести обязан изложить,
Благовоенье неба заслужить.

Ты видел семь чудесных куполов:
То были семь небесных куполов.

Ты семь царей под ними посетил:
То были семь сверкающих светил.

Воздвигни для поэмы семь столпов:
Воздвигни разноцветных семь дворцов.

В семи дворцах, житейских бурь вдали,
Семь разноцветных гурий посели.

Семь повестей стихами оживи,—
Пусть люди в этих мудрых месневи

Источник жизни дивный обретут,
Веселья клич призывный обретут,

Жемчужины для слуха обретут,
Успокоенье духа обретут!

Блеснуть своих рассказчиков заставь,—
Ты превратишь неведомое в явь,

¹ Название поэм Низами.

Их сказки ты в сказанья превратишь
И в трудном состязаньи победишь!

Я выслушал святого старца речь,
Я в памяти сумел ее сберечь,

Но позабыл я толкованье сна,
Когда проснулся в обаяньи сна.

Внезапным беспокойством одержим,
Нет, разума расстройством одержим,

Я жаловался: „Жребий мой суров.
Где совершенный толкователь снов?“

Премудрого нашел я, наконец,
Мне тайну сна растолковал мудрец,

И слово в слово изложил он мне
Все, что от старца я узнал во сне;

Доволен совпадением таким,
Утешен сновидением благим,

Я обратился к светлому труду
В надежде, что к победе я приду,

Что поведет меня предвечный бог
Труднейшей, но вернейшей из дорог.

Хотя немало отговорок мне
Пришлось тогда услышать, — дорог мне

Был новый труд, завещанный творцом.
Благоговевя перед образцом,

Приемля вдохновенья благодать,
Решил я осторожность соблюдать.

Те, что водили ранее пером —
Умения, старания пером —

Так расписали все страницы книг,
Что книги засверкали, как цветник.

Я их с постройкой каменной сравню,
С китайской яркой храминой сравню!

Охотно люди века их прочтут.
Дерзну ли восхвалять прекрасный труд!

Вселенную, раскрыв свои ларцы,
Алмазами осыпали певцы.

То не ларцы, то море, то рудник,
Обильные жемчужинами книг!

Даритель, став источником щедрот,
Жемчужины без счета раздает,

Но так раздать, чтоб равное число
Досталось всем, — мы знаем, — тяжело.

На землю воду, не скупясь, пролей,
Но розовую воду — пожалей.

Тот мастер, что искусством знаменит,
Не зная страха, жемчуг просверлит, —

И что ж? Испортит жемчуг дорогой
Умелой, но бестрепетной рукой.

Кто слишком горд и слишком знаменит,
Тот в промахе себя не обвинит.

Но тот, кто к громкой славе не привык,
Опасливый и скромный ученик,

Благоговевя пред своим трудом,
Начнет работу в трепете святом.

Стараться будет он и день, и ночь, —
Усердный труд попробуй, опорочь!

Те двое, о которых шли слова,
Явили нам вершины мастерства,

Явили ткань прошедшего они,
Но ткали опрометчиво они.

Я не скажу: неровны их стихи,
Нет, их грехи — невольные грехи,

Затем, что их пленительный рассказ
Украшен ими тысячью прикрас.

Те двое — чародеи, колдуны,
Поэмы их на радость нам даны.

Они чуждались промахов, творя
Сказанья, что сияют, как заря.

Но я ошибки нахожу у них.
Послушаешь — я расскажу о них.

Вот первая: в поэме нет любви,
Ее не озаряет свет любви,

Страдания любви ей далеки!
А на того, кто, жизни вопреки,

Не следует велению любви,
Не ведает горения любви, —

Мы не глядим, по правде говоря,
Пусть даже он сияет, как заря!

Они старались летопись вести?
Но в летописи рифмы не в чести!

Когда созвучья ищешь слову ты,
Любовь клади в его основу ты,

Чтобы сердечной глубины достиг
Огнем любви воспламенённый стих!

Иначе станет вымысел — грехом,
Безвкусным и растянутым стихом.

Но истиною обернется ложь,
Когда стихи любовью ты зажжешь:

Тому, кто ей послушен, — помоги,
Того, кто равнодушен, — подожги!

Второй упрек: в поэмах этих двух
Противоречия нам режут слух.

Для наслаждения, по их словам,
Велел построить семь дворцов Бахрам,

Привел царевен из семи планет —
Подобной красоты не видел свет.

Он с каждой пребывал в один из дней
Для утоленья похоти своей.

Но странно, что приверженный к вину,
Склоняясь, в опьянении, ко сну,

От каждой луноликой, чтоб заснуть,
Он сказки требовал какой-нибудь.

И вот что удивительней всего:
Царевны сказкой тешили его...

Так делают не дочери царей,
А дочери сказителей скорей!

Кто целый день из полных кубков пьет,
Кто пьян с утра до вечера, как скот,

Тот сразу же ко сну отыщет путь,
Сумеет и без сказок он заснуть.

А не сумеет, как бы ни был пьян,
В сказительниц — на то и разум дан —

Не превратит царевен властелин:
Он позовет сказителей-мужчин.

Зачем царевнам, созданным для нег,
Чьи взоры — чародейство и набег,

Прославленным в святилище любви,
Превознесенным в сотнях месневи,

Чьи очи, темной дремою полны,
От стольких тысяч глаз прогнали сны,

Чьи губы — ярче яркого вина,
Вернее, жарче жаркого вина,—

Приказывать: „Хочу послушать вас.
Без отговорок вы должны сейчас

Мне сказку рассказать: пришла пора.
Вы, бодрствуя, томитесь до утра,

А я, поев и насладясь вином,
Забудусь тихим, безмятежным сном“.

Где слыхано, чтоб умный человек
К такому принуждению прибег?

„Все было так“, — я допущу на миг, —
Другое дело ставит нас в тупик:

Не знаю, как пришло на ум певцам,
Единственным в их время двум певцам,

Чья слава так безмерно широка, —
Подобного прославить дурака,

Ему слова почета вознести,
Хваления без счета вознести,

Поставить между лучшими его,
Воспеть стихов созвучьями его,

Труд посвятив сокровищам пяти,
Одно из них — ему преподнесги...

Что за сокровища! О боже сил,
Мучительный восторг нас охватил!

Пред блеском их таинственным стоим,
Признательны единственным — двоим.

Но этих совершенных мастеров,
Великих, несравненных мастеров —

Да никогда не смолкнет им хвала —
К небрежности гордыня привела.

Незряч самоуверенный певед:
Не видит упущения слепец.

Я — робкий подмастерье, без заслуг.
Неискушен, неопытен мой слух.

Мне боязно в приемах согрешить,
Страшусь невольный промах совершить.

В сравненьи с прежними — ничтожен я,
Вот почему так осторожен я!

Понять хочу я слово, как знаток,
Постичь его основу и уток,

И за успех я должное воздам
Своим наставникам-учителям.

К чудесной сказке страстью заболел,
Верней, влюбившись в сладостный напев,

Желая осторожность соблудости,
Я измененья должен был внести:

Во имя осторожности такой
Я не нашел возможности другой.

Тот, кто прочтет, увидит все равно,
Что именно и где изменено:

Об этом говорить излишне мне.
Я слаб; о, помоги, всевышний, мне:

Для муравья бессильного трудна
Работа исполинского слона.

Велик мой труд, а я безмерно мал.
Для солнечной свечи отлить шандал,

Построить лестницу до облаков,
Сплести аркан из нитей пауков,

Дракона паутиною связать,—
Как я могу на это все дерзать!

Но так как бог мне помогал досель,
Я смелости познал безумный хмель.

Дорога подвигов открылась мне,
И, если бог окажет милость мне,

То солнце я в пылинку заключу,
Я океан в росинку заключу,

И в недрах потрясенных толп людских
Столпотворенье вызовет мой стих.

Когда пером страницы распишу,
Я чудеса такие совершу,

Что на земле воздвигнется беда,
Как в страшный день последнего суда!..

О бедствиях опасно говорить,
Но сердце жаждет страстно говорить,

Но сердце жаждет света и добра
И песни, спетой голосом пера.

4. *Несколько вступительных слов перед началом сказания о Бахраме и Дилярам.*

Открывший блеск жемчужин в словах
Стал на духовных взвешивать весах

Сокровищницу дорогих камней,
А в это время зодчий наших дней

Построил, наконец, базар мирской.
Но сущий мир охвачен был тоской

По тем камням невиданной красы,
Обильно высыпанным на весы.

Тогда поднялся на базаре шум.
Меняла, чей товар — высокий ум,

Открыл на рынке лавку, и в ларцы
Жемчужин слов насыпал образцы.

Когда меняла в сущность их проник,
Вот что поведал нам его язык:

Лежат в морях вселенной жемчуга,
Блестят водой бесценной жемчуга,

Но посвятивший жемчугам труды
Не спутает их с каплями воды.

Смотри: рубин сверкает и горит,
Но праотец его — простой гранит.

Блестящий, — вышел из потемок он,
Горы и рудника потомок он.

Хотя от раковины жемчуга
Ведут свой род, — цена их дорога.

А человек — не тот же ли рубин?
Отец ничтожен — благороден сын,

У толстого рождается худой.
Вот сын Азара, Ибрагим¹ святой:

Родитель идолами торговал,
А сын их, негодуя, разбивал.

Смотри: отец Бахрама, Йездигерд,
Был мрачен ликом и жестокосерд.

Являл он раковины тусклый вид,
Но в раковине жемчуг был сокрыт,

Все, что отец отринул, сын постиг,
Все, что отец низринул, сын воздвиг.

Отец был палачом, а сын — врачом,
Нет, был отец — бичом, а сын — лучом.

Но солнце, побеждая мрак, взошло,
И это солнце было так светло,

Что сразу озарился небосклон;
Был мир его сияньем покорен.

Бахрам воссел на царственный престол
И в царстве перемены произвел.

Великих мира с высоты низверг,
Униженных вознес на самый верх.

Увидев, что в грязи лежит алмаз,
Он в свой венец вставлял его тотчас.

Державный сад он оросил рекой,
Нет, ливнем справедливости благой,

Он сделал раем свой державный сад,
В котором листья весело шумят.

Законом беззаконие поправ,
Он стал на страже справедливых прав.

Он был отважней всех богатырей,
Он сделал больше всех земных царей,

¹ Библейский Авраам.

Всех подвигов его не перечесть,
О них и в летописях не прочесть,

А если и найдем о них рассказ,
То все же усомнимся в них не раз.

Предшественнику моему хвала!
Подробно изложив его дела,

Довел он до конца пространный труд:
Пусть люди эту летопись прочтут,

А я не стану дополнять ее,
Подробностями удлинять ее,—

Она и так исполнена длиннот!
Кто прелесть в повторении найдет?

Коль слово дважды произнесено,
Утрачивает красоту оно.

Я в красноречьи не слабей других,
Но летописи уступает стих.

Однако, если мимо я пройду
Деяний шаха,— что скажу суду

Взыскательных ученых? Их упрек,
Бесспорно, будет справедлив и строг.

Вот почему бахрамовым делам
Я краткий перечень вначале дам:

Событья — для порядка изложу,
Для красоты — их кратко изложу,

Когда же повесть я начну свою,
Все мысли я подробно разовью.

Был шах Бахрам — главою всех царей,
А солнце — прахом у его дверей.

Вошел он, как Сухейль¹ сперва; Йемен
Расцвел, его рукой благословен.

¹ Сухейль — звезда Каноп.

Державу превратил Бахрам в цветник;
Все земли — в мускус, камни — в сердолик,

Был царь Нуман светильником его,
Мунзир¹ был собутыльником его.

В Йемене благоденствовал Бахрам,
Как Мухаммед, главенствовал Бахрам,

Он для Йемена покидал Иран,
Для персов покидал аравитян,

Он для Йемена был истоком благ,
Дворцом его пиров был Хаварнак.

Искусный, как семи небес творец,
Построил славный зодчий тот дворец.

Бахрама страсть, влечение и труд —
Вино, охота и звенящий руд².

От музыки, охоты и вина
Была душа веселия полна,

Но хмелю дни и ночи уделив,
Он пребывал премудр и справедлив.

Лишив соперников своих венца,
Он стал владыкой над землей отца.

Охотник, — он унизил в чашах львов,
Он превратил в лисиц рычащих львов.

Все грабежи пресек его булат,
Убив дракона, раздобыл он клад,

Разбогатеv, он на семь лет вперед
От податей освободил народ.

Он снял налогов тягостный ярем,
Зато от бога получил Ирем.

Однако жители его земли,
Как небо вероломны, перешли

¹ *Нуман* — царь Йемена, *Мунзир* — сын Нумана.

² *Руд* — музыкальный инструмент.

На сторону хакана, и хакан,
Подняв стрелков необозримый стан,

Проник в его страну. Бахрам бежал,
Но скоро и противник задрожал:

Бахрам, собрав три сотни человек,
Внезапно совершил ночной набег:

Сумел он так хакана покарать,
Что и хакан, и вражеская рать

Исчезли после битвы без следа!
Из воинов никто и никогда

Такой победы не сумел достичь!
Когда в стране замолк победный клич.

Благоустроил свой народ Бахрам,
Восьми иремским сладостным садам

Он уподобил семь частей земли,
Достаток, счастье люди обрели...

Вот летописи краткий, пересказ.
Она правдивостью пленяет нас.

Приняв ее и сердцем, и умом,
Согласен с летописцем я во всем.

И Низами, и вслед за ним Хосров
Сказали множество правдивых слов,

Их мысли удивительно верны,
Однако не избег бы я вины,

Когда бы я ошибки им простил.
Я должен изо всех стараться сил

Не допустить, держа перо в руке,
Изъяна ни в одной своей строке.

Они с наукою вступили в спор,
Ученые винят их до сих пор:

Как видно, о Бахраме письмена
Лишь в поздние открыты времена.

Я письма открыл, и в этот миг
Увидел, что желанного достиг.

О, если б их открыли и они,
Чьи сказки украшают наши дни!

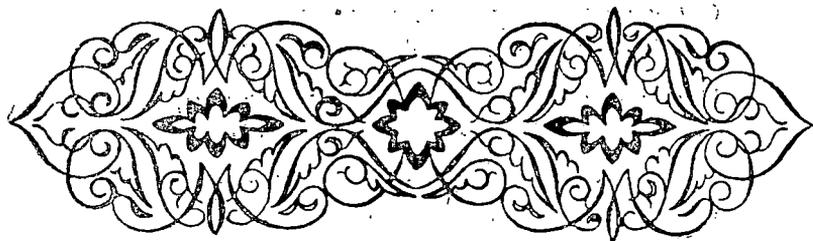
Но так как правды я нашел тетрадь,
То я могу сказание начать,

Немало я терпенья приложу,
Начало песнопенью положу.

Уже охвачен пламенем певец.
Пришел словам вступительным конец.

Каким бы ни был твой правдивый сказ,
О Навои, начни его сейчас!

СКАЗАНИЕ О БАХРАМЕ И ДИЛЯРАМ

1

Тот мудрый, кто составил врёменник
Иранских полководцев и владык,

Дал место и бахрамовым делам, —
Стал украшением письмен Бахрам.

Когда Бахрама — так писал мудрец —
С небесной славою связал творец,

Признали власть его державных дум
Хакан и кесарь, весь Китай и Рум,

Все страны обитаемой земли
Ему свою покорность принесли.

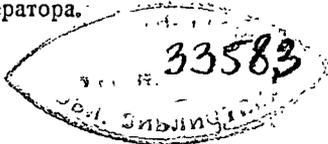
Его предел — от Рыбы до Луны,
Он всем владел от Рыбы до Луны.

Царем царей Бахрама нарекли,
Царем царей семи частей земли.

Всем дерзновенным робость он внушил,
Всех венценосцев данью обложил.

Обычай у Бахрама был таков:
Будь это раджа или сын богов¹,

¹ *Сын богов* — титул китайского императора.

Собрав налоги у себя в стране,
Их не держали у себя в казне,—

Несли всю дань к бахрамовым стопам,
За ней гонцов не посылал Бахрам.

Так все цари, сполна и каждый год,
Бахраму отправляли свой доход,

А заодно — добычу рук людских
Из недр земных или пучин морских.

Все редкости, все ценности земли
Со всех сторон в его казну текли.

Велик ли, мал, но целиком налог
Исправно в шахский поступал чертог,

А шах, к игре и пению влеком,
Веселью отдавался целиком.

Он страстно музыку любил, игру,
Звенели песни на его пиру,

Не ведал он тоске своей границ,
Не видя музыкантов и певиц;

Повсюду он возил их за собой,
Без них терял он волю и покой.

Всевластный, музыки признал он власть..
Охота — вот его вторая страсть.

Но даже на охоте удалой,
Пронзая жертву меткою стрелой,

Вдруг останавливался, не дыша:
Алкала музыки его душа...

Не знал он промаха, стреляя дичь,
Кровь проливал он, издавая клич,

Среди лихих охотничьих забав
Он пил вино, чей жаркий цвет кровав.

Нередко он, охотясь, открывал
Красивую поляну, и привал

Он объявлял: слетались сотни слуг,
Хмельная чаша обходила круг;

Звенел ребаб, то плача, то смеясь;
Шипел кебаб, на вертеле дымясь...

Однажды он, охотясь так, набрел
На холм; вокруг пестрел цветами дол —

Не охватить его, не оглянуть,
Вливался воздух животворный в грудь.

Расположился на холме Бахрам,
Стал пировать. И песня ж небесам

Свободно, ясно, радостно взвилась,
Она согласно, сладостно лилась.

Певцу внимая, пил вино Бахрам,
Душою уносясь к иным мирам.

Хмель в голове, а музыка в ушах
Звенели весело; увидел шах,

Что он могуч и славен, и велик,
Для слабых — упования родник.

В душе рождалась мысль: „Я сотворен
Владыкой всех народов и племен,

И в благодарность за любовь творца
Я должен бедных утешать сердца.

Я буду милостив и справедлив,
Добро и правосудье утвердив“.

Казалось, озирает он простор,
Нет, в самого себя он бросил взор!

Тут путника в степи заметил шах:
Спешил он, уторапливая шаг.

Бахрам подумал: „Кто это идет?
Беспомощный мне жалок пешеход!“

Душа склонилась к незнакомцу вдруг.
Так приказал он одному из слуг:

„Вот путешественник у нас в виду.
Сядь на коня; другого в поводу

Держа, к нему помчись; на скакуне
Ты чужестранца привези ко мне“.

Гонец к Бахраму странника привез.
Шах благосклонный задает вопрос.

И странник спешил, чтоб наземь лечь,
И прах поцеловав, повел он речь.

Он в жемчуга свои слова облек,
Всех изумили вкус его и слог,

Бахрама так восславил чародей,
Что в восхищение привел людей,

Не только в восхищение, — в восторг,
Вздых удивленья из груди исторг:

„Не подобает страннику стоять,
Он должен подле шаха восседать!“

И вот вино прищельцу подают
И предлагают сто различных блюд;

Когда поел он вдоволь и попил,
В беседу с чужестранцем шах вступил.

Понравился Бахраму разговор.
Был собеседник тонок и остер.

Вопросам точный находил ответ...
Подумал шах: „Он обошел весь свет,

Он сведущ в жизни, он знаток наук!“
Сказал Бахрам: „О мой чудесный друг,

Отраднo мне беседовать с тобой!
По мирозданию ты прошел стопой;

Твои движенья быстры; твой язык
Вкус ясности и плавности постиг;

Ты земли дальних пересек держав,
Пустынь и городов; когда я прав,

Из слов твоих сужденье извлеку:
Ты много видел на своем веку.

Диковинки встречал ты на пути, —
Нас в тайну приключений посвяти.

Встречался с чудесами ты порой, —
Хотя бы два из них ты нам открой!

Воскликнул путник: „Добрый господин!
В степи я путешествую один.

Язык мой беден, дар мой слишком слаб,
Не произнес бы слова я, когда б

Тебя в степи не встретил я сейчас.
Я знаю удивительный рассказ.

Его храню от мира втайне я:
Сам потрясен тем чудом крайне я!

Свой путь я начал далеко отсель,
И шах Бахрам — моих скитаний цель.

Он царь царей, он шахов гордый шах,
А небо — у его порога прах.

Когда приду к его чертогу я
И припаду к его порогу я,

Лицо и очи к праху приложу
И цель прихода шаху изложу.

Ему открою это чудо я.
Бахрама не достиг покуда я,

А ты уже вопрос мне задаешь,
Невольню на моем пути встаешь.

Как быть! Сказать? Нарушу я обет.
Но и молчать не смею я в ответ!

Тебе радушием обязан я.
Смотри же, господин, как связан я!

В тебе я вижу гордые черты;
Твой сан высок; являешь облик ты,

Который свойственен одним царям.
Мне кажется: хотя ты — не Бахрам,

Ты шахом предо мною предстаешь.
Мне кажется: ты на него похож,

Хотя невероятно сходство с ним:
Бахрам ни с кем на свете не сравним!

Сюда пришел я из чужих сторон.
Твоим великодушьем я пленен.

Но все же у меня другая цель:
С Бахрамом говорить — благая цель.

Ты лаской сердце мне развеселил,
Но две заботы в сердце поселил:

Смолчу — беда и расскажу — беда...
Как на тебя смотреть мне без стыда?"

Тогда расцвел властитель, как цветник.
Светильником он сделал свой язык:

„О ты, кто странником в пустыне стал!
Знай: ищущий — нашедшим ныне стал.

Ты сам не ведаешь, что в этот миг,
Искатель, ты искомого достиг.

Не жаждай, друг мой, около реки,
Не страждай, друг мой, счастьем вопреки!

К Бахраму ты спешил степной тропой?
Начни рассказ: Бахрам перед тобой!"

Тут странник, господу благодаря,
Целуя землю, пал к ногам царя:

Узрел он цель, хоть много перенес!
Он благопожеланье произнес,

Учтиво сел и начал: „Мудрый шах!
Ты спросил меня о двух вещах.

Вот первая: кто я? Мой шах, внимли:
Зовусь я среди жителей земли —

Мани; художник — звание моё, —
Известно рисование моё“.

Восторг Бахрама взвился до небес,
Как будто был он мертвым и воскрес:

Мани был тем, кого Бахрам искал!
Он крепко обнял гостя, приласкал,

Придворных всех оставил он в тени,
Увидев знаменитого Мани.

Однако, милость проявляя, шах
Ему напомнил о вторых словах.

Рассказчик молвил: „Слушай мой ответ,
Скитаясь, обошел я семь планет,

Блуждал под всеми небесами я,
Знаком со всеми чудесами я, —

Затмило все, в моих глазах, одно:
В Китае обретается оно.

Там с неким повстречался я купцом.
Не ошибемся, коль его сочтем

Богаче многих шахов и царей.
Сокровищами копей и морей

Владеет он: у этого купца
Товарам нет ни края, ни конца,

Число их даже описать нельзя,
А денег столько, что сказать нельзя!

Его туманов никогда не счесть:
Одних наличных сотни тысяч есть!

Хотя богаче прочих он купцов,
Хотя забыл число своих ларцов,

Хотя не знает счета сундукам,
Рубинам, яхонтам и жемчугам, —

Гордится он жемчужиной одной,
Какое там жемчужиной: луной,

Любовникам сияющей с небес,
Игрушкой, дивом, чудом из чудес!

Волшебница в Китае рождена,
Любовью к ней страдает вся страна.

Красы подобной не было вовек
С тех пор, как существует человек!

Кто взглянет на нее, тот будет рад
Отдать ей душу за единый взгляд.

Когда же в руки ченг¹ она возьмет,
От счастья только мертвый не умрет.

Когда же струны ченга зазвелят,
И стройным, животворным звукам в ладу

Протяжно запоеет она сама,—
Вселенную сведет она с ума!

Когда б я прожил тысячу веков,
Когда б я знал сто тысяч языков,

Я не сумел бы рассказать о той,
Чей голос нежный спорит с красотой!

Хозяин украшает красоту,
Богато наряжает красоту.

Носилки для прогулок он ей дал,
На них пошли алоэ и сандал.

Пленителен красавицы покров—
Крученный шелк изысканных цветов.

Он жемчугом искусно окаймлен.
Доносится певучий, нежный звон:

То ченг звенит, и легче ветерка.
Бежит по струнам тонкая рука.

Красавица играет, как Зухре²,
Она подобна утренней заре.

¹ Ченг — музыкальный инструмент.

² Зухре — Венера; небесная музыкантша.

Она игрой приводит всех в восторг.
Купец хотел продать ее: но торг

Не состоялся до сих пор. Смотри:
Зухре — одна, а сколько Муштери!¹

Все богачи, юнцы и старики.
Опустошив мешки и сундуки,

Отвесили купцу свое добро,
Но все их золото и серебро

Отверг хозяин и сказал: „Казна
Всего Китая — вот ее цена!“

Неутолимой страстью обуян,
Уже хотел ее купить хакан,

Весь годовой налог купцу отдать:
Узнав об этом, возропала знать,

Советники сказали: „Светоч наш!
Когда казну ты за нее отдашь,

Не сможешь больше денег ты собрать:
Тебя покинув, разбежится рать.

Что сделаешь с обычной данью ты?
Прибегнешь, может быть, к восстанью ты?“

Но, потеряв и войско, и казну,
Как против шаха ты начнешь войну?

Страсть утолишь ты, царство погубя:
О, пожалей державу и себя!“

Хакана мудрый охладил совет,
А у других влюбленных — денег нет.

Хотя страдают тысячи сердец,
С продажей не торопится купец.

Но я, желая стать твоим слугой,
Подарок приготовил дорогой,

¹ *Муштери* — Юпитер. Означает также — „покупатель“.

Когда решил отправиться к тебе.
Быть может, он понравится тебе.

В живой воде я краску растворил
И образ дивной пери сотворил.

Хотя рисунок — не она сама,
Но есть подобие в чертах письма:

Красе посильную принес я дань...“
Сказав, он вынул шелковую ткань.

Шуршала ткань, упруга и нежна,—
Здесь китайка изображена!

Художник жизнь в китайский шелк вдохнул,
Ресницами с картины пыль смахнул,

Расправив складки, разложил он шелк,
Бахрам взглянул — и вскрикнул, и замолк.

Казалось, разум у него погас!
До вечера не отрывал он глаз

От шелка, в думы погружен свои.
Казалось, он исчез в небытии,

До вечера ни с кем не говорил.
Он образ пери в сердце затаил.

Запали в душу дивные глаза,
Сжигали душу пламя и гроза.

Мани, почувяв боль его души,
Сказал: „Опомнись, шах, и поспеши,

Не упускай красавицу из рук,
Не то смертельным будет твой недуг!“

„Увы! — Бахрам воскликнул, — я в огне!
В целебном счастье жизни — горе мне.

Я обезумел: ты меня сразил,
Когда ее глаза изобразил.

Художник, сделал ты меня больным,
Как врач, недугом ты займись моим.

Скажи скорей, подай благой совет:
Что делать мне?" Мани сказал в ответ:

"Ее цена — китайская казна.
Когда тебе краса ее нужна,

Когда из-за любви ты изнемог,
Да будет жертвой годовой налог!

Монеты — наилучшие врачи.
Всю дань Китая за нее вручи,

От денег в полной мере откажись
Иль от китайской пери откажись!"

"За близость с пей, — сказал ему Бахрам, —
Не только дань хакана я отдам,

А подати со всех моих держав
Отдам я, ничего не удержав,

И цену эту низкою сочту,
Когда исполню я свою мечту!"

Воскликнув так, письмо составил он,
Немедленно в Китай отправил он

Сто мудрецов, ревнителей святень,
А с ними — верных евнухов, рабень,

Чтоб оказать красавице почет,
Чтоб на пути не ведала забот.

Хакану написал он, чтобы тот
Купцу вручил весь годовой доход,

А людям он сказал: „Наказ таков:
Луну освободите от оков“.

2

Стремясь исполнить шахский сей наказ,
Послы в Китай отправились тотчас,

С измученной душой остался шах,
С творением художника в руках.

Когда, за китайянку спеша,
Китай избрать стоянкою спеша,

Ученые отправились мужи
И, наконец, представились мужи

Хакану, передав ему сперва
Письмо Бахрама, а потом — слова,

Хакан, гордясь посланием царя,
За поручение благодаря,

Рукой почтительно коснулся глаз.
И за купцом послать велел тотчас.

Сто радостей он выразил в речах,
Довольный тем, что счастлив будет шах.

Хакан и продавец в цене сошлись,
Был куплен для Бахрама кипарис:

Купцом за деньги продана душа,
Такая низость — свойство торгаша.

Цена ее — китайская казна.
Купцу вручив казну свою сполна,

Хакан отправил розу в шахский сад.
Простились люди, поспешив назад

По знойным долам, по степным тропам,
И каждый день за год считал Бахрам.

Его душою сделалась тоска,
И телом стал он тоньше волоска.

Он муку ожидания познал,
Разлуку и страдания познал.

Нетерпелива издавна любовь:
Вновь на рисунок он глядел, и вновь.

На время черпал силы и покой
В изображеньи пери дорогой,

На время о разлуке забывал
И для объяття руки раскрывал.

В отчаяньи он покидал чертог,
Но места он себе найти не мог.

В садах не будет лучше ли ему?
Но и сады наскучили ему!

На крыше иногда Бахрам сидел
И на дорогу пристально глядел.

Увидев точку черную вдали,
Полоску пыли на краю земли,

Он обмирал; тряслось, как старый дом,
Его сухое тело; и потом,

Придя в себя, он плакал без конца,
Он посылал в ту сторону гонца:

Таил надежду мнимую Бахрам,
Но тщетно ждал любимую Бахрам.

Преследовал одну заботу он.
Предлогом избирал охоту он

И на коне, вздыхая, выезжал:
Он в сторону Китая выезжал,

Всем встречным задавал один вопрос:
„Ты весть о китаянке мне принес?“

Молчали все; шах вопрошал опять,
Надеясь о возлюбленной узнать.

Томленьем шаха был смущен Мани.
Пытался он Бахрама в эти дни.

От горести картинами отвлечь,
Сказаниями длинными развлечь.

Он сердце шаха сказкой занимал,
Не понимая, шах ему внимал.

Влюбленного к спасенью не зови:
Он гибнет за пределами любви.

В разлуке тот не может не пылать,
Кого любви отметила печать.

Тяжка разлука — исстари твердят,
Но ожиданье тягостней стократ.

Короче: шахом овладел недуг.
Но вот к нему вбежал один из слуг,

Доставив радостную весть о том,
Что под звездой счастливой — шахский дом,

Что солнце приближается сюда,
Развеив ночь разлуки навсегда.

Отныне светлой стала эта ночь!
Бахраму сердце удержать невмочь:

Разлука и свидание равно
Опасны, если сердце влюблено!

К Бахраму возвратился караван,
И доложили люди, что хакан

Исполнил слово шаха, что казна
На этот раз торговцу вручена,

Что радости лучи для них зажглись,
Что с ними — белорудый кипарис,

Что пери прибыла в его жилье,
Что сотни солнц хотят купить ее,

Что розу не обжег пустынный зной,
Не утомил тяжелый путь степной...

Бахрам явил такую милость им,
Какая никогда не снилась им!

Он приказал: рожденную для нег,
Чей взор — гроза, разбойничий набег,

С почетом привести в его гарем.
Когда вступила гурия в эдем,

В саду расположилась госпожа,—
В ее покой, от слабости дрожа,

Но с пламенем в груди, вошел Бахрам,—
Он не поверил собственным глазам:

Знакомый сад неузнаваем был,
Теперь он первозданным раем был,

А в том раю — другой прекрасный рай,
Не раем — идолом его считай,

Да нет же: светоносною зарей,
Видением, парящим над землей!

Красива, обольстительна она,
Игрива и пленительна она.

Чернеют косы мускусом волос:
Китайский мускус караван привез.

Нет, мускусом груженный караван
В эдемский сад пришел из дальних стран.

Густые локоны ее легки:
То ночь расставила свои силки.

А на щеках — шиповник и тюльпан:
Увидев их, любовник будет пьян.

Ее глаза манящей глубины,
С китайскими джейранами сходны.

Даст мускус нам джейрана железа:
Две капли мускуса — ее глаза.

А родинка? То капля возле рта
Нечаянно джейраном пролита!

Ее лицо — прелестнее цветка,
А губы — два пунцовых лепестка.

Нектара полон каждый лепесток,
Живой водою стал медвяный сок:

Мертвец, его отведав, оживет!
И так укрыт между губами рот,

Что ты невольно вскрикнешь, изумлен:
„Рубин желанных губ не просверлен!“

Он для речей раскроется едва, —
Жемчужины рассыплет, не слова,

Зубов жемчужная белеет нить.
Как нам в рубин жемчужины вместить?

«Но зубы все ж подобны жемчугам,
В живой воде подобны пузырькам.

«Сошлись две брови: своды кабака
Они напомнят нам издалика!

А где глаза? Войдя в питейный дом,
Двух пьяных нечестивцев мы найдем.

А побежим, раскаявшись, в мечеть,—
На своды будем набожно глядеть!

«Смотри: продеты в мочки жемчуга,
Звездой сверкает каждая серьга:

Они расстались, чтобы мир познать,
Но сочетались, чтобы соблазнять.

Ты райским древом стан ее зови:
Дух — вот его основа, дух любви.

Когда она, как некий дух земной,
Пройдет, покачиваясь, пред тобой,

То, стан ее, не зная с чем сравнить,
Скажи: „воображаемая нить...“

Такой на свете тонкой нити нет!
Незримый стан в багряный шелк одет.

Зеленый изумруд — ее наряд.
Неправда ль — в зелени сокрыт гранат?

Одежда — в блеске дорогих камней.
Чтоб не сойти с ума — смирись пред ней!

О, нет, не дева райская она,
Не гурия китайская она,

Не пери, не мечта, не волшебство,
А гибель человечества всего!

При виде уст ее — смутится дух.
Заговорит — отнимет душу вдруг!

Из губ струится жизни сок для нас,
Но стрелы смерти сыплются из глаз.

И блеск, и смех, и вздох, и жест, и взгляд —
Зовут, прельщают, мучают, пьянят!

К Бахраму привела ее судьба.
Он — раб ее, она — его раба.

Смиренно перед ним упала ниц,
Земли коснулась копытами ресниц,

Лукавый взор ее приветлив был,
Почтительный поклон кокетлив был,

Когда красавицу увидел шах,
Из-за которой он страдал и чах,

Ее изображение полюбя, —
Не мог от счастья он прийти в себя.

Та, что была бездушным полотном,
Картиною, мечтаньем, сказкой, сном,

Вдруг ожила, предстала во плоти, —
О, мог ли он теперь в себя прийти?

Спокойно мог ли на нее взирать,
Взирая, не вздыхать, не замирать?

Короче: говорить нам не дано
О том, что было и прошло давно,

О том, как шах остался в тишине
С возлюбленной своей наедине,

О том, как, наконец обрел Бахрам
Успокоенье сердца, Дилирам¹,

Покорную желаниям его:
О них не расскажу я ничего.

Подруга нежная, влюбленный шах, —
Их тайна не нуждается в словах.

Кто в тайну их проникнуть бы не мог?
Одним лишь глупым это невдомек.

¹ Имя Дилирам означает „Покой сердца“.

Когда сверкнуть стихом, как не сейчас?
Но будет неумелым мой рассказ...

3

Шах, обрета счастливую любовь,
К вину и музыке вернулся вновь.

В звенящих кубках пенилось вино,
И пение звенело заодно.

В саду, нередко до ночной поры,
Он царственные задавал пиры.

Дворцовый сад мы раем назовем:
Царица рая пребывала в нем,

Нет, роза, украшавшая цветник!
Бахрам терял сознание каждый миг...

Когда вином веселым наслажась,
Из белой розы красной становясь,

Настраивала звонкий ченг она,—
Согласно пели струны, лишь одна

Струна, оцепенев, рвалась в тиши:
Рвалась струна бахрамсовой души.

Не ченг, а постник у нее в руках:
Он стан сгибает, как святой монах,

Он опускает скорбную главу...
Нет, пьяницей его я назову:

Звенит он,— и заслушался кабак,
Сам пьяный, опьяняет он гуляк.

Но входит гурия в его игру,
Заводит песню магов на пиру,

И мир преображается земной,
Задет ее волшебною струной.

Мы вспомним феникса, на ченг взглянув,
Всю чашку выдолбил чудесный клюв;

В ней дырочки сквозные—то проход
Для тонких струн... Какой мудрец сочтет

Число всех звуков, что звенят вокруг?
Из каждой дырочки исходит звук,

Летя по струнам! Лишь рукою тронь,—
Как феникс, ченг низринет в мир огонь,

Заслушавшийся мир объят огнем,
Но ченг, сгорая, вновь родится в нем.

Хотя павлином феникс наряжен,
Он соловьиным горлом наделен.

Нет, феникс музыку завел свою,—
Сгорая, мир внимает соловью.

Не диво, что весь мир к нему приник:
Китайский соловей розоволик...

Розоволикой был Бахрам пленен,
Покая без нее не ведал он,

Не отрывал от милой пери глаз,
От песен — слуха, пламенел и гас,

Он без нее метался без души,
Но рядом с ней лишался он души.

Он пил вино, от страсти к ней сгорев,
Жизнь возвращал ему ее напев.

Волшебным пенъем сердце зажжено:
Чтобы залить огонь, он пил вино.

Она лицо откроет — гибнет он,
Уста раскроет — издаст он стон.

Чтоб успокоить сердце, бедный шах,
Прервав пиры, охотился в степях,

Но удалялся от пиров ли он,
Иль предавался шумной ловле он,—

С возлюбленной не разлучался шах,
Быть без нее не соглашался шах.

В степях Китая жившая досель,
Любила черноокая газель

Степной простор, степную пестроту,
Тюльпаны в ослепительном цвету.

Вот почему ей были по душе
Поездки в степи, отдых в шалаше.

Летели ловчие, сгоняя дичь,
Веселый, грозный издавая клич,

Скакал Бахрам, по травам и камням,
Качалась в паланкине Дилярам...

Охоту превратил в обычай он,
Но сам для пери стал добычей он.

Лукавый идол пенъем колдовским
Его смущал и властвовал над ним.

Желая загасить любовь, Бахрам
Все чаще припадал к ее устам,

Но пламя страстное не гасло в них:
Как видно, заключалось масло в них!

Любовь неутолимою была:
Ведь гурия — любимою была...

Чем больше уголял желанье он,
Тем дольше чувствовал пыланье он.

Шах даже рядом с ней терял покой,
А без нее стонал он, как больной.

Свиданья были гибельней огня,
А без нее не мог прожить он дня.

Она ему подругою была,
Возлюбленной, супругою была,

В беседах с ней он счастье находил,
В свиданьях с ней он страстью исходил.

Так страстью пламенной увлекся он,
Так близостью к луне зажегся он,

Так был он околдован, так привык
Перед собою видеть лунный лик,

Что, властный, он при ней не смел вздохнуть,
А без нее в тоске терзалась грудь.

И до того дошло, что мудрый шах
Забыл о государственных делах,

Пренебрегал и правосудьем он,
Не помогал несчастным людям он,

Заботами не радовал народ.
Уже роптал, досадовал народ,—

Не слушал жалобы народа он.
Так прожил три-четыре года он...

Кто яд любви вкусил,— в конце концов
Лишится всех престолов и венцов.

Бедняк последний, гордый шах страны,—
Пред воинством любви они равны.

Любви подуют смелые ветра,—
Взлетят равно и щепка и гора.

Поток любви обрушится с высот,—
Равно дворец и хижину снесет.

Дракон пред ней дрожит, как муравей,
Как жалкий нищий, робок царь царей!

И вот, заботы царские поправ,
Завоеватель множества держав —

Владыкой всех племен его зови —
По доброй воле стал рабом любви.

Теперь одну преследовал он цель:
Охотясь, развлекать свою газель,

Отыскивать все новые места,
Чтоб скуки не знавала красота,

Покуда час веселья не пробьет
И лунолика не запоет.

Стремится он и к песне, и к вину,
Лишенный воли, видит он одну

Свою черноволосую мечту,
Любовь звонкоголосую в цвету!

Погибелью душе грозит вино.
Когда ж оно с любовью заодно,—

Бессилен человек: судьбу губя,
Он пустит по ветру всего себя.

Был шах пленен любовью и вином.
О том, что стало с ним, рассказ начнем.

4

Бахрам, во имя песен и забав,
Другим дела правленья передав,

Оставил без надзора царство все,
Пришло в расстройство государство все.

Поскольку не каралось больше зло,
Неправый меч насилье подняло.

Шах отошел от справедливых дел,
Кто власть имел, тот делал, что хотел.

Мздоимная правителей толпа
Налоги отдала на откупа,

Разбойники закрыли все пути,
Да так, что ни проехать, ни пройти,

Был под угрозой домашний кров,
Удел народа — черен и суров.

Запели громко бражник, блудодей,
Затихли речи праведных людей.

Покрылся пылью мудрости сосуд,
С вином блестели кубки там и тут.

Как черви, волки развелись кругом,
Не овцами питались — пастухом!

И несколько советников царя,
Сановных собеседников царя,

Добившихся приёма у него,
Бахраму доложили, каково

Державы положенье, как народ
Страдает, ропщет, правосудья ждет.

Их выслушав, Бахрам не спал всю ночь.
Он думал: „Как беде своей помочь?“

Увы, напрасно к помощи прибег:
Беспомощен влюбленный человек...

Хотя любовью был измучен шах
И воли не было в его руках,—

Душой и телом преданный луне,
Он думал о народе, о стране:

„Как исцелить себя? Лекарства нет!
Бежать, отдать другому царство? Нет!

Пока я царь, всегда в своем саду
Такую луноликую найду.

Не обладай державной властью я,
Ключа не отыскал бы к счастью я,

Не знал бы, где моей луны жилье,
Не стал бы я возлюбленным ее.

Но раз она существовать должна,
Не существует все, что — не она!

Сказав: „живи для власти и для нег“—
Ты скажешь: „преврати мне пламя в снег“.

Избавиться от страсти он желал
Затем, что жить без власти не желал.

Но отказаться от любви не мог,
Хотя найти пытался он предлог:

Не совместим с любовью царский сан.
Цари болтают о любви? — Обман!

Любовь предназначается тому,
Кто, в ней сгорев, исчез в ее дыму,

Кто, равнодушен к суете сует,
Душой отверг и тот, и этот свет,

Кто ради прихоти любви готов
Пожертвовать блаженством двух миров,

Кто за возлюбленную жизнь отдаст,
Свою загубленную жизнь отдаст!

Но шаху, покорителю держав,
Который, битву ремеслом избрав,

Несправедливо проливает кровь,—
Чужда необоримая любовь.

Влюбленным он подобен иногда,—
На жертву не способен никогда!..

И часто — на охоте, на пирах —
В такие думы погружался шах,

Из рук возлюбленной он пил вино,
А сердце было смутю полно.

Однажды ловлей завершился пир.
С Бахрамом рядом был его кумир,

А в голове шумел тяжелый хмель.
Вдруг Дилярам увидела газель...

Бахрам так ловок был в метаньи стрел,
Охотничьим искусством так владел,

Что промаха не знал, стреляя в цель.
Сказал он луноликой: „Вот газель“.

Несется, быстроногая, вдали.
В какое место,— пери, повели,—

Мне следует метнуть стрелу свою?
Как ты прикажешь, так ее убью“.

О, нет китайским тонкостям числа!
Насмешница в ответ произнесла

Загадочные, тонкие слова:
„Мой шах! Оковы наложи сперва

На две ее передние ноги,
Потом стреле, охотник, помоги:

Остановив газель на всем бегу,
Зарежь добычу, стоя на лугу“.

Шах, выслушав красавицы приказ,
Ее загадку разгадал тотчас:

Охотник ловкий был, умелый он!
И вынул из колчана стрелы он,

И, медленно натягивая лук,
Газельи две ноги связал он вдруг

Стрелюю тополёвой, и стрела
Под кожей к тонкой кости приросла.

Тогда в газель нацелился он вновь,
И горло ей пронзил, и пролил кровь.

Исполнил шах желание госпожи!
О ловкости Бахрама ты скажи:

„Не только люди — неба древний свод
Соперника ему не подберет!“

Когда Бахрам искусство показал,
Застыл он в ожидании похвал,

Но гурия, прекрасна, как луна,
Была презренья ко всему полна.

Руки Бахраму не поцеловав,
Не похвалив властителя держав,

Сказала: „Каждый день стреляя дичь,
Кто б совершенства не сумел достичь!“

Невольню шаха подняла на смех,
Старанью приписав его успех.

Поняв слова красавицы своей,
Морщины шах навел на лук бровей,

Сердьясь: да разве это похвала!
Увидев, что Бахрама привела

В расстройство, поспешила Дилярам
Дать объяснение своим речам,

Но все испортила, сказав ему:
„Я твоего упрёка не приму,

Правдивы чистые мои слова.
Мой шах! Себя возьму в пример. Едва

Коснусь я ченга слабою рукой,—
Сердца перенесу я в мир другой.

Быть может, красота повинна тут?
Нет, упражненье, постоянный труд!

Я прилежанье видела твое.
Чем сердце я обидела твое,

Сказав об упражнениях? Ужель
Без них попад бы ты стрелой в газель?“

От этих слов объял Бахрама гнев.
Вскипела ярость, сердцем овладев.

Когда властители разъярены,
Бегите жители из их страны!

Гнев самовластья страшен, гнев обид:
Он очи милосердия слепит.

Уже Бахрам хотел ее убить,
Уже мечом своим хотел срубить

Цветущий, вольный, стройный кипарис,—
Но в свите некоторые нашлись

И молвили: „Поступок нехорош.
Ужели женщину мечом убьешь?“

А несколько гупцов произнесло:
„Их убивать — не просто ремесло,

А высшее искусство!“ И луну,
Из паланкина высадив одну,

Отправили на самый край земли,
В бесплодную пустыню привели,

Где ядовитая трава росла:
Был каждый лист колючим, как стрела.

На землю повалили тонкий стан,
Скрутили косы длинные в аркан,

Вкруг шеи обвязав их... Вот в петле
Она лежит на высохшей земле:

Ей, косами пленявшей, довелось
Стать пленницей собственных волос...

Злодейство это было свершено
В тот миг, когда и ярость, и вино

Бахрама ослепили. Дотемна
От ярости хмелел он и вина.

На утро, встав с тяжелой головой,
Наполнить приказал он кубок свой.

Опохмелившись, он спросил: „Куда
Исчезла утра моего звезда?“

Он сам забыл о том, что совершил!
Один из приближенных доложил

О том, какое зло произошло.
И ужаснуло шаха это зло,

И светлый день померк в его очах.
И помраченным сердцем понял шах,

Что резкий ветер ярости слепой
Забушевал, что собственной рукой

Он обезглавлен. И сказал Бахрам:
„Сейчас в пустыню я помчусь, и сам

Из края в край на поиски пойду,
Найду свою красавицу, найду,

Паду к ногам, когда она жива,
Умру я сам, когда она мертва!“

Однако, честь венца, престол и власть.
К ее ногам не позволяли пасть,

На это дело разум восставал,
Бахраму стыд покоя не давал,

Но с разумом любовь боролась в нем,
Любви звенел призывный голос в нем.

Так мучилась душа меж двух огней,—
Скажи: меж двух драконов — муравей!

Шах, голову на землю положив,
Метался полумертв и полужив.

5

Достойный смеха более, чем слез,
Бахрам себе такой удар нанес,

Что без сознания двое суток был.
Когда в себя пришел он,— жуток был:

И темен третий день. Войска любви
На приступ силы двинули свои,

Вступила в крепость мстительная рать,
Державу сердца стала разорять.

С избытком сердца утолило страсть,
Чтоб эту страсть жестокою проклясть.

Поплыл купец. Что ж, прибыль он обрел,
В пучине моря гибель он обрел!

Трудясь в саду, садовник ждал награды,
Но обломал его деревья град.

Была желанья молния светла,—
Сожгла Бахрама бытие дотла.

Он драгоценный камень отыскал,
Но раздавил его камней обвал.

Он, защищая царство, поднял меч,
Чтобы мечом свою же грудь рассечь.

Хотел ресницы начертить сурьмой,—
Мир оказался черною тюрьмой.

Навылет в грудь он ранен был тоской,—
Избави бог от участи такой!

Бахрам, великой скорбью удручен,
Напоминал согбенный небосклон.

В душе как будто оборвалось все,
Скрипело тело, словно колесо,

Ужиться тело не могло с душой,
Душа для тела сделалась чужой.

Когда же к горлу подошла душа,
Бахрам поднялся и пошел, спеша,

В пустыню, над которой зной повис.
Он думал: „Если жив мой кипарис,—

Благословлю свою удачу я.
А если мертв,— тогда заплачу я,

На мертвую взгляну я красоту,
От стонов избавленье обрету,

Убью себя, с возлюбленной сольюсь,
Разлука не расторгнет наш союз!“

Прошел он по степным тропам стопой,
Ища любимую в степи скупой.

Но вольный кипарис нигде не рос:
Его обитель — средь пахучих роз.

Кто розу обретет в степном песке,
Когда ее цветенье — в цветнике?

Она меж яблонь скрылась от людей,—
Ее найдешь по яблокам грудей.

В потере убедившись роковой,
Стал шах о землю биться головой,

Вопил и плакал мира властелин,—
Фархад не разыскал свою Ширин!

Как птица с переломанным крылом,
Припав к земле, рыдал он о былом.

Сказал он, обливаясь кровью слез:
„Я над самим собою меч занес!

Кому теперь судьбу свою вручу?
Я жизни собственной задул свечу!

Какое дело, боже, сделал я.
С душой и телом что же сделал я!

Кто равен скорбью мне в пыли земной?
Что сотворило, небо, ты со мной!

Добра у синей тверди я прошу,
Пылинки милосердия прошу,—

Жестоко ты, не хочешь мне помочь!
Мою судьбу ты превратило в ночь,

Но вместо звезд мне слезы принесло,
А солнце счастья моего зашло.

Пылает страсть великая моя.
Но где же солнцеликая моя?

О небо, жизни погаси свечу,
Жить в этом низком мире не хочу!

Возлюбленную ты взяло,— молю:
С ней заодно возьми ты жизнь мою!

Возьми: я жизнью сыт, клянусь творцом,
О смерти дух скорбит, клянусь творцом.

Возьми, свое злодейство доверши:
Несчастлива плоть, в которой нет души!

Он плакал, стоном оглашая дол,
Забыл он свой венец и свой престол,

Забыл он о столице, о стране,
С печалью стал он жить наедине,

Лишь о любимой думал он теперь,
В пустыне стал он жить, как дикий зверь.

Стонал он, разрывая воротник,
Но вскоре город в той глуши возник.

Узнав,—какая с ним беда стряслась,
Его любви мучительной дивясь,

Стремилась люди в степь со всех сторон,
Пустынный край был в город превращен...

Как Дилярам, небесный свод погас.
Лежал Бахрам, не закрывая глаз:

Мир превратился в мрак. Бахрам, скорбя,
В нем чужеземцем чувствовал себя.

Весь мир объял тысячерукий мрак:
То был печали мрак, разлуки мрак,

Он плоть и мысль, и душу иссушал,
Живую воду в сушу превращал!

О нет, не мрак окутал мир, а дым:
Огонь разлуки буйствовал под ним.

Бахрам вопил,— что вопль его теперь?
В огне тоски он топливо теперь,—

Разлука лучшим топливом сочла
Влюбленных бесприютные тела...

Хотя Бахрам от суеты мирской
Был отделен завесою ночной,

Разбила свита для него шатер,
Чтоб скрыть его страдания костер,

Людей подальше отогнала прочь...
Так вот что принесла разлуки ночь!

Таились люди по глухим углам,
Дивились вслух таинственным делам,—

Любой об этом диве говорил:
Один о страшном диве говорил,

Другой о страстной пери говорил,
А третий о потере говорил,—

Для всех недуг непостижимым был,
А шах стонал: он одержимым был!

Заснули слуги под ярмом забот,
Не ведая, что их на утро ждет,

Остался шах в невидимом огне,
С измученной душой наедине.

6

Когда невыносимым стал ожог,
Бахрам перешагнул шатра порог,

В уединенный он вошел покой:
Бахраму надоел весь род людской!

Покрепче изнутри он запер дверь,
Упал на землю, заревел, как зверь,

И одиночества издал он крик.
Он разорвал сначала воротник,

Потом зубами искусал себя,
Он бил себя, он истязал себя,

Он голове удары наносил
И, весь в крови он выбился из сил,

Припал, в изнеможеньи, к двери он,
В душе увидел образ пери он,

Припомнил косы черные до лят,—
И вот печалью черной он объят.

Изогнутая бровь предстала вновь,—
Согнул он тело слабое, как бровь.

Нет, стал он полумесяца кривей
При виде полумесяца бровей!

Ее глазам газельим отдал дань,—
В пустыне сердца заметалась лань.

Ее ресницы мысленно узрел,—
Вонзились в тело сотни тысяч стрел:

То были не ресницы-волоски,
А грозные индусские стрелки.

Вообразил он светлое чело,—
Увы, затменье на него нашло.

Тоскуя по живительным губам,
И умирал, и оживал Бахрам.

Кровавыми слезами он рыдал,—
Степные камни превратил в коралл.

Пошли душа и тело на ущерб,
Сноп бытия скосил жестокий серп,

В глухой степи он точкой мнимой стал,
Воспоминаньем о любимой стал!

Ты не гонись за призраком степным,—
Найдешь его по признакам таким:

Он в памяти о гурии живет.
Когда он вспомнит животворный рот,

Ее зубов жемчужную красу,
Прольет он слез жемчужную росу.

Но вот он вспомнил нежный голос вдруг,—
Душа на части раскололась вдруг.

Ему припомнился ее напев,—
Исчез Бахрам, в небытии сгорев,

И ожил вновь, предав себя тоске
По ямочке на розовой щеке.

Чуть видный, тонкий стан пред ним возник,—
Бахрам заволновался, как тростник.

На серебро груди посмел взглянуть,—
И слезы стали тяжкими, как ртуть.

Он вспомнил, как держала ченг она,—
Нить жизни оборвалась, как струна.

Он заболел, а лекарь не помог.
„О, неужели это — я, мой бог,—

Стояли с непокрытой головой
И выщипанной в горе бородой¹,

Но видя: стоны бесполезны все,
Недуг опасней, чем болезни все,—

Собрание созвали, наконец,
И долго толковали... Наконец,

Сошлись на том, что здесь, в глуши степной,
Не должен оставаться их больной.

Врачи рекут: здесь воздух нехорош,
Больного этим воздухом убьешь,

К тому ж за ним необходим уход,
А здесь больной удобства не найдет.

И люди шаха в город понесли,
Свой разрывая ворот, понесли,

И поместили в розовом саду.
До вечера метался шах в бреду...

Едва царя лишается престол,
Народ находит время для крамол,

Беспомощное, в пламени горя,
Трясется тело бедного царя.

7

Хотя воссел Бахрам на свой престол,
Он до ночи в сознание не пришел.

Он был убит, он был сожжен тоской—
Престол казался гробовой доской.

С престолом ты связал свою судьбу?
В конце концов окажешься в гробу!

Вот опустился занавес ночной.
Почуял запах мускуса больной.

Очнулась шаха скорбная душа,
Ночными благовоньями дыша.

¹ Знак отчаяния и печали.

Открыв глаза, мгновенье помолчал,
И вдруг он страшным криком закричал:

Возлюбленной он вспомнил лунный лик!
И стон его, и вздох, и плач, и крик

Пронзили небо в чуткой тишине,
Затрепетали звезды в вышине!

Как острый меч — его тоски глагол:
Он звезды, очи неба, проколол.

От ветра вздохов завертелось всё,
Пришло в движенье мира колесо.

Возникла на пороге смерть сама, —
Увидела, что шах сошел с ума!

Ослаблен был его ущербный мозг, —
В руках недуга мягким стал, как воск.

Уже Бахрам свой пламень погасил:
Уже для стонów нехватало сил.

Уже смятенье кончилось. Уже
Несчастный был на смертном рубеже.

Не слышно было голоса его.
Лишь иногда с престола своего

Он голос подавал. В тоске, в слезах,
По временам просил о чем-то шах,

И просьба стояла ему труда,
Но разума в ней не было следа.

Утратили друзья надежды все,
Порвали на себе одежды все!

Чтобы вернуть ему сознания свет,
Столпы страны собрали на совет

Врачей царя, четыреста числом,
Прославленных высоким ремеслом,

И вот какие речи повели:
„Наш господин, владыка всей земли,

Изобретали яства и питье,—
Усердно дело делали свое.

Блаженны духом, с думой на челе,
Себе не зная равных на земле,

Четыре сотни сведущих врачей
Трудились, не сомкнув своих очей,

И вот, стараньям их благодаря
Рассеялось безумие царя,

Под благостным воздействием наук
Стал менее мучительным недуг,

Частичного здоровья шах достиг,
Луч разума в безумный мозг проник.

Сказали врачеванья знатоки:
„Теперь избавим шаха от тоски.

Лечили мы и холили его,—
Спасем от меланхолии его.

Как быть нам с одиночеством его?
Займем искусным зодчеством его!

Он телом слаб, и взгляд его угрюм,—
Займем постройкой зданий скорбный ум,

И созерцанье зодческих работ
Успокоенье шаху принесет.

Когда строитель, мыслью вдохновен,
Дворец изобразит со всех сторон,

Когда покажет смелый он чертеж,
Где старое и новое найдешь,—

Забудет шах любви опасный зов,
Весь поглощен строительством дворцов!“

Решив, что мысль такая хороша,
Больного шаха исцелить спеша,

Столпы державы приняли совет...
Проведали цари семи планет,

Что заболел тоской великий шах.
И так как был для них владыкой — шах,

То все отправились в чертог его,—
Ресницами мести порог его,

И днем, и ночью состоять при нем!
И каждый шаху верным был рабом,

И каждый клялся дружбою своей,
Гордился каждый дружбою своей,

Бахраму угождал, как только мог,
В надежде, что, когда поможет бог,

Пойдет о них в народе добрый слух,—
Шах наградит вернейшего из слуг.

Когда постановили мудрецы
Построить небывалые дворцы,

Тогда цари семи частей земли
К согласному решению пришли:

Усердье проявив, молясь творцу,
Они построят каждый по дворцу—

Изящества он будет образцом,
Творения сияющим венцом,

А шах большое сердце развлечет,
Следя за ходом зодческих работ!

Бахрам слова их принял в добрый час:
Его согласие — милость и приказ...

Тянулись от столицы семь дорог.
По ним народов двигался поток,

Дороги эти длинные вели
К столицам всех семи частей земли.

В начале каждой из семи дорог
Воздвигнуть было решено чертог.

Строителей не молкли голоса
И шумом оглушали небеса,

А те дарили им свои лучи,
Из солнца создавая кирпичи,

И говорили, их труды хваля:
„Семь райских куц вместит в себе земля!“

Дворцы росли, меняясь на глазах,
И созерцая их, увлекся шах.

Вот, проявив усердье, наконец,
Закончил каждый зодчий свой дворец.

Покуда шло строительство, Бахрам
Дивился день и ночь своим дворцам,

Многоискусных зодчих мастерство
Целебным средством стало для него.

Могучие дворцы достигли туч,
Но каждый зодчий тоже был могуч,

Свою работу каждый кончил в срок,
Украсились дворцами семь дорог.

Вот улеглось смятение любви,
Утихло наваждение любви,—

Но тут работы кончились, и впредь,
Казалось, шаху не на что смотреть.

Но молвили четыреста врачей,
Премудрости четыреста свечей:

„Еще одно лекарство нам дано:
Искусством называется оно.

Художники, прекрасного творцы,
Пусть разукрасят царские дворцы,

Их живопись, волшебна и нежна,
Для шаха стать целебною должна.

Пусть вдохновенье, озарив сердца,
Распишет стены каждого дворца,

Окрасив их в один и тот же цвет
Снаружи и внутри,— вот наш совет“.

Сановники отправились к Мани,
Сказали так художнику они:

„Ты создал кистью множество картин,
Явил ты всем художество картин,

Искусства красок стал вершиной ты,
Услады царской стал причиной ты,—

Здоровья царского причиной будь,
А мы тебе укажем верный путь.

Перед тобою — семь дворцов, Мани.
Немедленно их украшать начни,

Их распиши снаружи и внутри,
Но семь цветов различных избери.

Тебе не скажем: „Так, мол, распиши,“ —
Ты следуй лишь велениям души;

„Не делай так“, — ненужные слова,
Не станем нарушать твои права,

Так распиши, как пожелаешь сам“.
Художник руку приложил к глазам,

Ответив: „Хорошо. Вот мой приказ:
Все нужное доставьте мне тотчас“.

И каждый по приказу поступил,
И мастер к делу сразу приступил.

Со всех бахрамовых земель, держав
Художников искуснейших созвав,

И тех, кто позолоту наводил,—
Для каждого работу находил.

На семь отрядов их разбил Мани;
В семи дворцах работали они,

А сам учитель попевал везде:
Он — вдохновитель их в святом труде.

Искусством увлечен, по всем дворцам
С утра до вечера ходил Бахрам.

Картины возникали каждый миг,
Казалось, в каждой новый мир возник!

Он о своей кручине забывал,
Он бытие в картине познавал!

Пленила сердце роспись крепких стен,
Забыло сердце свой любовный плен.

Прошло немного времени, и вот
Величественны, как небесный свод,

Окрашены в различные цвета,—
Дворцы готовы: прелесть, красота

К ним из эдемских перешли садов.
И стали семь дворцов—семи цветов!

Хотя в душе Бахрама не погас
Огонь любви,— он ослабел сейчас.

Тогда сказал врачей высокий круг;
„Нашли мы средство устранить недуг.

Семью дворцами обладает шах,—
Семь гурий поселим в его дворцах.

Подчинены Бахраму семь царей,
Отцы семи красавиц-дочерей.

Царевны эти—гуриям сродни,
Бахраму будут женами они.

Их музыкой, их пеньем опьянен,
Он будет их любовью исцелен“.

Державы многодумные столпы
К семи царям направили стопы,

Нашли семь гурий, чудо из чудес,
Семь ярких солнц за пологом небес,

Семь бедствий мира, семь его даров,
Сознания разрывающих покров,

Семь ясных звезд,—а блеск их нужен всем,—
В ларце невинности — жемчужинь семь!

Да, звезды, но сокрыт их нежный свет,
Жемчужины, но в них отверстий нет!

Не только слово,— самый тонкий стих
Изобразить не в силах прелесть их!

Услышали цари семи планет,
Каков премудрый лекарей совет,

И поразились: в голову царям
Ни разу не пришло, что шах Бахрам

К себе в гарем возьмет их дочерей!
Но, выслушав посланцев, семь царей

Ответили с покорностью в очах:
„Поступим так, как нам прикажет шах,

Мы — капли малые в морях его,
Мы под ногами шаха—прах его,

Пылинки мы: вознес он к солнцу нас.
К чему согласие наше иль отказ?

Он — царь царей, он украшает мир!..“
И каждый свадебный устроил пир.

Когда же наступил конец пирам,
Семи красавиц мужем стал Бахрам,

И каждая вступила в тот дворец,
Который выстроил ее отец.

И вот, согнав с лица Бахрама тень,
Врачи установили час и день,

Когда, в какой дворец ему входить,
Кого из обитательниц почитать.

Сказали: „Вот зашел заботы день,
А завтра предстоит субботы день,

Для шаха счастлив этот день всегда —
В зените в этот день его звезда.

Пусть мускусом поит его газель,
В гареме черном постелив постель“.

СУББОТА
БАХРАМ В ЧЕРНОМ ДВОРЦЕ.

Когда, за светлой камфарой завес,
В субботу утром ночи мрак исчез,

Шах в мускусный дворец решил вступить,
С газелью мускусной вина испить.

Дочь Индии, чьи губы — жизни цель,
Зови ее: китайская газель, —

Явилась в одеянии ночном:
Горели звезды-жемчуга на нем.

В одежде мускуса на трон взошла,
На черном троне воцарилась мгла.

Она сияла в этой мгле ночной,
Она казалась полною луной.

Весь в черном, к луноликой шах вошел,
Воссел потомок Джема на престол,

Воссел с луной своей наедине:
Завидовало солнце той луне!

Все было амброю напоено,
Для них дышало мускусом вино.

Но вот на землю сумерки легли,
Закрыли амброю лицо земли.

Отраду всем суббота принесла,
Лишь властелину — муки без числа,

Мрачнели очи скорбные царя...
Объятья допуская, лекаря

Велели предписание блюсти
И дальше поцелуев не идти.

Об этом знала светлая луна:
К Бахраму не приблизилась она.

Лекарство для него нашли врачи:
Веселье — днем и долгий сон — в ночи.

Но шах такой печалью был пронзен,
Что улетел от глаз, в испуге, сон.

Ушла красавица к себе в покой, —
Бахраму опротивел мир земной.

Метался и стонал несчастный шах:
О вьющихся он грезил волосах,

О пери, похищающей сердца,
И томным грезам не было конца.

Поняв: убьет бессонница его,
Ночь муками не тронется его,

Бахрам, желая заглушить недуг,
Велел, чтоб двое или трое слуг

На поиски пошли в ночную тьму,
Ночного гостя пригласить к нему.

„В мой дом, где скорби раздается стон,
Да будет первый встречный приведен:

Быть может, мой утешит разум он,
Развеселит меня рассказом он,

Быть может, сон в мои глаза войдет,
Душе даруя отдых от забот“.

И слуги сразу путника нашли,
Блуждающего по лицу земли.

Он был к Бахраму приведен тотчас.
„Садись! — он шаха услышал приказ, —

Отраду принеси беседой мне,
Сказанье мудрое поведай мне!“

Тот поступил, как приказал Бахрам,
Почтительно припал к его стопам,

В молитвах шаха помянул не раз:
„Твою тоску развеет мой рассказ!“

Прочтя молитву, произнес зачин:
„Был или не был некий властелин...“

*Рассказ путника,
приведенного с дороги в Черный дворец.*

„В Индийском царстве был когда-то встарь
В делах правленья мудрый государь.

Не знал он войску своему числа,
Казна его бессчетною была.

Мечом поверг он в ужас целый мир,
Пред ним дрожал Китай, дрожал Кашмир.

Звалась его столица Серендиб,
Его слугой мы небо счесть могли б.

Соседним шахам зависть он внушил,
Смертельным страхом шахов устранил.

Он был грозою сопредельных стран,
Являл величье власти Джусрат-хан.

Был у него один любимый сын,
Побег от корня, сердца властелин.

И первенствовал юноша во всем,
Ученостью сияя и умом.

Он был отрадой старого отца
И подданных он озарял сердца.

Природой был он взыскан, сочетав
Приятное лицо и добрый нрав.

У сверстников главенства он достиг,
В искусствах совершенство он постиг.

Один лишь путь он знал среди путей:
От огорченья избавлять людей.

Он знал: надежней всякого щита—
Богобоязненность и чистота!

Для ближних всем пожертвовать готов,
Обрел он в ближних преданных рабов.

Глаза ласкал он взглядом, речью—слух.
Вот имя сына ханского: Фаррух.

Не зная бед, султанствовал отец.
Так сорок лет проханствовал отец,

К восьми десяткам подошли года,—
Вкус к жизни он утратил навсегда:

Решил покою старость посвятить,
Сыновним светом сумрак осветить,

Фарруху государство передать,
Престол, венец и царство передать,

Китай роскошь, Индии дары...
Но сын чуждался этой мишуры,

Фаррух стремился к бедности святой,
Богатство, власть считал он суетой,

Он склонности к женитьбе не питал,
А хан Джусрат женить его мечтал.

Однажды ночью, тихо сотворив
Молитву светлую, благочестив,

Фаррух смиренно сотворил поклон.
И на глаза его под утро сон

По-тюркски совершил набег лихой.
Бесплотных сновидений чистый рой

Увлёк Фарруха по степной тропе,
И он обрел себя в густой толпе.

Увидел он: потерял людям счет,
К единой цели всю толпу влечет.

В движении был этот шумный люд,
И небосклон, горбатый, как верблюды.

Носилки чьи-то над толпой качал,
Завесы черный бархат источал

Свой мускус, как джейрана железа.
Увидели царевича глаза:

Восточный ветер широко дохнул,
Как облако, завесу распахнул,

Явилась пери, все животворя,
Не пери, а восточная заря.

И вот Фаррух лучом зари сожжен,
Сияньем пери в пепел обращен!

Взглянуть он хочет вновь, лишенный сил,
Но бархат облачный зарю закрыл.

Тогда услышал он, огнем палим,
Что эта степь вела в Ерусалим...

От сна внезапно пробудился он:
Дыханьем горя был развеян сон.

Росла неимоверная печаль,
Великая, безмерная печаль.

Сказал: „Мне должен мысли свет помочь,
Не то меня любви погубит ночь“.

И мысль зажглась решением таким:
Отправиться скорей в Ерусалим,

Идти, искать, чтобы в конце пути
Любовь или погибель обрести!

Когда сложило небо свой шатер,
Когда раздуло утро свой костер,

И день открыл благословенный лик,
К ногам отца Фаррух с мольбой приник:

„Отец! Мое желанье — видеть свет,
А подавить желанье — силы нет.

Похитила мой разум эта страсть,
Приходит страсть — теряет разум власть.

Когда унять мою ты хочешь боль —
Отправиться в дорогу мне позволь.

А не позволишь — все-таки уйду,
А не уйду — покоя не найду!“

Старик-отец в волнение пришел.
Рукой дрожащей впился он в престол,

Боясь лишиться сердца своего...
Сказал: „Частица сердца моего!

Ты о разлуке говоришь? Молчи!
Стрелу разлуки в сердце не мечи!

Стать завтрашним дано сегодня мне,
Обитель предстоит господня мне.

Меч скорби спрячь в ножны: я сам умру.
Удары не нужны: я сам умру!“

Ужасным стоном застонал Джусрат,
Но сына страсть безгласная стократ

Была сильней, чем громкий этот стон.
Старик заплакал, горем потрясен,

Но тот огонь, который сына жег,
Отец слезами погасить не мог,

Не мог от страсти сына исцелить...
Велел он половину отделить —

Для сына не жалея ничего —
Своих сокровищ, войска своего,

Фарруха в дальний снарядить поход,
Убранством царским изумив народ.

С душою тело потеряло связи!
Хан зарыдал, со странником простясь,

Была большая улица пуста...
Молчаньем он замкнул свои уста,

Решил он скрыть от воинов и слуг
Душевного бессилия недуг:

Он думал: горек будет мой позор,
Когда проникнет в горе чуждый взор.

Пусть в пламени спорят душа и плоть,
Я должен пламя скрыть и побороть!

Но, скрыв от всех горение свое,
Явил он всем борение свое,

В отчаянье он спутников поверг.
А между тем горячий день померк,

Решили воины на отдых лечь,
Царевича их изумляла речь,

Страдальца слов никто не понимал.
А он друзьям рассеянно внимал,

До боли стало людям жаль его,
Их опечалила печаль его.

Но вот шатры теней раскинул сонм,
Затих Фаррух, объятый грустным сном;

И, горем спящего потрясена,
Сдалась в полон вся свита сонмам сна.

Но холоден полночный полог был,
А сон царевича недолог был.

Вошел огонь любви в его нутро...
Он встал, достал бумагу и перо

И написал товарищам своим:
„Воистину наш мир непостижим,

Его пути превратностей полны,
В своих желаньях люди не вольны.

Я чту предначертание свое:
Хочу найти мечтание свое!

Исканий предназначен мне удел,
Скитаний неизвестен мне предел.

Так труден и туманен жребий мой,
Что речь моя становится немой!

Зачем привел я на чужбину вас!
Я — странник, я теперь покину вас,

А вы уйдете из чужой страны,
Разыскивать меня вы не должны;

Напрасно не стучитесь в каждый дом;
На родине друг друга мы найдем.

Я жизнью сыт по горло, но клянусь:
В живых останусь — в Индию вернусь,

Умру, — отчизна милость мне пришлет;
Домой идите, мир вам и почет!

Страницу горя он свернул, скорбя,
На ложе положил взамен себя.

Он царскую одежду сбросил с плеч,
В ткань грубую спеша себя облечь.

Палас накинуд на себя, как ночь,
Пошел он тихо от стоянки прочь.

Мучительной любовью одержим,
Носился он по улицам ночным.

Кружился, не встречая ни души, —
Вдруг баню видит он в степной глуши.

И пепел печи странника привлек:
Накрылся он паласом и прилег.

Хотя вблизи — потухшая зола,
Но в пламени душа его была:

Кому не посчастливится в любви,
Тот жертва нечестивицы-любви!

Когда же утро озарило всех,
Свой горн поставив и раздув свой мех,

В стоянку хлынули лучи небес.
Проснулись. Где Фаррух? Фаррух исчез!

Тут обуял испуг несчастных слуг,
Кто побежал на север, кто на юг,

Искали двое суток — не нашли.
Пришли, нашли записку и прочли.

И поняли: конца мытарствам нет,
Недуг тяжел — пути к лекарствам нет:

Царевича разыскивать нельзя!
Оплакивали верные друзья

Птенца, покинувшего отчий дом.
Но люди, вскоре убедившись в том,

Что им сейчас утраты не вернуть,
Пустились в Индию, в обратный путь.

Не зная, что Фаррух глядит им вслед,
Передавая родине привет.

Увы, сожгла царевича гроза:
Его сгубила девичья краса!

Из знатности в ничтожество он впал
И в бедность из вельможества он впал.

Им овладели тысячи кручин.
Вот множество людей, а он — один.

Распался на две части мир земной:
В одной — весь род людской, Фаррух — в другой.

Как мог он исцелить себя, когда
Исчез источник боли без следа!

Метался он по городу, — нигде
Исхода не было его беде,

Конца и края — толпам городским,
Числа и счета — улицам чужим.

Запомнить их не в силах человек,
Хотя бы он топтал их целый век!

Кто б сосчитал песчинки всех песков?
Поболе было в городе домов!

Кто б сосчитал травинки всех степей?
Поболе было в городе людей!

Блуждал по улицам Халеба он
И вкус забыл воды и хлеба он.

О том, кто голодает, говорят:
„Он много дней подряд вкушает яд“.

Чужбины жалким пленником он стал,
Мученья соименником он стал.

Легло так много тягот на него,—
Не знал, что разом лягут на него!

Гляди: немало в мире странных дел,—
Он выбрал удивительный удел:

Хотя он роскошь отвергал не раз,
Ужасен был от роскоши отказ.

Хотя он ясно цель свою постиг,
Он к ней не приближался ни на миг!

Сказал: „Довольно! Пусть я одинок,
Пусть нет со мной людей,— со мною бог.“

Пойду на розыски, пока живу,
Свой сон опять увижу наяву“.

И встал он, и пошел по площадям,
Куда пошел, того не ведал сам.

Любовью сыт, без пищи он ходил,
В страданиях силу, нищий, находил.

Блуждал он трое суток без еды,
Стал рыбой, удаленной от воды.

Один, один среди множества он был,
И горький хмель убожества он пил.

Не выдержав трехдневного пути,
Он стал несуществующим почти!

К развалинам себя он потащил
И голову на камень положил,

Сказав: „Увы, к чему мне голова!“
В нем пламя жизни теплилось едва,

И, натянув на голову палас,
Лишился он сознания тотчас.

В те дни в Халебе знатный жил купец,
Шел слух по царству, из конца в конец;

Что он терял своим богатствам счет.
Снискал он уваженье и почет.

Он каждому был рад помочь в беде,
Гостеприимством славился везде.

Отзывчива была душа его,
И милостиво, щедро естество.

Кто был знаком ему, кто не знаком—
Равно входил в его открытый дом.

Лились благословения стихи
На богача по имени Ахи.

Часы и дни угадывал купец,
В развалины заглядывал купец,

Больных и слабых в хижинах найдя,
Несчастных и обиженных найдя,

Их подбирал, как добрый пастырь, он,
Накладывал на рану пластырь он.

Бродяг и нищих приводил в свой дом,
Сердца сограждан наполнял стыдом:

Пусть многие краснели за него,—
Его благословляло большинство!

Итак, великодушья образец,
Однажды город объезжал купец,

В окраину пустынную забрел,
Развалину старинную нашел.

Желтели камни дряхлые вокруг,
На тех камнях был распростерт Фаррух.

Находкой очастливленный богач —
Иных он видеть не хотел удач —

Спросил, сойдя с усталого коня,
Свое лицо к страдальцу наклоня:

„Кто ты? Какое горе ты вкусил?“
Фаррух поднялся из последних сил,

Открыл глаза и произнес в ответ
Чуть слышный, но почтительный привет.

Сказал: „Купец! Во имя всех святых
Не требуй откровенных слов моих,

Не то тебя сломает мой недуг,
Моим огнем воспламенишься вдруг!“

Ахи, увидев этот лунный лик,
Услышав этот пламенный язык,

Заплакал в простоте своей души:
Не ожидал, что встретит он в глуши.

Телесную такую красоту,
Душевную такую чистоту.

Решил: его мученье — глубоко,
Его происхождение — высоко.

Так этот нищий светел и красив!..
Ахи, о нем заботу проявив

И посадив с почетом на коня,
Доставил странника к исходу дня

В свое гостеприимное жилье;
Он подал гостю яства и питье,

И тот, купца благодаря за честь,
С большой охотой стал и пить, и есть.

Ахи, в подходах тонких изощрен,
Стал подходить к нему со всех сторон,

Но вотк закату стал склоняться день,
Прохладой вея, удлинилась тень.

Велел хозяин принести вино
И кликнуть музыкантов заодно,

Как бы решив упиться допьяна
Игрою музыкантов и вина.

Вот нежный кравчий весь обходит стол.
Ахи привстал, к подносу подошел.

Ов чашу, поклонившись, осушил,
Другую, поклонившись, предложил

Задумчивому гостю своему.
Царевич так обязан был ему,

Что, огорчить не смея богача,
До дна всю чашу выпил сторяча.

Закончил первый кравчий свой обход,—
Второй гостей обходит в свой черед;

Так несколько прошло хмельных кругов,—
Не стало больше трезвых языков:

Чуть в головы ударило вино,
Как развязало языки оно!

Веселые запели голоса,
И здравицы взлетели в небеса.

Врывались в пенье крики, говор, смех,
Хмельная чаша победила всех,

Узду порядка вырвала из рук,—
И становилось все шумней вокруг.

Ахи, от суеты устав такой,
В особый странника увел покой.

Казался гость смущенным, был он слаб,
Хозяин землю целовал, как раб.

Вино у гостя волю отняло,
Оно завесу тайны подняло:

Далекую отчизну вспомнил он,
Он вспомнил свой непостижимый сон,

Он вспомнил, сколько горя перенес...
Излил он много жарких слов и слез.

Ахи, преследуя благую цель,
Почти не пил; его не тронул хмель.

Повел он с гостем, скрытным до сих пор,
Искусный и приятный разговор.

Царевичу расставил он силок,
И тайну он из уст его извлек:

Он выведал у гостя, наконец,
Что славный хан Джусрат — его отец,

Что стал бы Индии владыкой он,
Что скорбью потрясен великой он;

Что полюбил он девушку во сне,
Что стал скитаться по чужой стране,

Что этот сон лишил Фарруха сна,
Что, без сомненья, здесь живет она,

Что ищет он любимую свою,
Мечту непостижимую свою!

Купец, во все подробности входя,
Догадку подозреньям находя,

Сказал царевичу: „О раб любви,
Красавицы приметы назови!“

Вином и горем сломленный Фаррух
Стал вспоминать ее приметы вслух,

Не зная, что терзает он купца,
Ему наносит раны без конца.

С трудом с собой хозяин совладал,
Он сразу по приметам угадал:

Красавица была никем иной,
Как целомудренной его женой!

Фарруха опалила та свеча,
Что освещала спальню богача!

Когда купец отзывчивой душой
Постиг безумие души чужой,

Причину мук царевича постиг,
Он, сердцем благороден и велик,

Так рассудил; „Покинув царский дом,
Фаррух пошел скитальческим путем,

Оставил он сокровища свои
И сделался искателем любви.

Идет он по чужбине, терпелив,
Любовь от мира в сердце затаив.

О, кто, как он, в разлуке изнывал?
Никто подобной муки не знавал!

Смерть стала у Фарруха на пути.
Ужель я не могу его спасти?

Ужель неблагородно поступлю,
Сокровище свое не уступлю?

Ужель неисцелим недуг такой?
Ужель я не найду жены другой?“

Тут мягко молвил мудрый сердцевед:
„О юный путник, слушай мой ответ:

Обрадуйся, гони ты горе прочь,
Твоей беде нетрудно мне помочь.

Та, что тебя из дому увела,
Чья красота сожгла тебя дотла,

Хотя и стала мукою твоей,
Она — одна из близких мне людей:

Тебе сейчас к любви открою путь,
Лишь слову моему послушен будь“.

Царевич, не сдержав счастливых слез,
Упал к ногам купца и произнес:

„Как смею отвергать твои слова?
Тебе моя покорна голова!

Послушен я приказу твоему,
Твое лекарство с радостью приму!“

Был каждый разговором потрясен.
Вино и ночь их погрузили в сон.

Вот, проповедь услышав петуха,
День, как невеста, ищет жениха.

От сна проснулись чистые сердца.
Фаррух направился в покой купца,

Подумав: „Слово должен он сдержать,
Когда от слова не ушел он вспять.

А я любому слову подчинюсь,
Не то пред ним неправым окажусь“.

Отправил в баню странника Ахи,
Чтоб тот с себя разлуки смыл грехи.

Фаррух, оттуда выйдя, как заря,
Увидел одеяние царя.

Опять Навшада¹ месяц молодой
Всех ослепил великой красотой:

Он сбросил цвета ночи свой палас,
Одежды царские надев тотчас.

Фарруха дожидался конь гнедой.
Сев на коня, помчался он домой.

Мы будем правы, если назовем
Дом богача не домом, а дворцом!

Дивился гость: прекрасен был дворец...
В покои гурии вошел купец.

Красавица навстречу поднялась,
Сто прелестей рассыпала, смеясь,

¹ *Навшад* — город, жители которого славились красотой.

Мила, игрива, ласкова, скромна.
Ахи присел; присела и она.

Он мысль в оправу тонкую облек:
„Бессилен человек, всесилен рок.

Покуда милостив был к нам Аллах,
Не знали горя мы в своих сердцах

И наша близость радовала нас,
Но пробил расставанья тяжкий час,

Подругой дорогой ты мне была,
Супругой и душой ты мне была,

Нерасторжимой мнилась наша связь,—
Теперь простимся, богу помолясь,

Пред ним покорно головы склоня:
Нет выбора иного у меня!“

Был приговор внезапен и суров,
Розоволикую лишил он слов.

Любимый муж отрекся от жены:
„Отныне мы с тобой разведены“.

Придя в себя, заплакала она:
„Открой мне: в чем и где моя вина?“

Меня бросаешь, сердце мне разбив.
О, почему ты так несправедлив!“

Но столько тонких слов нашел он вновь,
Но выказал такую к ней любовь,

Но столько денег в отступное дал,
Богатство и добро такое дал,

Сказав: „Теперь женой себя зови
Того, кто шах в отечестве любви,

Луна в сиянии султанства он,
Звезда на небе постоянства он!“,

Но столько гостю расточил похвал,
К тому же и кинжалом угрожал,

Что слезы у несчастной унялись,
Смирился тонкостанный кипарис,—

Пред всем, что ниспослала ей судьба,
Смирилась луноликая раба!

Ахи, чья в тайне мучилась душа,
Ушел, деянье завершить спеша.

К сокровищам спустился он в подвал
И деньги, не считая, он достал,

Открыл он склада своего замок,
По-царски всё устроил в краткий срок.

Соединив невесту с женихом,
Привел степенного факиха¹ в дом,

И тот, как поступают с давних пор,
Скрепил молитвой брачный договор.

Купец на том трудов не прекратил:
Он две звезды в планеты превратил,

Чтоб в Индии они могли блеснуть!
Супругов снарядил достойно в путь:

Верблюдов подарил он и ослов,
Сгибавшихся под тяжестью тюков.

На всех — попоны, чепраки, ковры,
Роскошные, носилки и шатры,

Отправил с ними сотню верховых —
И тюрков, и румийцев молодых,

И проводил, тоскою обуян,
До первого привала караван.

Но долог путь, далек индийский край...
Ахи заплакал и сказал: „Прощай,

В отечество вступи в счастливый день,
Воссядь на царство и венец надень“.

¹ Факих — священнослужитель, совершающий брачные обряды.

У гостя взял на память он палас.
Когда же скрылся караван из глаз,

Рыдая, возвратился он домой...
Рыдая, гость пустился в край родной.

Разлукой сломлен, горем угнетен.
Не мог приблизиться к любимой он,

И только успокоившись вполне,
Он склонность проявил к своей жене.

Ее увидев, подавил он крик:
Ногами был изранен лунный лик,

Следы царапин рдели, как гранат!
Вновь соловей тревогою объят,

Узнал он: белой розы лепестки
В тюльпан превращены, в цветок тоски!

Сказал: „Твой лик сияет мне луной,
Вчера мы стали мужем и женой.

В такие дни устраивают пир,
В такие дни благословляют мир,

Веселье, радость посещают нас,—
Ты в скорбь и грусть погружена сейчас!

Откройся мне, о свет моей души,
Премудрую загадку разреши“.

Сказала: „Каждый — женщину поймет:
Нам свадьба — радость, горе нам — развод!“

Сказал Фаррух: „О гурия в раю!
Уразуметь хочу я речь твою.

Зачем ты о разводе говоришь?
При встрече об уходе говоришь?

И рассказала гурия тогда,
Какая приключилась с ней беда.

Услышал исповедь ее Фаррух
И жизнь свою возненавидел вдруг!

Внезапным бедствием ошеломлен,
О бедствии Ахи подумал он.

Убить себя? Он близок был к тому!
Сказал: „О, совершенство по уму!

Я так страдал из-за любви к тебе!
Послушай и дивись моей судьбе“.

Он ей открыл мучения свои,
Поведал злоключения свои,

Сказав: „Хотя отраднa близость мне,
Противны произвол и низость мне.

Хотя в тебе — лекарства все мои,
Тебя не стану принуждать к любви.

Всем для меня пожертвовал Ахи,
Его страдания — мои грехи.

Великодушьем он меня сразил,
Ему последую по мере сил.

Есть в наших муках все же благодать:
Мы не успели близости познать.

Теперь глаза с надеждою открой,
Пребудь отныне милой мне сестрой“.

И, радостный, оставил он ее,
От горестей избавил он ее.

С того мгновенья видя в ней сестру,
Фаррух не подходил к ее шатру.

Так было с ним. А шумный караван
Все время шел по землям чуждых стран,

Достиг страны индийской, наконец.
Фарруха царский ожидал венец:

Джусрат, в печалях, испустил свой дух,
Наследником объявлен был Фаррух.

И толпы хлынули встречать его,
И встреча превратилась в торжество,

Фаррух воссел на отческий престол,
В нем край родной заступника обрел.

Фаррух одним желаньем воспылал:
Развлечь розоволикую желал.

В его печальной памяти возник
Ее покой, пред окнами — цветник,

Плодовый сад, исполненный щедрот,
Дворец и галерея у ворот,—

Все, что навеки сохранил в душе,
Как зодчий, он явил на чертеже.

Созвал он мастеров со всех сторон,
Сказал: „Дворец да будет возведен“.

Дворец в саду воздвигли мастера,
Чтоб не скучала милая сестра.

В строеньи ожил на земле чертеж.
Дворец был так хорош, и так похож

На тот, где прежде гурия жила,
Что не смолкала мастерам хвала,

Что мог подумать разум: „Иль я слеп,
Иль перебрался в Индию Халеп!“

Когда вступила пери во дворец,
Она воскликнула: „Благой творец!

Я, кажется,— иль это волшебство?—
Не покидала дома своего!“

Царю, как младшая сестра, мила,
Опять она веселье обрела.

Сто среброгрудых стали ей служить,
Ее дыханьем каждым дорожить.

Она забот не ведала, познав
Блаженство нег и сладостных забав.

Так поступил Фаррух, надев венец.
Посмотрим, как в Халебе жил купец.

Когда разлики выпил он питье,
От пера сердце оторвал свое,

Когда из глаз его исчез Фаррух,
Когда в созвездии не стало двух

Счастливых звезд,— судьбы его звезда,
Казалось, закатилась навсегда.

Хлеб не родился на его полях,
Урон в торговых он понес делах,

Его повсюду настигало зло,—
Ни в чем, за что ни брался, не везло!

Купцы, проведав о его делах,
Царю Халеба доложили: „Шах!

В лице Ахи имеешь ты врага,
Другому шаху он теперь слуга,

Он тайно приведет его в Халеб,
Чтоб твой соперник, победив, окреп.

Ему вручил немало денег он.
Предатель сей Ахи, изменник он!“

Халебский шах пришел в ужасный гнев.
Последнее добро отнять велел,

Купца Ахи он заточил в тюрьму.
Но страж-позволил убежать ему,

Узнав, что хочет шах его казнить...
Ахи решил обличье изменить.

Всю ночь он пролежал в печной золе,
Встал и пошел к фарруховой земле.

Теперь Фарруха он познал удел,
Палас Фарруха на себя надел.

Он много вынес тягот, бед и зол,
Пока до Серендиба он дошел.

Не избежав свирепости судьбы,
Не взяв слезами крепости судьбы,

Он крепости разрушенной достиг,
В развалинах заснул он в тот же миг.

Когда Фаррух в свою страну вступил,
Он долю чужестранца не забыл.

Ахи себе избрал он в образец,
Так поступал, как поступал купец.

Фаррух странноприимный дом воздвиг:
Он сам скитальца тяготы постиг.

Он часто город объезжал верхом,
Скитальцев приводил в свой щедрый дом.

Приехал шах, влеком своей звездой,
К развалинам за городской чертой.

Когда на камни быстро посмотрел,
Свой страннический вспомнил он удел.

Подумал: "Чужеземец там лежит.
Из-за каких страдает он обид?"

На нем палас... "— и всаднику тотчас
Знакомым показался тот палас.

„Встань, чужеземец, чья судьба темна!“ —
Сказал Фаррух; Ахи восстал от сна,

Открыл глаза. Лишь миг прошел всего —
Узнал он шаха, шах узнал его!

Ахи поднялся: наземь спрыгнул шах;
Друзья друг друга обняли в слезах!

Слезам, казалось, не было конца...
Фаррух узнал о бедствиях купца,

И свита окружила их, дивясь:
Какая меж царем и нищим связь?

Вот, благодарность вознеся творцу,
Фаррух и гость помчались ко дворцу.

Шах в доброте не думал уступить:
Белел для гостя баню истопить,

Ахи скитаѣья смыл густую пыль,—
Фаррухова с ним повторилась быль!

Сто слуг ловили гостя каждый взгляд.
Надел он удивительный наряд.

Всем тронут, изумлен, ошеломлен.
Пред очи шаха был он приведен.

Фаррух на славу угостил его,
В честь гостя долго длилось торжество.

Так веселились гость и шах вдвоем.
Но вот устроен общий был прием.

Шах уваженье гостю оказал:
Созвать столпов державы приказал.

Сияя, шах поднялся на престол,
О милостях купца рассказ повел.

Услышав этой повести слова,
О благородной совести слова,

Все восхитились добротой купца:
Он чистотою поразил сердца.

Такая поднялась купцу хвала,
Толпа гостей в такой восторг пришла,

Что стала гостю ноги лобызать.
Тут соизволил мудрый шах сказать:

„Я — только шах, а он, Ахи,— святой.
Как со святым сравниюсь чистотой?

Как спорить с ним в деяниях добра?
Есть у меня названная сестра.

Цветет все ярче розы красота,
Она и он — достойная чета.

Он одинок, и я тому виной:
Он мне пожертвовал своей женой.

Ему, чей лик сияет на пиру,
Отдам свою названную сестру“.

Всем по душе пришлась такая речь.
Никто подобных не запомнил встреч,

Никто не видывал таких чудес
Под сводами старинными небес!

Чтоб не нуждался друг его ни в чем,
Шах снова сделал друга богачом.

Ахи владыкой стал его казны,
Его сокровищ и его страны.

Фаррух былое в памяти хранил,
В нерукотворной грамоте хранил,

То грамота о братстве двух сердец:
Отныне шаху братом стал купец.

Шах стал Мусой, Харуном стал Ахи.
Скажи: вторым Каруном¹ стал Ахи!

Чтоб свадьбою закончить сватовство,
Фаррух, призвав Ахи, повел его

В обитель красоты, в ее дворец.
Был поражен, был изумлен купец:

Дворец в саду был так ему знаком,—
Не здесь ли жил он с гурией вдвоем?

К покою пери подошел жених,
И люди их оставили одних.

Друг друга увидав, она и он
Исторгли из груди единый стон.

Сознание отняла у них любовь.
Когда ж они пришли в сознание вновь,

Когда рыдать уже не стало сил,—
Ахи свою красавицу спросил:

„Поверю ли глазам? То явь иль сон?
Я поражен, я замертво сражен!

¹ *Муса и Харун* — библейские Моисей и Аарон. *Карун* — легендарный богач (библейский Корей).

Молю, загадку разреши скорей:
Мне жизнь вернешь ты повестью своей!

И пери, чтоб Ахи не изнемог,
Сняла со рта рубиновый замок,

Явила речи сладкий леденец.
Ахи узнал всю правду, наконец.

Узнал он: благороден мудрый шах,
Велик и светел он в своих делах,

Попрал он целомудрием грехи!
Услышав все, лишился чувств Ахи,

Когда ж к нему сознание пришло
И прояснило сердце и чело,

Увидел, что владеет он дворцом
И сребротелой с розовым лицом.

С тех пор всегда у шаха пребывал,
Одежды золотые надевал,

Но, возвратясь к себе домой, тотчас
Он облачался в черный свой палас.

Весь в черном, он молился: видел бог,
Что черное — смирения залог...

Я сам, когда б удача мне далась,
Не стал бы шелком заменять палас!

Хотя снаружи в ночь он был одет,
Он в сердце принял сокровенный свет:

Лучился утра свет в его очах.
Узнал об этом благородный шах.

И, восхищен деянием его,
Оделся одеянием его.

Стал подражать Фарруху весь народ:
Вошла одежда ночи в обиход.

Кто облачился в черноту одежд,
Постиг душою чистоту надежд.

Что говорит нам, людям, черный цвет?
„Погибнет мрак и возгорится свет“.

* * *

От сказки шах повеселел душой.
Сказал он: „Путник из страны чужой,

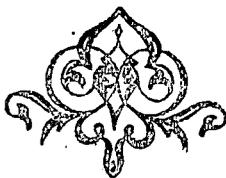
Откуда родом ты? Где жил досель?
Ко мне пришел ты из каких земель?“

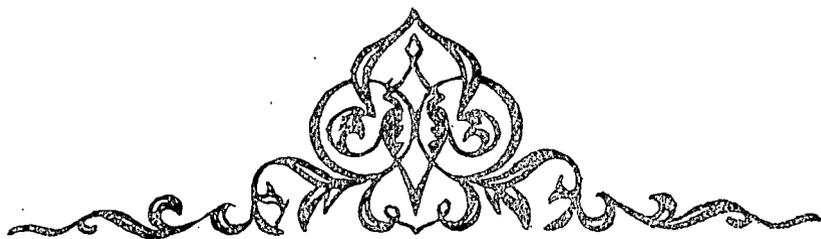
Тот молвил, сотворив земной поклон:
„О мудрый шах! Я в Индии рожден.

Ахи — мой предок. Я пришел сюда,
Чтобы тебе, о шах, служить всегда!“

Его избавил от забот Бахрам,
Привлек к своим делам, к своим пирам.

Шах погрузился в тихий, светлый сон,
Веселием рассказа просветлен.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
БАХРАМ — В ЗОЛОТОМ ДВОРЦЕ

В воскресный день, когда зажглись лучи,
Оделось небо в платье из парчи.

Прекрасен пери золотой наряд,
Ланиты розовым огнем горят.

А шах — он солнцем бы назваться мог:
Он в золоте от головы до ног.

Он щедро сыплет золото свое,
И купол золотой — его жильё.

Красавица-румийка входит в дом:
Она — как солнце в небе золотом!

Вот в желтом кубке — желтое вино:
То пламя в пламени заключено.

Кровавым блеском исходил дворец,
Под сводами как бы пылал багрец,

Бахрам — как саламандра в том огне,
Не саламандра — солнце в вышине!

Он вызов бросил желтому вину,
И вел он с ним до той поры войну,

Покуда солнца лик не пожелтел,
И день одежду черную надел:

Закрыв он чернью солнца желтизну...
Красавица, затмившая луну,

По крови — золотого Рума дочь,
За полог свой зашла. Настала ночь.

На ложе золотое шах прилег,
Но светлый сон от шаха был далек.

Опять Бахрам велит слуге идти;
Да будет первый встречный на пути

Сюда, пред очи шаха, приведен,
Поведает о том, что знает он.

На розыски отправился гонец
И путника привел он во дворец,

И путник шаха услышал приказ,
И так повел он дивный свой рассказ,

Начав его красивой похвалой,
Приятной и учтивой похвалой.

*Рассказ путника,
приведенного с дороги в золотой дворец.*

„В те дни, когда Джемшида славил мир,
Жил в Руме знаменитый ювелир.

И говорили мудро про него:
Межами было утро для него,

Небесный круг был горном для него,
Металлы — солнцем горным для него!

Работал он в дворцовой мастерской,
У шаха был доверенным слугой.

Проверкой пробы ведал он в стране,
Был стражем государевой казне.

Из рудников к нему текло добро,
Все золото страны, все серебро.

Ремесленные люди всей земли
Умельца Зейд-Заххабом нарекли.

Он зодчим был, а также мудрецом,
Гранильщиком и златокузнецом,

Сегодня — лекарь, завтра — медник он,
Для шаха — лучший собеседник он,

Философом из любопытства был,
Но только дерзок до бесстыдства был!

Он был искусством с головы до ног,
Но в том искусстве был один порок...

Весна сменяла светлую весну,
Своей он сделал шахскую казну,

К себе таскал он шахское добро,
Но так как воровал всегда хитро,

То милость в шахских он читал очах,
Хвалил его искусство старый шах,

А люди, слыша эти похвалы,
Боялись говорить слова хулы...

А говорили — шах не слушал слов,
А если даже слушать был готов,—

Обманщик, заглушая голоса,
Показывал такие чудеса,

Умел таким искусством ослеплять,
Что шах безвольным делался опять,

В руках таил такое волшебство,
Что шах почти молился на него!

Однажды шаху молвил ювелир:
„О царь царей! Ты покоришь весь мир,

Ты всех владык величьем превзошел,—
Достойным должен быть и твой престол.

О шах! Твой лик — счастливый лик зари.
Пусть прочие владыки и цари

Довольствуются деревом простым,
Но твой престол — да будет золотым!

Богата золотом твоя казна,
И не скудеет, множится она.

Зачем в подвалах золото держать,
Зачем ему без пользы там лежать,

Когда ему другое суждено:
Особый блеск тебе придаст оно,

Великолепье — шахству твоему,
Едва на свет его я подниму!“

Всем сердцем принял шах такой совет.
„О светоч знаний!“ — молвил он в ответ,

„Ты хорошо придумал, чудодей,
Начни же труд желанный поскорей!“

А тот: „О шах! Чтоб я престол воздвиг,
Чтоб золота я существо постиг,

Две тысячи батманов нужно мне“.
И шах сказал: „Возьми в моей казне“.

Вот, нагружен добычей золотой
Искусный мастер скрылся в мастерской.

Усердно он трудился день и ночь,
Чтоб вещество искусством превозмочь,

В усилиях и бореньях год прошел,—
Был золотой сооружен престол.

Глаза людей манил он, изумлял,
Он миру восемь ярусов являл.

Сияли восемь башен, как стекло,
Высоких, низких — равное число.

Четыре башни — дивной высоты,
На них павлиньи светятся хвосты,

Четыре — низких, в прорезях витых,
Четыре полугая было в них.

В рубинах, рдевших ярко и светло,
К престолу восемь ступеней вело,

Но все с умением сделаны таким,
Что, если поднимался шах по ним,

Они склонялись под его ногой,
К ногам одна спускалась за другой.

Но вот он восемь ступеней прошел,
Но вот воссел владыка на престол,—

Тогда ступени поднимались вновь.
У шаха тут же поднималась бровь,

А попугай, будто подан знак,
В четыре горла заливались так:

„Да сбудутся твои желанья, шах!
Да будет крепок твой престол в веках!“

А все павлины, полные ума,
Над головою шаха, как Хума¹,

Вдруг расправляли пестрые крыла,
Чтоб над счастливецом тень от них легла.

Сидение, чтоб возвышался шах,
Уставил мастер на восьми столбах.

Под ними восемь двигалось колес,
И самого себя владыка вез —

Куда хотел, без помощи людей,
По мановению руки своей.

Диковинки вселенной превзошел
Тот самодвигающийся престол!

Такого чуда, выше всех похвал,
Никто из венценосцев не знавал!

Когда людей кудесник удивил,
И во дворце престол установил,—

Довольный шах, повеселев душой,
Возвысил мастера перед собой,

¹ Хума — мифическая птица; по поверью, она приносит счастье тому, над кем ляжет тень ее крыльев.

Искусника в высокий сан возвел,
И расплатился щедро за престол.

Однажды во дворце, в одном углу,
Друзья искусника по ремеслу,

Чей быстрый ум, чей труд ценил народ, —
Сказали так: „Престол — как небосвод:

Хоть солнечный он излучает свет,
В нем скрытно серебрится лунный цвет.

Не перечислим всех чудес его,
Две тысячи батманов — вес его,

Но к золоту, заметить не хитро,
Подмешано, бесспорно, серебро.

Украд соперник не один батман!
Но чтобы обнаружен был обман,

Но чтобы шах сумел его понять,
Немыслимо такой престол сломать,

Все превзошедший по своей красе...
И так как Зейда опасались все,

То ювелиры начали совет:
Как дело вывести на божий свет?

И выход найден был в конце концов.
Добыв двух попугаев, двух птенцов,

Их обучали, приручив сперва,
Чтоб каждый затвердил свои слова:

Один: „Лишь позолочен сей престол“.
Другой: „А позолоту вор навел“.

Зеленые, как всех лугов наряд,
Два попугая Зейда осрамят!

Один из заговорщиков нашел
Тропу к тому, кто охранял престол,

Вручив ему немало серебра,
И тот, подумав, обещал: с утра

Двух прѣжних попугаев заменить,
Доносчиков пернатых посадить,

Чтоб шах услышал не себе хвалу,
А низкому обманщику хулу.

Вот утром на престол садится шах,
Предчувствует хвалебный звон в ушах.

Что ж слышит он, владыка всех владык?
Два попугая поднимают крик,

Два попугая режут напрямик, —
У шаха отнимается язык!

Но так решил, когда пришел в себя:
Замыслил некто, Зейда погубя,

С ним счеты давние теперь свести,
Но зная, что у шаха Зейд в чести,

Открыл проступок птичьим языком...
Коль так, мы истину легко найдем!

И вот напильник золото совлек,
И сразу обнаружен был подлог.

Сумел напильник Зейда обвинить
И оборвать приязни шахской нить.

Шах приказал, узнав его вину,
Отнять его имущество в казну,

А мастера, который так лукав,
В колодец бросить, в цепи заковав,

В колодец с узким ртом, с широким дном:
Вход, как отдушина, а дно, как дом.

Как ночь разлуки мрачен и глубок,
Жесток, как одиночества силок,

Тоской сооружен, ужасен он:
В нем заживо преступник погребен.

В нем Зейд немного получал еды:
Два сухаря, один кувшин воды.

Но тот, кто шаха обмануть хотел,
Предвидел для себя такой удел.

Вот почему запрятал он кинжал,
Всегда напильник под полой держал.

Сказав: „Пускай паденье велико,
Отречься от спасенья не легко.

Пусть я в пучину бедствия сойду,
Но для спасенья средство я найду.

Пройду все испытания судеб! —
Он сделал так: припрятал в угол хлеб,

А воду применил весьма умно:
Изрыв кинжалом глинистое дно,

Замешивал он глину на воде.
Так дни и ночи проводя в труде,

И, выбиваясь из последних сил,
К отверстию ступени возводил.

„Воды!“ — молил и клял судьбину он,
Стеная, припадал к кувшину он,

И глину, воду получив, месил,
И вновь, рыдая, он воды просил.

Хотя душа едва держалась в нем,
Ступени поднимались с каждым днем,

И много лун прошло, и пробил миг:
Он глиняную лестницу воздвиг.

Перепилив оковы на ногах,
И дрожь, и слабость чувствуя в руках,

По лестнице взобрался он, идет...
Увы, заложен тяжким камнем вход!

Ужель ему не выбраться отсель?
Кинжалом сбоку просверлил он щель,

Подкоп подвел под камень мастерски,
И каменные разорвал тиски.

И вышел из колодца, наконец!
И в дальний край направил путь беглец,

Он в землю франков свой направил шаг...
Когда узнал об этом бегстве шах,

Узнал о том, как в пропасти земли
И труд, и разум Зейду помогли,

Кусал от удивленья пальцы он,
И часто вспоминал скитальца он.

А Зейд все шел, не отдыхал в пути.
Он торопился, чтобы жизнь спасти.

И множество преодолев преград,⁹
Вступить на землю франков был он рад.

У франков не дрожал от страха он,
У франков не боялся шаха он!

В дороге сделав не один привал,
В Кустантынию¹ странник наш попал.

В дороге он сумел застать зарю,¹¹
Дорога привела к монастырю.

Измучен странствиями, запылен,
В монастыре остановился он.

Как небосвода голубая ширь,
Был бесконечен древний монастырь,

И храм стоял светло и мирно в нем,
Не храм, а капище, кумирня в нем!

Сверкала позолота потолка,
Пол мраморный — из одного куска,

А стены — в украшениях лепных,
Горят лазурь и золото на них.

Из цельных слитков — каждая стена,
И яшмой облицована она.

¹ Кустантыния — Константинополь.

Сомкнулись своды, сводам нет числа,
Как будто смотрят своды в зеркала.

Над каждым сводом — яхонт и сапфир,
Под каждым сводом — золотой кумир,

Каменьев драгоценной красотой
Увенчан каждый идол золотой.

Туда ворота преграждали вход,
Они напоминали небосвод.

Монахи на ночь запирали храм
И снова открывали по утрам...

Придя в восторг от роскоши такой,
Как циркуль, сделав круг одной ногой,

Сказал философ, очарован весь:
„Так много золота я вижу здесь,

Так много здесь добычи даровой,
Что шаху долг я возвращу с лихвой!

Вот идолопоклонником он стал,
Язычества сторонником он стал,

Он жил с неверными, как друг и брат,
У монастырских поселился врат,

Ничем лица не выдал своего,
Стал богом каждый идол для него.

То каменным он застывал столбом,
То бился перед идолами лбом,

Как пред единым богом мусульман,
И так искусен был его обман,

Что вскоре полюбил его народ,
В нем видя веры искренний оплот.

Избрав его в душевной простоте
Наставником в молитвах и посте.

Усердной службой, тяжестью вериг
Он в храме сана важного достиг.

Святыни ложной пламенем горя,
Добился он ключей от алтаря.

Теперь начнет он с капищем войну!
Едва склонялись жители ко сну,—

Привесив к поясу от храма ключ,
Он мчался в город, словно горный ключ...

Давно, во время странствий, на пути
Двух правоверных он сумел найти,

В дни радостей — служителей своих,
В дни горестей — хранителей своих.

Но гнев и ужас их безмерным стал,
Когда товарищ их неверным стал:

С отступником у них вся дружба врозь,
Когда грехопадение началось.

Но Зейд пошел и, разыскав друзей,
Поведал им о выдумке своей.

Те счастливы, что стоек в вере он!
Обоих поселил в пещере он:

В скале пещера вырыта была,
Вдавалась в море дикая скала.

Сказал: „Друзья, помочь вы мне должны.
Приборы ювелира мне нужны.

Достаньте их, я не боюсь затрат.
В пещере мы устроим тайный склад“.

Друзья сумели мастеру помочь.
В пещере Зейда заставляла ночь,

А утром — властелин его. — Сомнат¹,
На людях — он поклонник верный Лат²,

Но лишь входил в глаза людские сон,
От глаз людских спешил укрыться он,

¹ *Сомнат* — богиня индийского пантеона.

² *Лат* и *Менат* — богини арабского языческого пантеона.

И до утра в пещере мастерил:
Он из железа идолов творил,

Их легкой позолотой покрывал.
Друзей своей работой поражал:

От монастырского неотличим,
Был каждый идол с виду золотым!

И, довершая сходство, ювелир
Венчал камнями каждый свой кумир:

Но то не камни рдели так светло,
То было разноцветное стекло!

Сообщники, дивясь его делам,
С кумиром ночью проникали в храм,

Таясь прохожих добрых и дурных, —
С поклажею два призрака ночных!

Ощупывала идолов рука,
Искала золотого двойника,

И ставила поддельного взамен.
Назад две тени двигались вдоль стен,

За ними — храм, огромный и пустой,
А с ними — идол, крупный, золотой!

И двигались кумиры по ночам:
В пещеру — золотой, поддельный — в храм... »

Никто, никто в их тайну не проник,
Так был на образец похож двойник.

За божеством таскали божество,
И в храме не осталось ничего:

Все — до светильников, до блюд и чаш
Железом заменил искусник наш!

Закончив дело, заболел он вдруг:
Тоска по родине — его недуг,

Когда открыл тоски причину он,
Поверг язычников в кручину он:

„Для нас отцом, подвижником ты был,
И мудрецом, и книжником ты был,

Зачем стремишься к нашим ты врагам,
Или душой ты охладел к богам?“

А тот: „Я верен божествам вовек,
Но без отчизны скорбен человек.

К тому же боги приказали мне
Направить путь к моей родной стране.

Я нашу Лат умею понимать,
И понял: у меня скончалась мать.

Богам — усердный собеседник я,
А матери своей — наследник я.

Все золото, что накопила мать,
На нужды храма я хочу отдать.

Нет, неповинен в святотатстве я,
Не о своем пекусь богатстве я,

Но материнским золотом богат,
К Манат и Лат я возвращусь назад.

Хотя страдать в разлуке буду я,
Но вере буду предан всюду я!“

И люди, слыша похвалу богам,
Склонили головы к его ногам:

„Печалит нас известие твое,
Но видим благочестие твое.

Не покидай своих послушных чад,
Благополучно возвратись назад.

В язычестве прослыл ты мудрецом,
И так как нашим сделался жрецом,

Теперь, когда спешишь к местам родным,
Тебя достойно в путь мы снарядим“.

Воскликнул он: „Не вижу в том нужды,
Лишь божествам я посвятил труды!“

А те — в ответ: „Помочь тебе — наш долг!“
И он пред уговорами замолк.

Когда прощанья подошла пора,
Ему собрали множество добра,

Шли в храм со всех сторон и чернь, и знать,
Чтоб слово расставания сказать.

Спеша скорей уплыть от этих мест,
Он все же на день отложил отъезд.

Он ящики большие сколотил,
Двух идолов он в каждом поместил,

И — ловкости образчики свои —
Заделал крепко ящики свои.

Всех ящиков набрал он пятьдесят:
Сто истуканов в ящиках лежат!

В скале, в пещере, вся работа шла,
Вдавалась в море дикая скала,

Всегда мертво, всегда безлюдно там...
Хорошее он нанял судно там,

Всех идолов, венец уцорных сил,
Он в ящиках на судно погрузил,

И доброхотных не забыв даров, —
К отплытью мореплавателю готов!

Неверных паства собралась опять
Чтобы в последний раз его обнять,

Язычники рыдали без конца,
В огонь разлуки бросили сердца,

Но мастер, с виду грустен, втайне рад,
Их так утешил: „У подножья Лат

Найдете вы послание мое,
Прочтете назидание мое“.

И вот повел он судно по волнам,
А стадо глупое вернулось в храм.

Нашла послание толпа мирян.
К глазам прижав его, как талисман,

Глазам не веря, все письмо прочла:
В нем описал хитрец свои дела!

Ошеломил язычников обман,
Как при похмельи — бенджа злой дурман.

Все бросились к богам, не чуя ног,—
Железо обнаружило подлог.

Тут крики раздались, стенанья их...
Глядите же на ум и знания их!

Тем временем хитрец из мусульман
Пересекал, как ветер, океан:

Попутный ветер тоже был силен.
Мелькнули в небе Рыбы, Скорпион,

И на заре наш опытный пловец
Увидел берег Рума, наконец.

В те дни румийский шах страдал от мук.
В постель свалил владыку злой недуг.

Лишь ювелир умел недуг прогнать.
Но врач исчез — вернулась боль опять.

Никто не мог владыке угодить,
Никто не мог владыку исцелить,

Недуг его давил, как тяжкий груз,
К усладе жизни потерял он вкус.

Раскаивался в совершенном шах
Раскаивался, но сильнее чах

И вспоминал, тоскуя и крича,
Лукавого, но милого врача.

Зейд, на берег вступив, решил в тетрадь
Свое повествованье записать:

Он много дел свершил, как волшебство,
Но это — удивительней всего.

Сложив пожитки, спрятав под замком,
Он в город вечером вошел тайком.

Те самые оковы раздобыл,
Которые когда-то распилил,

Себе жильем колодец он избрал,
Тот самый, из которого бежал.

Властителю волнуясь и дрожа,
О чуде сообщили сторожа.

Едва ли не из мертвых шах воскрес,
Узнав об этом чуде из чудес!

И прошептал он, слабого слабей:
„Ко мне ведите мудреца скорей!“

Философа приветствуя возврат,
Почетный преподнес ему халат,

Склонил он сердце к милостям таким,
Что своего коня послал за ним.

Тот на коне примчался во дворец.
Порог дворца поцеловал мудрец,

Вступил в покой, поцеловав порог,
Как прах, на землю перед шахом лег.

Шах поднял этот прах, и обнял прах.
Сел на престол с желанным гостем шах.

Чтоб, насладясь рассказами его,
Найти отраду в разуме его.

Любимца своего лаская так,
Он подал Зейду руку, дружбы знак.

Поцеловав ее, наш мастер вдруг
Нащупал пульс и понял, в чем недуг.

Стал врачевать, и суток через пять
Сумел недуг от шаха отогнать.

Тогда искусник шаху преподнес
Сокровища, которые привез.

От изумленья шах лишился чувств!
Потом сказал: „О гордость всех искусств!

Свои поведай приключенья мне,
Со мной беседуй в поученье мне!“

И тот поведал о своих делах.
Дивясь, внимал его рассказу шах,

Внимал всю ночь; не отходя ко сну!
Зейд отдал все сокровища в казну.

Шах оказал ему такую честь,
Что нам о ней и в книгах не прочесть,

Да и не так-то прост о ней рассказ!
„Собрать кумиры, — шаха был приказ, —

И каждого разбить на сто кусков,
И наделить богатством бедняков“.

Народ на площадь стали созывать,
Добро Каруна стали раздавать,

Чтоб черноту и белизну одежд
Народ украсил золотом надежд,

Чтоб те обновки — радость принесли,
Чтоб все цыновки — золотом легли!

Шафран, мы знаем, вызывает смех.
Так золото развеселило всех.

На волю вышли узники темниц.
Не золото ли желтизна их лиц?

И вид их так развеселил народ,
Что, чудилось, без чувств он упадет... .

Хотя не веселит янтарный цвет,
Им дорожит неблагодарный свет.

Хотя лицо любовью сожжено,
К себе, и желтое, манит оно.

Пока не станет желтою заря,
Не выйдет солнце, золотом горя“.

* * *

Все это выслушав, сказал Бахрам:
„Красноречивый гость! Поведай нам

И о себе, и о делах своих.
Ты, рассказавший о делах чужих,

О жизни собственной начни рассказ.
Умом своим очаровал ты нас!“

И тот сказал: „Моя отчизна — Рум.
Я медицине посвятил свой ум.

Философ я, хочу постигнуть мир,
А предок мой — тот самый ювелир,

О чьих делах поведал я тебе.
Прими участие в моей судьбе:

Я шел сюда, чтоб стать твоим слугой,
Тебя избрал я целью дорогой!“

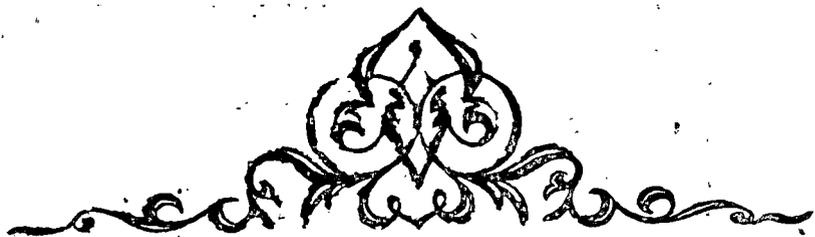
И путника надимом¹ сделал шах,
Советником любимым сделал шах,

И щедро наградил его Бахрам...
Нашел дорогу сон к его глазам,

И крепким сном заснул Бахрам тотчас,
И до рассвета не открыл он глаз.

¹ *Надим* — приближенный.

ПОНЕДЕЛЬНИК
БАХРАМ В ЗЕЛЕНОМ ДВОРЦЕ

Вот солнце понедельника взошло,
Небес желто-зеленое стекло

От ржавчины отмыло; засверкал
Небесный свод сверканием зеркал

И пожелал, исполненный причуд,
Чтоб утро вспыхнуло, как изумруд,

В таинственном сиянии своем...
В зеленом одеянии своем,

Зеленый тополь взяв за образец,
Бахрам в зеленый поспешил дворец.

К нему в покои гурия вошла:
Небесная лазурь ее вошла!

Зеленой веткой гибкою вошла,
Со сладостной улыбкою вошла:

Улыбка — сахар нежного стручка,
А зелень хороша, когда сладка!

Игрива, ласкова и весела,
Царевна кубок шаху поднесла,

И принял шах лазоревый сосуд,
Из рук луны он принял изумруд,

Он пил вино из этих тонких рук,
Покуда неба изумрудный круг

Черней ночного сонмища не стал.
Шах благодатным сном еще не спал,

Печальным думам он предался вновь:
На шаха порчу навела любовь.

Пошли рабы за путником ночным,
Они в степи рассеялись, как дым,

И пешехода из чужой земли
Пред очи шаха вскоре привели.

Шах молвил из-за полога: „Тотчас
Пусть сядет он и поведет рассказ“.

И чужестранец, похвалу воздав
Могучему властителю держав,

Прося благословенья божества,
Повел неторопливые слова.

*Рассказ путника,
приведенного с дороги в зеленый дворец.*

„Давным-давно в Египте жил купец.
Богатством наделил его творец,

Был целью бедняков его порог,
Был стол его обилен и широк.

Был у него один счастливый сын:
Во всех искусствах он достиг вершин,

Юсуфа¹ красотою наделен,
Был юноша богат, как фараон.

Его достоинств нам не счастье число:
Светилось разумом его чело.

Владел он всем, что было у купца,
Владел он всем имуществом отца!

¹ Юсуф — Иосиф Прекрасный, герой библейской легенды.

Науки светской мудрость возлюбя,
Он окружил учеными себя.

Он Садам звался; видел в нем отец
Всей жизни счастье, дней своих венец.

Покои для гостей построил Сад.
Прохожему любому был он рад,

К нему дорогу знали свой, чужой:
Он всех встречал с открытою душой,

Всем путникам предоставлял приют.
Спросив: откуда и куда идут,

Какая цель у них и в чем нужда,—
Он милость им оказывал всегда,

Оказывал гостям в жилье своем
Внимательный и ласковый прием.

Когда же, чуткий сердцем, видел он,
Что гость благодеяньями смущен,

Сад ободрял его, задав вопрос:
Что видел он? Что знал? Что перенес?

Что, странствуя, стремится он познать?
Какую он взыскует благодать?

И Сад внимал гостям, как ученик,
Он в тайны сокровенные проник,

Он стал наук заморских знатоком,
Влеком алхимией и волшебством.

Занес однажды непостижный рок
Двух чужестранцев на его порог,

Одетых в одинаковый наряд:
В зеленое от головы до пят.

Поставил утварь угощенья Сад,
Раскрыл объятя уваженья Сад:

Он ласковым не для приличий был,—
Таков души его обычай был!

Великодушьем он гостей потряс.
Такую милость встретив в первый раз,

Переглянулись оба, замолчав:
Их поразил его приятный нрав.

Желая их развлечь, в один из дней
Устроил Сад пирушку для гостей,—

Она была не лишена всего,
Чего желает наше естество.

Вино, дыханием своих паров,
Отбросило смущения покров.

Своим гостеприимством сын купца
Пленил навеки странников сердца.

Когда он лаской поразил гостей,
„Откуда родом вы? — спросил гостей.—

Ответьте мне: где жили прежде вы?
В зеленой почему одежде вы?“

А те: „Далек родной страны рубеж.
Она зовется Шахрисябз и Кеш.

На зеркале ее широких вод
Трава подобно ржавчине цветет.

Одета вся страна в зеленый цвет,
Кто в ней живет, в зеленое одет.

Как видишь, в зелень мы облачены:
Мы Шахрисябза верные сыны“.

„Теперь поведайте, — воскликнул Сад, —
Какими чудесами свет богат?“

Один промолвил гость: „Моя страна
В зеленые одежды убрана,

Благоуханна, как цветущий рай.
В раю цветущем есть нагорный край,

То место называется Кетвер,
А в нем, достигнув до небесных сфер,

Опомниться не сможет человек,
Когда найдет в монастыре ночлег:

Узнает он годов грядущих даль,
И радость будущую, и печаль.

Когда он вступит в тот стеклянный храм,
И сон приблизится к его глазам,

К нему во сне два странных существа
Придут и скажут вещие слова,

В лицо вперив зрачки недвижных глаз,
По очереди поведут рассказ.

И первое поведаст о том,
Что встретит он, идя благим путем,

Поведаст второе существо,
Какое горе поразит его.

И станет пробужденному от сна
Вся будущая жизнь его ясна.

Он радостно проснется поутру:
От зла уйдет он и пойдет к добру^а.

Так молвил первый странник и затих.
Второй повел начало слов таких:

„В той области живет святой старик.
Он сердцем чист, он разумом велик.“

Когда, увидев сон в монастыре,
Узнав о зле грядущем и добре,

Иной постичь не сможет благодать,
Понять не сможет, как от зла бежать,

И станет пред загадкою втупик,—
Страдальца просветит святой старик.

Тоскою беспредельною объят,
Томясь бессонницей, задумал Сад

Отправиться в зеленую страну,
В кумирню, к удивительному сну.

Настало утро, и лазурный свет
Наполнил ярким блеском дольний цвет.

Лишенный воли, потеряв покой,
Был Сад охвачен темною тоской.

Свое решение он открыл отцу.
Чтоб сына удержать, пришлось купцу

Принять немало хитроумных мер,
Но юношу влекла страна Кетвер.

Ты болен страстью? С нею не борись.
Одно поможет средство: покорись...

Поняв, что сына удержать нельзя,
Ни уговаривая, ни грозя,

Купец, хотя стонал и плакал сам,
Сыновним все же уступил слезам,

Дитя свое он богу поручил,
Казну свою пред сыном положил

И молвил: „Все возьми, чем я богат!“
И приказал обрадованный Сад

Собрать в течение суток десяти
Всё нужное для дальнего пути.

По-царски Сада снарядили в путь:
Да; он царю не уступал ничуть!

Он видел, нетерпением обуян,
Верблюдов среброносный караван;

Свисали тяжкие тюки с горбов;
Четыре сотни молодых рабов

Привязывали накрепко тюки;
Блестели золотом их кушаки.

Всё, что придумать может человек,
И то, что не придумает вовек,

И то, что будет в будущих веках,—
Всё было в избытке в тех тюках!

Попутчиками сделав двух гостей
И две реки пролив из двух очей,

Вздохнув, простился юноша с отцом.
Отец стоял с заплаканным лицом:

Ему хотелось мертвым сном заснуть!
Пустился юноша в далекий путь.

Он торопился: делал он зараз
Два перехода, не смыкая глаз,

Два гостя к рубежам своей земли
Его, подобно ангелам, вели.

Осталась позади степная ширь,
Языческий пред ними монастырь:

До неба своды храма достают!
Брамины, предоставив им приют,

Всем принесли и яства, и питье,
Добросердечье выказав свое.

Сад предложил двум спутникам-друзьям
Сейчас же обозреть стеклянный храм.

Прошествовал он внутрь монастыря,
На стены с изумлением смотря.

Сказал один из спутников тогда:
„Ты неходи туда, беги вреда!“

Но, болен страстью, пребывал он глух,
Пред уговорами замкнул свой слух.

Когда зажглись лучи ночных светил,
Сад в крепость монастырскую вступил.

А спутники стояли вокруг стены,
Дурным предчувствием омрачены.

И вот в кумирню Сад вошел один.
Снаружи крепко запер дверь брамин.

Затрепетал и ужаснулся Сад.
Ему хотелось убежать назад.

Дрожа, он впал в отчаянье тогда,
Почувствовал раскаянье тогда,

Но было поздно; страхом уstraшен,
Увидеть жаждал он чудесный сон.

Но разве сон к тебе отыщет путь,
Когда глаза не в силах ты сомкнуть?

Так было с ним. В испуге и мольбе
Он тщетно сновиденье звал к себе.

Заснул он лишь на утренней заре.
Увидел он себя в монастыре,

В том самом, где нашел себе ночлег,
Где ночь провел он, не смыкая век.

Внезапно два пернатых существа,
Чьи перья — как зеленая трава,

Запели дивным пением, и ввысь
Подобно легким птицам поднялись,

Над головою Сада сделал круг,
Ему на плечи опустились вдруг:

Одна, чьи перья — ангела крыла,
Сновидцу весть благую подала:

„Тебе в подруги пери суждена,
Прекрасная, как солнце и луна“:

За ней другая птица, вестник зла,
Пророческий свой голос подала:

„Твоей судьбою станет грозный див,
Тебя он свяжет в рабство обратив“.

Виденьем поражен, проснулся Сад,
Смущением и трепетом объят.

Он закричал. Восточная заря
Вдруг осветила мрак монастыря,

Он ринулся, в смятении, к дверям,—
Брамин открыл снаружи двери в храм...

Сад обезумел, потерял покой,
Томим тоской, он слезы лил рекой.

Свет разума в глазах его померк.
В отчаянье он слуг своих поверг,

И те, исполненные скорбных дум,
И обратив лицо к пришельцам двум,

Сказали так: „Сбылось, увы, сейчас
Предупрежденье одного из вас,

Но от другого помощи мы ждем“.
Тогда другой, с возвышенным умом,

С приятною откровенною в глазах
И тайной сокровенною в устах,

Сказал страдальцу: „Помощь такова.
Сад, вспомни прежние мои слова:

— Ты поднимись на горную тропу,
К святому старцу ты направь стопу,

Как, выслушав слова пришельцев двух;
Он стал мечтать; и беспокойный дух

От близких и родных его увлек
В дорогу дальних странствий; как он лег

На ложе в монастырской тишине;
Как дивных птиц увидел он во сне;

Как, прорицаньем вещим потрясен,
Не в силах был истолковать свой сон!...

Сад слушал и надеясь, и скорбя,
А старец продолжал: „Я ждал тебя..

Я сновиденю объяснение дам,
Я сновиденю воплощение дам,—

Пойми: я цель преследую свою!
Тебе я жизнь поведаю свою.

Я некогда верховным был жрецом.
Меня считала паства мудрецом.

Во сне и наяву хотелось мне
Услышать прорицанья в дивном сне;

Мечтал избрать своим ночлегом храм,
Но мудрость преграждала путь мечтам.

И, наконец, мечтанья взяли верх.
Я голос робкой мудрости отверг.

Не сам, а силой странною влеком,
Вошел я в храм в молчании ночном.

„Вот здесь, — решил я, — будет мой ночлег“..
Сон сделал на глаза мои набег.

Открылось в этом сне моим глазам:
Сто тысяч образов явилось в храм.

И двух существ увидел я полет,—
Ты тоже видел их, мой гость! И вот,

Слетев ко мне с высот монастыря,
Запели обе птицы, говоря.

Сказала первая: „Настанет миг,—
Согнешься ты под тяжестью вериг,

Твой день погаснет, с темной ночью схож,
Обитель ты в пещере обретишь“.

Другая возразила: „Кто крылат,
Пусть не скорбит. Твое спасенье — Сад.

Хотя стезя к спасенью тяжела,
Перелетишь, почуяв два крыла“.

Но тут, испуган речью вещей птиц,
Сон удалился от моих ресниц.

А я смущен великой смутой был,
Раздавлен я тоскою лютой был,

Я вопрошал: „Где толкователь снов?
Где блавест его правдивых слов?“

В огне я бредил и во тьме бродил,
Но толкователя не находил.

Какая мне готовится беда?
Мне вспомнилась пословица тогда,

Я повторял ее на все лады:
„Предчувствие беды страшней беды“.

Меня пугало будущее зло,
И вскоре дело до того дошло,

Что я, терзаться не желая впредь,
Одно придумал средство: умереть...

Вдруг старца вижу я. То призрак был?
Но старец так похож на Хызра был,

Что я подумал: это — Хызр святой!
Облек он в рубище свой стан худой,

Зеленый посох он держал в руке.
Сказал: „Не плачь, испуганный, в тоске.

Я сон твой истолкую, но сперва
Мне обещаю, что все мои слова

Что увидет он, не ведая оков,
В сокровищницу мудрости веков.

Вот объяснение первой части сна.
А часть вторая так объяснена:

Кто светлой мыслью к небу воспарил,
Почуял силу двух духовных крыл“.

Когда проник я в смысл чудесных строк,
Пещеры я переступил порог,

Я целое столетье в ней провел,
Я людям подавал благой глагол,

Я размышлял о зле и о добре.
Тому, кто видел сон в монастыре,

Я, сновиденья объясняя суть,
Указывал к добру тернистый путь.

Я часто думал: счастье обрету,
Когда твою увижу доброту;

Сто лет промчалось на моих глазах,
И ты пришел. Благословен Аллах!

Сейчас услышишь толкованье сна.
„Тебе в подруги пери суждена“,—

Вот первой птицы вещие слова.
Разгадка прорицанья такова:

О шахской дочери слова гласят.
На ней блестит лазоревый наряд.

Сурьма для солнца — след ее ноги.
Отец ее, пред кем дрожат враги,

Чья гуще трав бесчисленная рать,
Решил столицей Шахрисябз избрать.

Подобно пери шахское дитя.
Красавицу соперницей сочтя,

Питают пери зависть ныне к ней,
А гурии годны в рабыни ей.

Старуха-неба, зеркало держа,
Ее причесывает. Госпожа

Избрала солнце зеркалом своим.
Нет, лучше с ясным солнцем мы сравним

Ее красу: она весь мир сожгла,
И перед ней тускнеют зеркала!

Пред ней, восторг в смущеньи заглуша,
Глаголющая замолчит душа,

Язык пред ней немеет, слишком груб,
Живой водой блестят рубины губ.

Подобно Хызру вещему, она
Всегда в зеленое облачена.

Ее лицо — как райский цвет живой,
Что всходит над зеленою травой.

Она для шаха — радости ручей,
Она — зеница, свет его очей.

Шах на вершине горного хребта
Построил крепость. Башня поднята

До самых туч. Она, превыше гор,
Бросает небосводу свой укор.

Посередине крепости дворец
Воздвиг для гордой дочери отец.

Вокруг дворца — три крепостных стены,
На стенах — башни сооружены.

В обширных стенах — крепкие врата,
До неба их доходит высота,

Тропа ведет к подножью этих врат,
Она полна немислимых преград.

У первых врат на страже — великан,
Свирепый негр по имени Катран.

Пред ним, как муравей, бессилен слон,
А, каждый волос на плечах — дракон,

А волоса и шея и спины
Со шкурами слоновыми сходны.

Как страж ночных небес, как страшный див,
Стоит он, трепет недругам внушив.

Мудрец, который знанием богат,
На страже встал у следующих врат.

Перелистал он сотни древних книг,
Он — тот, кто крепость шахскую воздвиг.

У третьих врат старуху мы найдем:
Ей любо заниматься колдовством.

В коварстве, в хитрости, в науке зла
Она старуху неба превзошла.

Нельзя ее свирепость обмануть.
Не смеет ветер в крепость заглянуть.

Заглянет птица — выпадут крыла,
Заглянет муха — и сгорит дотла.

Волшебный пламень жжет все горячей,
Он может камень превратить в ручей...

Царевна, с сердцем каменным луна,
К супружеству презрения полна,

Недостигаема для жадных глаз,
В той крепости от мира заперлась.

Но мир, наслышан о ее красе,
Стремится к ней; о ней мечтают все,

Хотя повергнут в страх влюбленный мир:
Его сердцегубительный кумир

Условье ставит, гордо говоря:
„Будь это грозный царь, иль сын царя,

Или мудрец, прославленный вовек,
Иль просто благородный человек,—

Но каждый, кто в сердечной глубине
Взлелеял мысль о близости к луне,

Кто речь, когда негаданно придет,
О брачном договоре заведет,

Пусть как ему угодно: колдовством,
Коварством, силой, хитростью, умом,—

Ворота шахской крепости возьмет!
Дойдя до первых крепостных ворот,

Пусть победит сперва Катрана он.
Его связав, пусть невозбранно он

Приблизится потом к вторым вратам.
Мудрец ему задаст вопросы там.

Когда ответов он найдет язык,
Поставит вопрошавшего втупик,

Пусть до последних он дойдет ворот:
Там победителя колдунья ждет.

Когда он, силой знания своего,
Старухи уничтожит колдовство,

Когда, с противником расправясь так,
Он водрузит над крепостью свой стяг,

Явив над крепостью права свои,
Он завладеет крепостью любви.

А нет,— он будет схвачен, как злодей,
С позором выгонят его людей,

Пусть на себя тогда пеняет сам:
Его убьют, останки бросив псам,

А голову, всем прочим в образец,
Поднимут вверх, на крепостной зубец^а.

Условье гордой пери тяжело.
И дня еще такого не пришло,

Чтоб не был умерщвлен один из тех,
Кого манил и обманул успех.

Для псов добычей стали храбрецы,
Чьи головы воздеты на зубцы...

Но ты не трепещи, судьбу кляня,
В пустыню страха не гони коня:

Красавицу соединю с тобой, —
Она тебе назначена судьбой.

Тебе с подругой сблизиться пора,
Тебя наставлю я на путь добра“.

Когда премудрый так проговорил,
Он раковину Саду подарил,

И несколько волшебных слов подряд
Он начертал, чтоб их запомнил Сад,

Еще одну записку написал
И, юноше вручив ее, сказал:

„Вставай и отправляйся в путь скорей.
Вожатыми ты сделай двух друзей

В зеленых платьях; не теряя дня,
До Шахрисябза ты гони коня:

Зеленый город — всех стараний цель.
Когда же ты достигнешь тех земель,

Ты к шаху спутников отправь тотчас:
Пусть обо всем доложат без прикрас.

Шах скажет: „Негра победи сперва“.
Вступи в борьбу, но затверди слова,

Которые тебе я начертал,
Их чарами владея, начертал:

В них — мощь твоя, они — твой талисман,
Пред мощью их беспомощен Катран!

Как только в раковину дунешь ты,
Когда сквозь раковину плюнешь ты,

В какое б место ни попал плевок,
Твой враг заснет, и будет сон глубокий.

Ты возликуй, Катрана победив:
Когда в борьбе погибнет черный див,

И будет крепость первая взята, —
Раскроет радость пред тобой врата,

И ступишь ты уверенной ногой,
И так дойдешь до крепости другой.

Ты будешь остановлен мудрецом:
Ты будешь поражен его лицом.

В глазах увидишь мудрости лучи:
Мою записку ты ему вручи.

Смиренье выкажет, ее прочтя,
Поможет он тебе мое дитя.

Он с высшею премудростью знаком.
Он стал мне сыном и учеником.

Развеет он старухи колдовство,
И счастья ты достигнешь своего“.

Так молвив, улыбнулся он светло,
Поцеловал он юношу в чело,

Напутственное слово произнес:
„Удачлив будь! Ты счастье мне принес,

Теперь за счастьем ты своим иди.
Спеши: преграды будут впереди“.

С порога старец крикнул: „Счастливы будь!“
И Сад, повеселев, пустился в путь,

Луга пересекая и поля...
И показалась, наконец, земля,

Покрытая зеленою травой,
Слиянная с небесной синевою,

Терялся в небесах ее рубеж:
Предстал пред путниками город Кеш.

Сад обратился к двум проводникам:
„Ступайте к шаху во дворец!“, — а сам

Верблюдов он развьючить приказал,
Устроил посреди степи привал.

Явились к шаху два проводника
И повесть начали издалика

О том, как непостижная звезда
Их друга Сада привела сюда.

Они хвалили ум его и нрав,
Его радушью должное воздав.

К ним шах склонил свой милостивый слух:
Друзей и слуг он видел в этих двух,

Он твердо знал, что их рассказ правдив,
Заочно к Саду сердце обратив,

Приязнь к нему почувствовав, приказ
Двум правдолюбцам отдал он: „Тотчас

Помчите вы коней к его шатру:
Я к завтрашнему жду его утру“.

Наутро уроженцы той земли
Пред очи шаха Сада привели.

Шах, увидав его счастливый лик,
Утешился душой, и в тот же миг,

Едва на юношу он бросил взгляд,
Решил: ему, как сердце, дорог Сад!

Шах возвеличил гостя и вознес
И благопожеланье произнес.

Упал смиренно Сад, целуя прах,
Но поднял Сада милостивый шах

И оказал невиданную честь:
Велел ему перед престолом сесть.

Когда чужой и свой, собравшись тут,
Вкусили вдоволь от богатых блюд,

И шах узнал от сведущих двоих,
От добрых верноподданных своих,

К чему стремится Сад,— сказал он так,
И это был расположенья знак:

„Были утомителен далекий путь.
Ты, Сад, сегодня должен отдохнуть.

А завтра час борьбы назначу я.
Предчувствую твою удачу я!”

Сад к своему направился шатру.
Друзей и слуг собрал он на пиру.

Он пил вино, и сладостный кумир
Незримо украшал веселый пир.

Мрак над землей свой полог растянул,
Не раз ночной менялся караул,—

Опьянены и сражены вином,
Пирующие спали крепким сном.

Для пьяного—все беды позади:
Хмель—в голове, любимая—в груди.

Своих друзей покинул Сад, ведом
Отвагою, любовью и вином.

Не видели друзья, пьяным-пьяны,
Как он дошел до крепостной стены,

Как падал он, как поднимался вновь,
Как опьяняла пьяного любовь,

Как вопли он, шатаясь, издавал:
Он о любви к возлюбленной взывал. . .

А в это время кровожадный негр,
Что, словно дым, восстал из горных недр,

Чья грудь бесстрашна, чьи глаза остры,—
Расхаживал на выступе горы:

Он стражу нес у крепостных ворот.
Вдруг слышит: голос плачет и зовет.

На голос он с крутой горы сбежал;
Держа в руке безжалостный кинжал.

Он увидел сраженного вином:
Свеча сознания погасла в нем!

Сперва хотел убить его Катран,
Но передумал черный великан.

Сказал: „В пещере пьяного запроу.
Когда же мир проснется поутру, —

Убью при всех. И завтрашний мой враг,
Взглянув на мощь мою, почувет страх,

И я затрепетавшего убью,
Народу силу покажу свою,

Чтоб восхвалял меня и стар, и млад“.
Катран, жестокому решенью рад,

К пещере Сада приволок, свиреп.
Пещера та напоминала склеп.

В пещеру бросил Сада черный див,
Связав и руки на спине скрутив.

Он завалил тяжелым камнем вход,
На страже стал у крепостных ворот...

Заснул влюбленный, хмелем побежден.
Когда заря взошла, развеяв сон,

Сад вспомнил, что произошло вчера,
Как, пьяный, убежал он из шатра,

Как, пьяный, крепости вчера достиг.
Тогда слова, что написал старик,

Он стал читать, их повторяя вслух.
И в тело мощь вошла такая вдруг,

Что выпрямился в мрачном склепе он.
И разорвал стальные цепи он,

От входа камень отвалил рукой
И быстро побежал с горы крутой.

Не озирался он, к друзьям спеша:
Была взволнована его душа.

Когда стоянки он достиг своей,
Застал он огорченными друзей:

Исчезнув ночью, он расстроил их.
Но ласково он успокоил их,

Вскочил в седло и поскакал на бой.
Жестокой удручен его судьбой,

Неисчислимый заполнял народ
Ристалище у крепостных ворот.

Посередине возвышался шах,
А злобный негр, внушая людям страх,

На исполинском гарцовал коне.
Подобная и солнцу и луне,

Глядела пери на Сатурна цвет,
Струя из башни свой лазурный свет,

Блуждал Катрана кровожадный взгляд.
Так думал негр: „Когда примчится Сад,

Убью хмельного пленника при всех,
И Сада испугает мой успех“.

Едва примчался светлоликий Сад,—
Воитель черный поскакал назад,

Людей немало этим удивив.
Войдя в пещеру, поразился див:

Исчез вчерашний пленник без следа!
В Катране ярость вспыхнула тогда,

Он ринулся на бой, угрюм и зол.
Сад спешил к негру подошел.

Они вступили в рукопашный бой,
Не побеждал ни тот и ни другой,

Сад был силен, как черный великан:
Ему помог священный талисман.

Он раковину приложил ко рту
И плюнул через раковину ту,

И брызнула снотворная слюна,
И сделался Катран добычей сна.

Сад поднял сонного над головой
И бросил наземь с силою такой,

Что появилась трещина в скале,
Остался отпечаток на земле!

В народе грянул изумленья крик,
Он купола небесного достиг!

Счастливый Сад Катрана перевозмог.
Он положил его у шахских ног,

Спросив: „Что делать дале? Повели!“
И Сада по дороге повели

К вторым вратам, где пребывал мудрец,
Вход преградив к царевне во дворец.

Был Сад его обличем поражен.
Он сотворил с достоинством поклон,

Вручил ему записку старика.
Тот задрожал, раскрыв ее: рука

Наставника писала те слова!
Ко лбу записку приложив сперва,

Он стал читать: отшельника перо
Приказывало сотворить добро.

Готовый наземь перед Садам лечь,
Премудрый страж повел такую речь:

„Наставнику я предан своему.
Где смелости, где силы я возьму,

Чтоб повторить высокие слова?
Душа святого старца в них жива!

Исполню с радостью приказ его:
Старухи уничтожу колдовство“.

Смотрел народ, столпившийся вдали,
Как эти двое разговор вели,

А страж сказал: „Колдунья—звук пустой,
Изображенье, созданное мной.

Хотя людей измучила она,
Не человек, а чучело она.

Ее прославленное колдовство
Обман и ловкость, только и всего.

Приблизясь к ней, ударь старуху в грудь,
И в храм любви свободен будет путь".

Поставив стража якобы втупик,
Сад снова к шаху обратил свой лик,

Спросив: „Что делать дале? Повели!“
И вот его к старухе повели.

Все разбежались у ее ворот.
Один бесстрашный Сад прошел вперед.

За ним стоял немолчный шум людской:
Был подвиг удивителен такой!

Вокруг старухи — тысяча смертей,
Над головой — огнеобразный змей.

Сад, не боясь колдуньи ложных чар,
По высохшей груди нанес удар.

Тогда старуха зашаталась вдруг,
На множество кусков распалась вдруг:

То были тряпки. Связывал их клей.
Из ниток сделан был ужасный змей.

Откуда ж эти грозные огни?
Из пестрых тряпок сделаны они!

Разрушив чародейства мнимый ад,
Вернулся к шаху светлоликий Сад.

Шах, как отец, его поцеловал,
Любимым сыном он его назвал!..

„Зеленый рай“, — так прозван был цветник,
В котором старый шах дворец воздвиг.

Зеленому дворцу дивился мир,
Был во дворце устроен брачный пир:

Обвенчан ангел с пери молодой,
Слилась денница с утренней звездой!

Владыка вскоре в лучший мир ушел.
Сад унаследовал его престол.

Он стал в зеленом восседать дворце,
В зеленом одеянии и венце.

Двух правдолюбцев взял в визири он
И зажил в радости и мире он.

Его кумир, красив, розоволик,
Зеленый шелк носил, как базилик.

Весельем ясным душу просветлив,
Сад пребывал к народу справедлив.

Была его лицом озарена
Веселая, зеленая страна.

Зеленый цвет нам всех цветов милей
Он—цвет весны, садов, лугов, полей.

Когда несчастья змеи к нам вползут,
Их ослепит зеленый изумруд.

Красавца молодого берегись:
Он строен, как зеленый кипарис.

Недаром Хызр в зеленое одет:
Дарит бессмертие зеленый цвет!

* * *

Когда рассказчик смолк, сказал Бахрам:
„О путешественник! Поведай нам:

Где корень твой, начало бытия?“

Ответил странник: „Родина моя—

Далекий Шахрисябз. Мой предок—Сад.

На мне зеленый видишь ты наряд“.

Бахрам, узнав, кто этот человек,
Градоправителем его нарек,

И сразу, позаботившись о нем,
В ту ночь заснул он беззаботным сном.

ВТОРНИК
БАХРАМ В КРАСНОМ ДВОРЦЕ

Когда, во вторник, звездный сад исчез,
А звезды, розы красные небес,

Рассыпали, как искры, лепестки,
Когда старуха неба, вопреки

Годам, чтобы вернуть красу, слегка
Покрыла киноварью облака,—

В розовоцветный дом Бахрам вошел.
Подобный розе, там адел престол.

Одежда шахская была красна.
Он цвета розы попросил вина,

На зов его пришла царица роз,
В ее руках был розовый поднос.

Бахрам и роза пили дотемна;
Порозовели оба от вина.

Простился мир с вечернею зарей.
День отпылал и скрылся за горой.

Глаза Бахрама вспыхнули огнем,
Был сон развеян розовым вином.

Но слуги в тех глазах приказ прочли,
Пошли и чужестранца привели,

О нет, не чужестранца,—колдуна:
Была над словом власть ему дана!

Когда Бахраму странника приход
Известен стал, он молвил: „Пусть начнет

О приключениях своих рассказ“.
И путник, шаха услышав приказ,

Свое сказанье начал с похвалы:
„Как солнце, дни бахрамовы светлы,

Вино его, как аргуван¹, красно,
Кровь побежденных — вот его вино!“

Окончив похвалу, сказал он:

*Рассказ путника,
приведенного с дороги в красный дворец.*

„Встарь
В Дехли был знаменитый государь.

Страна его обширною была,
А власть его всемирною была.

Превосходил всех шахов славой он.
Владел могучею державой он

И беспредельной, как небесный свод.
Своим сокровищам терял он счет.

Был нрав его собраньем редких черт.
Он прямодушен был и милосерд,

Он был правдолюбив и справедлив.
Законы правосудья утвердив,

Он добротою славился в стране.
Так звался он среди владык: Джуне.

¹ Аргуван — дерево с пурпурными цветами.

Дарами он сумел сердца привлечь,
О щедрости его не молкла речь.

Его недаром всякий восхвалял:
Он без причины лаки¹ раздавал,

Причину отыскав хотя б одну,
Дарил он человеку всю казну!

Забавной шутке, мысли тонкой рад,
Он остро слову не жалел наград.

Рассказывают так: один бедняк
Ушел на поиски насущных благ.

Вернулся из чужбины этот муж
И шаху преподнес корзину груш.

Но плата запоздала дня на два.
У продавца поникла голова.

Шах, вспомнив, приказал: „Обиняком
Поговорите с этим бедняком:

Чем наградить его? Каким добром?“
Ответил тот: „Пилой и топором“.

„В чем тут премудрость?“ — удивился шах.
„Вот в чем, — сказал бедняк. — В твоих садах

Срублю деревья, их плоды продам,
Так путь найду я к даровым плодам“.

Ответ услышав, молвил шах Джуне:
„Он десять лаков заслужил вполне“,

Сто тысяч составляет каждый лак!
Визирь вздрогнули: нельзя никак

Так щедро деньги раздавать в стране!
Решили: шаха приведем к казне —

Награду всю воочью увидав,
Невольню он воскликнет: „Я неправ!“

¹ Лак — сто тысяч.

Нельзя такое множество монет
Отдать в награду: в этом смысла нет!

Но, подойдя к казне, сказал Джуне:
„Здесь мало; надо наградить вдвойне“,

И это—лишь одно из многих дел...
Однажды за беседой шах сидел.

Как небо, чистым помыслом высок,
На пир собрал он дружеский кружок,

Жемчужин-милостей рассыпав горсть.
Среди друзей был чужеземный гость.

Он зеркало принес владыке в дар,
Невиданных исполненное чар:

Промолвишь правду,— чудное стекло
Твой лик правдивый отразит свегло,

Солжешь — тебя разоблачит оно:
Изображенье будет в нем черно!

Шах, зеркалу немало удивясь,
В его чудесных свойствах убедясь,

В награду гостю много денег дал;
Тот о десятой доле не мечтал

И щедрость шаха до небес вознес,
В беседе задал шах ему вопрос:

„Земных прошел ты множество путей,
В пути встречал ты множество людей,

Скажи по чести, правду не тая:
Есть в мире люди щедрые, как я?“

Вопрос поставил путника втупик.
От страха онемел его язык.

Он скажет „есть“, — царя сожжет гроза,
Он скажет „нет“, — царю солжет в глаза!

Пошла по телу чужеземца дрожь
И правду скрыв, решил сказать он ложь:

„По всей вселенной я прошел стопой,
Никто на свете не сравним с тобой“.

„Не лжешь?“ — „Не лгу: поверить можно мне“.
„Взгляни-ка в зеркало“, — сказал Джуне.

Тот глянул — отразился черный лик.
Смутился гость и головой поник.

Такой же стыд почувствовал Джуне,
Сказал: „Солгал ты по моей вине,

Но, если скажешь правду, навсегда
Избавишь нас обоих от стыда“.

Гость молвил: „Есть один, тебе сродни“.
Сказал властитель: „В зеркало взгляни“.

Тот глянул: отразился светлый лик.
Джуне сказал: „О чистоты родник!

О щедром человеке расскажи!“
„Великий шах! Ты — ненавистник лжи, —

Воскликнул гость, — услышишь ты сейчас
Никем еще не слыханный рассказ,

Но лучше будет, если шах Джуне
Останется со мной наедине“.

Сказал придворным шах: „Оставьте нас“.
Все люди вышли. Начал гость рассказ:

„Есть город в Индии, известный тем,
Что говорят о нем: „Второй Ирем“.

Он входит в мощную твою страну,
Дань вносит каждый год в твою казну.

Он обаятелен, как древний сказ
О любящих; зовется он Тараз.

Наверно, славный шах, бывал ты в нем,
Иль с описанием его знаком?“

Шах отвечал: „Нет, в нем я не бывал,
Но много я слышал ему похвал.“

Однако, путник, продолжай рассказ^а.
И тот: „Иремом я назвал Тараз,—

Эдемским древом пальмы назову,
Там Каусар струится наяву,

Рек полноводных — изобилье там,
Сладка вода, как в Сельсебиле¹, там,

В садах и рощах блещут воды там,
Все горожане — садоводы там,

Никто из них не пожалел трудов
Для украшения своих садов.

К душистым розам с детских лет влеком,
Владеет каждый житель цветником,

У каждого благоухает сад,—
Дворцы, а не дома в садах стоят!

Ты скажешь: райская обитель там,
А каждый смертный — небожитель там,

А город весь — как сад, как вертоград,
А весь народ воистину богат:

Был в явном замешательстве народ,
Когда богатствам сделал он подсчет,

В развалины заглядывать пришлось:
И в них богатства складывать пришлось!

Там юноша цветет, как рдяный куст.
Его нам не опишет златоуст.

Он чист, как животворная вода,
Лучист, как солнце, светел, как звезда.

Он прожил на земле немного лет,
Но знаниям его — предела нет.

Как зеркало, прозрачно естество:
С отцеженной водой сравню его,

¹ *Каусар, Сельсебиль* — названия райских источников.

В понятиях товких изощрен. весьма,
Проник в любые тонкости ума.

И, так как множество постиг наук,
Ученых вокруг него собрался круг:

Наставник их, премудрости сосуд,—
Тот юноша по имени Масуд!

Господь ему не отказал в дарах.
Он любит время проводить в пирах.

Когда земля цветением роз пьяна,
Он розового требует вина,

Он розами венчает красоту,
Он утопает в розовом цвету.

Когда же розы вянут на лугах,
Он утопает в розовых шелках,

Опрыскав амброй розовый покой:
Так розы он опрыскивал водой.

Шелка розовоцветные надев,
На пир зовет розоволиких дев,

На их ланитах розы—не обман,
Ланиты их не ведают румян!

Они красивы и счастливы все,
Они готовы для полива все!

Веселие, придя к его двору,
Раскроется, как роза, на пиру.

Когда на пир его ты бросишь взгляд,
Взглянуть на райский не захочешь сад!

О нем я, пусть бессвязно, рассказал,
Поверь, не для соблазна рассказал,

Я слово находил одно из ста,
Но слова не найдут мои уста,

Чтоб щедрости его хвалу воздать.
Что я! Когда бы мог Хатим¹ восстать

Из мертвых,—голову б. склонил Хатим:
Пред щедрым благодетелем таким!“

Замолк рассказчик из чужой земли.
Потряс он повелителя Дехли.

Воскликнул тот, у странника в плену:
„На редкостного юношу взгляну!“

Сказал: „Неделю буду отдыхать,
В покоях женщин чашу осушать,

Освобождаю всех дворцовых слуг:
Пусть у себя проводят свой досуг“.

Когда придворные домой пошли,
Джуне, решив уехать из Дехли,

Дал наставленья приближенным всем:
Он их заботам поручил гарем.

Был у него быстробегущий конь.
Он ярких молний обгонял огонь.

Бесстрашному послушен седоку,
Он обгонял пернатых на скаку.

Он за день покрывал недельный путь,
А за неделю—беспредельный путь!

Свой облик и одежду изменяя,
Джуне вскочил на быстрого коня.

Он за два дня покрыл сто ягачей²
И вот увидел город богачей,

Сады густые, стройные дома...
Хотя рассказчик точен был весьма,

Описывая город,—во сто раз
Красивей описанья был Тараз.

¹ *Хатим*—легендарный богач, отличавшийся величайшей щедростью.

² *Ягач*—мера длины (около 7 км).

Дорогу расспросив, Джуне достиг
Дворца Масуда. Был дворец велик,

Айван—подобен утренней заре.
Шел мир, и шумно было на дворе,—

Хозяина приветствовал народ.
А путешественников у ворот

Встречали слуги. Увидав Джуне,
Который к ним подъехал на коне,

Они пред ним склонились до земли,
Его коня в конюшню отвели,

А самого—в гостеприимный дом.
Джуне дивился, слугами ведом,

Великолепью утвари, ковров,
Достойных даже царственных пиров.

Вот кушанья принес один из слуг.
За ним хозяин появился вдруг.

Красив и благороден гость, а все ж
Не так, как этот юноша, хорош!

Хозяин юный так радушен был,
Так щедр и так великодушен был,

Что потускнел в сравненьи с ним Джуней
Когда Джуне насытился вполне,

Хозяин предложил ему вина.
Была учтива просьба и скромна,

Согласием ответил гостя взгляд,
И юноша его согласью рад.

Вином украсил пиршества ковер,
Потом повел о бане разговор.

Был неподобен банный тот покой:
Обшиты стены яшмой дорогой,

Из мрамора цветного сделан пол.
Хозяин путника туда привел.

Как небо, там сияли зеркала
И розовая там вода текла.

Дорожную с себя смывая пыль,
Дивился гость: то сказка или быть?

Вся утварь очаровывала глаз.
Как солнце, позолочен каждый таз.

Но где сравнение ручке подберем?
Как полумесяц, блещет серебром!

Там полотенца — златотканья все,
Как лепестки, благоуханья все!

Шах думал, опускаясь в водоем:
„Нет роскоши такой в дворце моем!“

Едва исполнил омовенья долг,
Увидел он розовоцветный шелк.

Для гостя подчинение — закон.
В одежду цвета розы облачен,

Масудом встречен, шах пришел на пир.
Такого пира не запомнит мир,

Такого пира не было давно,
Там ангел — кравчий, Каусар — вино!

Был каждый из гостей одет в халат,
Как роза, рдяный, красный, как гранат.

Алела утварь у Масуда вся,
Рубиновой была посуда вся!

И кравчий путнику вино поднес,
Душистое, как сок пунцовых роз,

И много раз, кругла и тяжела,
Гостей хмельная чаша общла.

Всем в головы ударил буйный хмель.
Джуне, который сдержан был досель,

Вдруг осторожность потерял свою, —
Джуне себя почувствовал в раю:

Куда ни взглянет—гурии кругом.
Был наголову он разбит вином!

Достоинства завесу он совлек,
Снял со шкатулки уст своих замок,

Сломал Джуне молчания печать,
Без выбора он стал слова метать,

Развязанным он сделал свой язык,
И так как тонкости ума постиг,

И так как был красноречивым шах,
То жемчуг заблестел в его речах.

Сказал он: „Много стран объемяю я,
Не только Индию — всю землю я,

Скитаясь, обошел из края в край,
Но знанья чистый свет, счастливый рай

Увидел я лишь во дворце твоём.
Поведай мне, блаженный бытием,

Откуда столько у тебя добра?
Так много золота и серебра—

Да во сто крат умножит их Аллах—
И в царских я не видел погребах!“

Масуд сказал: „Твой лик—счастливей роз.
Необходим ответ на твой вопрос.

Богатство смертному творцом дано.
Узнай, откуда у меня оно.

Есть справедливый шах у нас в стране.
Тень бога над землею—шах Джуне!

Пусть день его не меркнет никогда,
Пусть вечный бог продлит его года!

Он любит справедливость: всех людей
Объемлет справедливостью своей.

Сумел он беззаконье устранить,
Он разорвал неправды черной нить,

И вот, по мановению царя,
Нам светит справедливости заря,
И мы покой вкусили сладкий все,
В довольстве зажили, в достатке все,
Сокровищ наших выросло число,
Когда он взял нас под свое крыло,
Всех осенив могуществом своим!
Мы знаем, что имуществом своим
Обязаны царю: таков закон,—
Мы счастливы затем, что счастлив он.
А я, других счастливей потому,
Что, господу молюсь я своему:
За все дары его благодаря,
Прошу я долголетия для царя.
Кто жаркою молитвой пренебрег,
К тому немилостив суровый рок.
Я каждый день молюсь,— и вот Аллах
Стал спутником моим во всех делах“.
Шах, выслушав, пришел в такой восторг,
Что счастья вопль едва он не исторг.
К Масуду он почувствовал любовь
И красноречьем засверкал он вновь.
Никто с ним состязаться не посмел!
Масуд, им восхищенный, онемел
И понял: многоумен гость его,
Он,— украшенья века своего,
Мудрец в нем собеседника найдет!
И в благодарность за его приход.
За гостя жертвой пасть он был готов!
Ему служило множество купцов,
В тот вечер двое прибыли к нему,
Доставив много прибыли ему:

Была та прибыль подати равна,
Что вносит шаху целая страна.

Но гостю подарил ее Масуд,—
К² стопам Джуне все золото несут!

Шах—равнодушен: он узнать хотел,
Где щедрости масудовой предел.

«Сказал Масуд: „Пусть гурии сейчас
Войдут и розами осыплют нас“.

Явилось десять гурий со двора.
Хотя настала осени пора,

Нежданно ветер осени принес
Весеннее благоуханье роз.

С приходом гурий дом расцвел, как сад,
На всех розовоцветный был наряд.

Манили, славно розы, лица их,
Готов был каждый гость влюбиться в них,

Веселие сияло в их очах...
Почуял сильное волнение шах.

Масуд кому-то подал знак, и вдруг
Одна явилась, всех затмив подруг.

Вот, легкая и томная, спешит,
И чашу—не видал такой Джемшид—

Вином наполнив, шаху подает.
Как солнце озаряет небосвод,

Так озарила чаша всех гостей.
„Ты должен присмотреться к чаше сей,—

Сказал Масуд,— закон ее — такой:
Наполни раз — не станет вновь пустой.

Когда ее направопустишь в круг,
И в руки перейдет она из рук,—

Ни разу не иссякнет в ней вино:
Ей свойство необычное дано!

Когда налево в круг пойдет она,
И гости все напьются допьяна,

Вина в ней меньше станет, но чуть-чуть.
Волшебных свойств уразумел я суть:

Когда творцы ее произвели,
Они заклятие произнесли“.

Шах сделался поклонником вина,
Он пил, а чаша всё была полна,

И, брат по щедрости, поднес Масуд
Ему в подарок дивный свой сосуд.

Но день и вечер превратились в ночь.
Вину служить уже гостям невмочь.

На них дыханьем сна повеял мрак.
Когда рассвет, гуляка из гуляк,

Стал наслаждаться солнечным вином,—
Расстались гости с благодатным сном.

Хозяин задал пир на целый день,
Всех пригласив под розовую сень.

Расселись гости посреди двора.
Был этот пир пышнее, чем вчера,

Вкуснее утренний напиток был,
Вина хмельного преизбыток был,

И кипарисы с розовым челом
Всех угощали розовым вином.

Опять хозяин сделал знак рукой,
И тот, кто был догадливым слугой,

Ушел и вскоре дивный ченг принес,
Привел одну из тонкостанных роз.

Свое лицо, учтива и скромна,
Закрыла шелком розовым она.

„Пусть покрывало снимет на пиру,
Пусть сядет, ченг возьмет, начнет игру—“.

Сказал Масуд. И ченг она взяла,
И покрывало легкое сняла,

И гости разума лишились вдруг.
Когда же звонкий ченг из тонких рук

Обрел пьянящий звук, даруя жизнь,
Все гости обрели вторую жизнь!

Был музыкантшей так Джуне пленен,
Что вместе с ченгом издавал он стон:

Всю душу обожгла ее краса!
За скромный дар прощения прося,

Ему вручил красавицу Масуд,
А слугам поручил приятный труд:

От солнечной до сумрачной поры
Все время гостю подносить дары.

Настала ночь. Сразило всех вино —
И пьяного, и трезвого равно.

Когда проснулись гости поутру,
То снова оказались на пиру:

Еще не отшумел двухдневный пир,—
Был вновь устроен задушевный пир,

Вино розовоцветное опять
На лицах стало розы раскрывать.

Явились розы, томны и легки,
Рассыпав розовые лепестки.

Убранство было во сто раз пышней,
Гораздо больше собралось гостей,

Веселье бурной пенилось рекой.
Опять хозяин сделал знак рукой,

И гости вдруг увидели слугу:
Он вел коня, который на бегу

Был, словно молния, неукротим.
Шебдиз¹ не мог бы состязаться с ним!

¹ *Шебдиз*—легендарный конь из Шахнаме.

Был масти нежно-розовой скакун,
Недаром прозывался он: Гульгун¹.

Как пери, розов,—грозен был, как див,
Красу и мощь в себе соединив.

Он чудом был, он дивным дивом был:
Он, пери, в то же время дивом был!

Мы будем правы, если назовем
Гульгуна двуединым существом.

Еда Гульгуна — сахарный тростник,
Вода Гульгуна — сладостный родник.

Он всех коней быстрее и горячее,
Покроет за день сотню ягачей!

Масуд, пред гостем голову склоня,
Подвел к нему бесценного коня.

Джуне был всем его подаркам рад,
Но конь обрадовал его стократ.

Масуд был верен щедрости своей:
Он много шаху преподнес вещей,

Он одарял его до той поры,
Когда в дворцах кончаются пиры,

Когда и мрак ночной, и светлый хмель
Поклонников вина кладут в постель.

От солнца вспять помчался мрак-индус,
Проснулся шах и сбросил сонный груз.

Опять Масуд его на пир зовет,
Исполненный веселья и щедрот.

„Прекрасноликий друг,—сказал Джуне,—
Любовь к себе посеял ты во мне.

Запомню я, пока не вниду в прах,
Добросердечье на твоих пирах.

¹ Гульгун—означает розовоцветный.

Хотя разлука причинит мне боль,
С тобой расстаться все-таки позволю:

Без спросу входит гость, таков закон,
Но с разрешения уходит он“.

Был этой речью огорчен Масуд.
Сказал: „Зачем уста твои рекут

Слова разлуки? Скорбь в таких речах,
О путник с блеском знания в очах!

Была беседа наша весела,
Мне встреча наша радость принесла.

Иль провинился я, тебе служа?
Пусть мне простит мой грех твоя душа!

Я радовался лику твоему,
Приязни, красноречью и уму.

Прошу: еще немного погости.
А нет,—когда виновен я,—прости“.

Но, извиненья попросив, Джуне
Пустился в путь на розовом коне:

Гульгун измерить землю собрался...
Пришпорь его,—он рвется в небеса!

Хозяин, множество собрав монет,
Свои дары отправил гостю вслед,

Надзору поручил проводников
Бессчетное количество тюков,

Отправив слуг, сел на коня потом,
И, гостя проводив, вернулся в дом.

Стрелой помчался конь в степной пыли.
Шах в тот же день обрел покой в Дехли.

И вскоре к шаху прибыли дары,
И в честь Масуда стал он с той поры

Розовоцветным кубком тешить взгляд,
Розовоцветный надевать наряд...

В те дни Таразом правил самодур.
Всей Индии известен был Джайсур.

Попал народ правителю в тиски,
Чей сан высок, а помыслы низки.

Всех в содроганье приводил злодей.
И жалобы загубленных людей

Дошли до шаха. Отдал шах приказ:
„Сместить Джайсура с должности тотчас.

Ко мне Джайсура привести на суд,
Таразом править пусть начнет Масуд*.

Но, прежде чем пришел указ такой,
Сумел Джайсур проведать стороной

О том, что скоро будет он смещен,
Что шах его правленьем возмущен,

Что будет учинен ему допрос,
Узнает шах, как много перенес

Народ, измученный в его узде,
Раскроется вся правда на суде,

И по заслугам шах ему воздаст!
Был у него, на хитрости горазд,

Как он, влеком к насилию и злу,—
Помощник; прозывался он Маллу.

Злодей позвал злодея на совет.
Сказал Маллу: „Виною наших бед —

Масуд и щедрые его дела.
Молва до шаха, видимо, дошла

О щедрости, о чистоте его,
О беспримерной доброте его.

И шах решил Тараз отдать ему,
Тебя сместив и посадив в тюрьму.

Но, если будет удален Масуд,
Вновь звезды счастья над тобой взойдут.

Узнав, что он исчез, заплачет шах,
А власть останется в твоих руках!

Сказал Джайсур: „Я внял словам твоим.
Но как соперника мы удалим?“

Сказал Маллу: „Приязни и любви
Обычай сперва ты прояви,

Отдай гостеприимной дружбе дань,
К нему придя, Масуду другом стань,

Смиренно пригласи его в свой дом, —
Сам позабочусь я об остальном“.

Злодей пришел в восторг; пустил он в ход
Уловки всевозможные, и вот

Масуду другом задушевым стал,
Масуда гостем каждодневым стал,

Стал каждый день Масуд ходить к нему,
Радушие находя в его дому.

Переступал Масуд его порог,
От подозренья всякого далек,

Джайсура чистым сердцем возлюбя...
Однажды, пир устроив у себя,

Масуд сидел за чашей дотемна.
Ум ослабел от крепкого вина.

С Джайсуром рядом, на свою беду,
Упал он без сознания в саду.

Сразив Масуда наповал, вино
Всех слуг его сразило заодно.

Об этом только и мечтал Маллу,
В укромном притаившийся углу.

Окликнул он своих бесчестных слуг.
Они к Масуду подбежали вдруг, —

Был всем известен их разбойный нрав! —
И руки, ноги путами связав,

Масуда понесли в ночную тьму,
Послушные владыке своему.

Отправил их Маллу к себе домой,
А там в колодец, словно в мрак ночной,

Масуда бросил, и пошел он прочь...
О боже, сотворивший день и ночь,—

Несчастный там лежит, он — жертва лжи,
О нем родным и близким расскажи!

Вот ночи ворон опустил крыла,
Голубка утра плакать начала.

Она к Масуду заглянула в дом
И разбудила всех... Что пользы в том?

Проснулись все, — не мил им божий свет:
Хозяин их исчез, Масуда нет!

Раздался страшный вопль, протяжный стон,
Но больше всех Джайсур был потрясен,

Он громче, горше плакал; что ни миг
Все крики заглушал Джайсура крик.

На поиски домашние пошли, —
Утраты драгоценной не нашли.

И тосковали о Масуде все,
Его оплакивали люди все,

Но таяла надежда с каждым днем.
И вот поминки справили по нем.

Джайсура тоже горе потрясло.
Он возлюбил страданья ремесло,

Он, дальновидный, слезы лил из глаз.
Был мнимой скорбью удивлен Тараз,

И люди утешали все его,
И кончились печали все его

Поминками, что были всех пышней,
И длились ровно семь веселых дней...

Вернемся к ночи той, когда Маллу
Поверг людей в безрадостную мглу.

Проснувшись в темной спальне под землей,
Заря покинула колодец свой.

Придя в себя, открыл глаза Масуд,
И боль почувствовал от жестких пут.

Дивясь, увидел он себя в беде.
До половины — в грязной он воде,

А сверху — в мраке, словно в дегте, он...
Какой тоске попался в когти он?

Сказал: „О боже, силы мне прибавь!
Где нахожусь я? Вижу сон иль явь?“

Он вспоминал о проведённом дне:
„Как очутился я на мрачном дне?“

Но вот в колодец узкий луч проник,
Веревка опустилась в тот же миг.

Он ухватился за нее рукой,
В мученьях выбрался на свет дневной, —

И сразу был он схвачен палачом.
Когда Масуд глаза открыл с трудом,

Увидел он свирепого Маллу.
Тот извергал на пленника хулу,

При нем слуга с охапкой палок был, —
А пленный юноша так жалок был!

Сказал Маллу: „Мы пленника от пут
Освободим: пытать мы будем тут“.

Нé понимал несчастный ничего!
Посыпались удары на него,

И каждый обжигал сильнее огня.
Он крикнул: „Что вам нужно от меня?“

Хотите денег? Я вам денег дам!
Хотите жизнь? Ее вручаю вам!“

Но от мольбы злодей замкнул свой слух.
„Покрепче бейте!“ — он кричал на слуг.

Удары стали сыпаться опять.
Сказал Маллу: „Пора вам перестать:

Убить его я сразу не хочу“.
И слуги подчинились палачу.

От подлых отвернулись небеса.
Масуд, облитый кровью, поднялся

И зарыдал: „Скажите, о друзья,
О мусульмане, в чем виновен я?

Моих грехов откройте свиток вы,
От страшных откажитесь пыток вы!“

Но тщетно пленник вопли поднимал:
Ему каменносердый не внимал.

Так несколько прошло ужасных дней.
Казалось бремя жизни все трудней,

Глумился над обиженным палач.
Напрасен был Масуда горький плач.

„О, наконец, меня ты пожалей,
Избавь меня от жизни поскорей!“

„Я завтра, — тот решил, — его убью:
Насытил злобой душу я свою“.

В колодец бросив пленника опять.
Слуге велел он устье охранять,

Потом, придя к Джайсуру, молвил так:
„Обрадуй сердце: уничтожен враг“.

Джайсур воскликнул: „Пленника убей!“
И вот к себе отправился злодей,

Устроил пир, напился до скотства, —
На грудь упала камнем голова...

Он был прекрасной дочери отцом.
Украшен город был ее лицом.

Ты самый горький ей задай вопрос —
Ответит сладостно царица роз.

Превыше всех похвал ее краса.
Давно ее сожгла любви гроза:

Масуд был этим грозовым огнем!
Рассказывали много ей о нем,

Но девушка, стыдлива и робка,
Глядела на него издалека,

В глубокой тайне от людей храня
Пылание любовного огня...

Она, чуть пленник попадал в тюрьму,
Всем сердцем жаждала помочь ему,

Сама страдая от любовных уз,
Как бы вступала с пленником в союз.

Давно ее ушей коснулась весть
О том, что в доме тайный узник есть,

Но расспросить отца боялась дочь.
Когда она узнала в эту ночь,

Что люди стали жертвой винных чаш,
Что пьян отец, пьян у колодца страж,—

Красавица, в колодец заглянув,
Сияньем лунным узнику сверкнув,

Спросила нежно: „Кто ты, пленник бед?
Ты жив иль мертв? Ты слышишь? Дай ответ!“

Масуд подумал: „То сама душа
Зовет меня, ко мне сойти спеша!“

Воскликнул он: „Зовусь Масудом я.
Твои слова услышал чудом я:

Свершило горе на меня набег...
Но кто ты — ангел или человек?“

Из божьей благости сотворена?
Мне в нежном голосе твоём слышна

О жизни весть. Вокруг меня — враги.
Когда помочь мне можешь, — помоги,

Не можешь, — смерть меня спасет одна!
Красавица была потрясена,

Узнав, что имя пленника — Масуд!
Огонь любви сильнее вспыхнул тут,

Он вспыхнул ярко, вспыхнул до небес!
Когда Масуд таинственно исчез,

Она беды измерить не могла,
Но в смерть его поверить не могла,

Твердило сердце ей: „Отцу не верь,
Ужасен твой отец, как дикий зверь“.

Услышав, что несчастного зовут
Масудом, вскрикнула она: „Масуд!

Пускай умру, пускай увяну я,
Но жертвой за тебя ль не стану я?“

Она рыдала, но кончалась ночь,
А пленнику слезами не помочь.

Увидели наперсницы ее,
Невольницы, две сверстницы ее,

Как плачет, как страдает госпожа:
Она, сердечной тайной дорожа,

Открыла сердце только этим двум.
Служанки сердце напрягли и ум, —

Масуда, сострадания полны,
Из мрачной вытянули глубины!

Изображеньем тела без души
Был юноша. Нет, лучше напиши:

Душою бестелесной был Масуд!
Он сразу был освобожден от пут.

Красавица, припав к нему в слезах,
Была готова превратиться в прах,

Но увидав, что пользы нет от слез,
Что не по времени сейчас распрос,

Велела скрытно в дом его внести,
Чтоб вновь не оказался взаперти.

И пери, сердце радуя свое,
То яства подавая, то питье,

Вкруг юноши, как бабочка, вилась,
Не отводя влюбленных, нежных глаз.

Но вот рассвет прогнал ночную мглу.
С тяжелой головою встал Маллу

И сразу же к колодцу поспешил:
Убить сегодня пленника решил.

Что ж он увидел, страхом обуян?
Колодец пуст, а страж смертельно пьян!

И стража, в гневе, обезглавил он,
К правителю шаги направил он

И, трепеща, всю правду рассказал.
Сраженный этой вестью наповал,

Джайсур был вне себя. Но где беглец?
Решил палач жестокий, наконец:

Наверно, в город убежал Масуд,
И там они, найдя его, убьют!

Они дома обыскивали все,
Окрестности обрыскивали все, —

Исчез Масуд, исчезла тень его,
Хотя искали целый день его!

К исходу дня красавицы любовь
Любимому вернула силы вновь.

Решили оба: надо им бежать.
Когда злодеи обратились вспять,

Когда освободились все пути
Лишь для того, чтоб любящих спасти, —

Красавица добыла двух коней,
Опережавших бег ночей и дней.

Два друга двинулись одним путем:
Сначала — спутник, странствие — потом...

Их бегство обнаружили чуть свет.
Отправилась погоня им вослед,

С таким усердьем яростным скача,
Что не осталось даже ягача

До беглецов: уже, в степном песке,
Виднелись очертанья вдалеке!

Но бог пришел на помощь в горе им:
Безбрежное открылось море им,

Корабль грузился, пенилась волна.
Всю плату корабельщику сполна

Они вручили, сели на корму,
Еще не веря счастьем своему.

Погоня — в гневе: на ее глазах
Корабль на всех умчался парусах.

Не удалось злодеям сделать зло!
И десять суток по воде несло

Двух любящих, и вот видна земля.
Они сошли поспешно с корабля:

Случилось так, что около Дехли,
Столицы царства, беглецы сошли.

Помчались на конях своих вперед,
Всю ночь они промчались напролет,

К утру, надеясь обрести покой,
Окраины достигли городской.

Но крепостью был путь их прегражден:
В той крепости — разбойничий притон!

Разбойники, по десять человек,
На всадников свершили свой набег,

Отняв коней, раздели догола, —
И скрыла их предутренняя мгла...

У двух несчастных сожжены сердца.
Они пошли, благодаря творца

За то, что не рассеялся туман.
Вдруг их толпа нагнала горожан.

Приблизился Масуд к толпе тотчас,
Людей разжалобил его рассказ.

Прикрыли бедных рубищем они, —
Так помогли двум любящим они.

Благодаря людей за доброту,
Прикрыли два страдальца наготу,

С возлюбленной вперед пошел Масуд:
Они в развалинах нашли приют.

Вот солнце вспыхнуло, туман прогнав.
Умчалась ночь-разбойница стремглав.

Горячий день страдальцев озарил,
Но голод их лишил последних сил.

Возлюбленную голод поборол,
И встал Масуд, и в город он побрел.

„Добуду денег — сразу накормлю
Красавицу, которую люблю!“

Так думая, пришел он на базар
В тот миг, когда отменный свой товар

Выкладывал на блюда продавец:
Тамбуль и манго¹ шаху во дворец

Он посылал. „Друзья мои! Дирхем, —
Так продавец кричал, — вручу я тем,

Кто эти блюда шаху понесет!“
Масуд услышал этот крик, и вот

¹ Тамбуль — душистые листья, манго — тропический плод.

Он блюдо взял и во дворец пошел.
День зноен, путь носильщика тяжел,

С трудом он шахского дворца достиг.
Вокруг Джуне¹ благоухал цветник,

Стонал и плакал най¹, а сам Джуне
Топил слезу в безрадостном вине.

Масуда вспоминая, пил вино,
А сердце было горем сожжено...

Вошел Масуд. Что ж видит он в саду?
Гульгуна держит конюх в поводу!

Узнал Масуд знакомое тавро,
Узнал он прежнее свое добро!

Он изумился и проговорил:
„Мой гость Гульгуна шаху подарил!“

Пошел он дальше, — услышал напев.
Застыл, едва на месте не сгорев!

Внимая музыкантше, сад затих.
Знаком Масуду каждый звук и стих,

Узнал ту самую царицу роз,
Которую он гостю в дар принес,

И так подумал юноша: „Она,
Как видно, шаху гостем продана“.

Когда на царский он вступил ковер,
На чашу бросил он случайный взор,

И сердце крови сделалось полно:
Так чашу переполнило вино.

Узнал он чудодейный свой сосуд.
„О боже, где я?“ — прошептал Масуд.

Взглянул на шаха. Что за колдовство:
Узнал он в шахе гостя своего!

¹ Най — флейта.

Затмила взор несчастного слеза.
„Как шаху в этом виде на глаза

Я покажусь? Подумает Джуне:
„Он за расплатою пришел ко мне,

За все подарки он попросит мзду“.
Нет, я к нему сейчас не подойду!“

Так стыд лишил Масуда головы.
Рыдая, снял он блюдо с головы,

И царский сад покинул он бегом.
„Стояли слуги важные кругом,

„Средь них в то время, волею судьбы,
Нашлись Масуда прежние рабы:

„Он подарил их от своих щедрот.
Жогда, рыдая, он достиг ворот,

Вдруг зарыдали до едина все:
„Они узнали господина все!“

На них взглянув, невольно вздрогнул он,
Из сердца вырвался невольный стон.

Все бросились к Масуду. Был горяч
Невольников невольный, громкий плач.

Едва снаружи этот шум возник,
„Он слуха шахского тотчас достиг.

Поспешно побежал к воротам шах,
И светлый мир померк в его очах.

„Он увидал: рыдает скорбный друг
В кругу рыдающих и скорбных слуг.

Обняв его, заплакал горько шах,
Масуд к его ногам припал в слезах,

Над юношей, над горестным цветком,
Кружилась музыкантша мотыльком,

Кровь из очей лила царица роз,
Розоволикой сделалась от слез.

Когда ручей кровавых слез иссяк,
Шах приказал своим придворным так:

„Ведите в баню путника“. Но тут
В словах коротких рассказал Масуд

О жертве рока, спутнице своей, —
О том, что надо ей помочь скорей.

Шах, выслушав Масуда, произнес:
„Носилки и одежды цвета роз

Отправьте утешающей сердца“.
И вот рабыни, евнухи дворца

Одежды и носилки понесли,
В развалинах красавицу нашли,

Одели розу в розовый наряд,
Доставили ее в дворцовый сад,

И, охраняя розу, как царя,
Служили ей, усердием горя.

Масуд исполнил омовенья долг.
Он увидал розовоцветный шелк:

Шах поступил, как некогда Масуд, —
Друг друга щедрые сердца влекут!

Масуд оделся в царственный наряд,
Был добрый шах ему, как сыну, рад.

О том, что было, задал он вопрос.
Излил Джуне ручьи горячих слёз,

Когда Масуд закончил, без прикрас,
О приключениях своих рассказ.

И с той поры Масуда сделал шах
Помощником, товарищем в трудах,

Наперсником, советником своим,
Любимым собеседником своим,

Ему был другом — не владыкой он,
Его связал с розоволикой он,

Их обвенчав, богатством наделил,
Приязнью, дружбой, братством наделил!

Он в управленье дал ему Тараз,
И вскоре обнарудовал приказ,

За что народ вознес ему хвалу:
Джуне казнил Джайсура и Маллу,

И кровью их окрасились поля,
Розовоцветной сделалась земля...

Пришла пора цветенья роз. Взгляни,
Какие дивные настали дни!

Друзья лежат на розовых коврах,
В крови, как в розах, утопает враг.

Из сада сущих роза хороша, —
Пышной цветет бессмертная душа“.

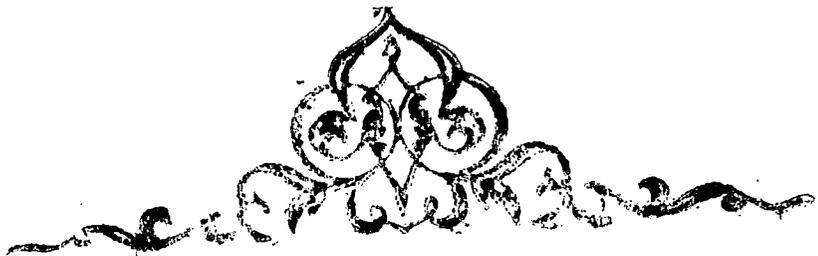
* * *

Когда закончил путник свой рассказ;
Узнал Бахрам: прославленный Тараз —

Его страна; пришел оттуда он,
Потомок щедрого Масуда он.

Велел причислить странника Бахрам
К своим наперсникам, к своим друзьям.

А это стоит больше, чем Тараз!
И шах счастливым сном заснул тотчас.

СРЕДА
БАХРАМ В ГОЛУБОМ ДВОРЦЕ

Вот, в среду, голубой небесный свод
Отправил войско звезд в ночной поход.

Вот, золотом расплавленным горя,
Пустилась в путешествие заря.

Озолотил все небо солнца жар.
Заголубел под солнцем неньюфар¹.

Шах, в голубом от головы до ног,
Избрал жилищем голубой чертог.

Был сам подобен неньюфару он,
И поднял голубую чару он.

Вошла к нему красавица тотчас.
Ее одежда—голубой атлас.

Шах, выпив, снова попросил вина.
Хмельную влагу налила луна.

Он долго пил, не ведая забот,
Пока вращающийся небосвод

¹ *Неньюфар* — голубой цветок (род водяной лилии).

Не опрокинул солнце, как ладью,
Сменив на индиго лазурь свою.

Бахрам покинул несказанный пир,
Чтобы во сне вкусить желанный мир.

Вот пиршества посуда убрана,
Готово ложе царское для сна.

За пышный полог, весел и шутлив,
Зашел Бахрам. Так, небо накалив,

Заходит солнце, свой свершая круг.
Усердые проявили сотни слуг,

Нашли скитальца из чужой земли,
К Бахраму, как обычно, привели.

Уселся чужестранец на ковре,
О справедливом думая царе,

Чей полог — небосвода синева.
Вдруг слышит из-за полога слова:

„Пусть путник сказкой позабавит нас“.
Но путник прежде, чем начать рассказ,

Вознес хвалу: „Семь голубых завес
В сей голубой дворец сошли с небес

И сразу превратились в полог твой.
Весь мир не более, как сколок твой,

А небо — лотос в цветнике твоём,
А солнце — капля в роднике твоём!“

Когда восторженная похвала
До этого сравнения дошла,

Остановился он и начал так:

*Рассказ путника,
приведенного с дороги в голубой дворец.*

„В Адене жил когда-то чести враг.

Тираном и грабителем он был,
Несчастных душ губителем он был.

Он обитал на берегу морском.
К добру чужому всей душой влеком,

Ничем иным давно не дорожа,
Обычаи усвоил грабежа.

Опасности, препятствия презрев,
Он был отважен и силен, как лев:

Добычи полновластный господин,
На промысел он выходил один,

Он, в одиночестве творил разбой,
В ночи напав на караван любой.

Он землю не считая рубежом,
И на море занялся грабежом.

Он изготовил несколько ладей.
В укромном месте прятал их злодей,

А в нужный час неслись его челны
Подобно лодке молодой луны.

Был к каждому челну приставлен страж,
Из тех, кто создан для убийств и краж.

На дерево взбирался часовой,
Следил он за пучиною морской.

Чуть замечал он судно сквозь туман,
Об этом извещался атаман.

Садился тот на быстроходный челн,
Что птицею летал по гребням волн.

Всех устрашал своим облищем он,
Всех оглушал разбойным кличем он,

Его смертельный меч сверкал остро.
Всех умертвив и превратив добро —

Богатого, убогого — в свое,
Он возвращался в логово свое.

Вот имя притеснителя: Джабир.
Разбойником его ославил мир.

Он хищному уподоблялся льву,
Когда в густую прятался траву;

А в море был прожорливым китом:
Сравнения другого не найдем!

На острове разбойник этот жил.
Пустынный остров хищнику служил

Убежищем, надежным тайником,
Где он хранил добычу под замком.

Окружность острова была равна,
Примерно, ягачу. Морского дна

Вкруг острова не доставал никто.
Упряталось разбойное гнездо

Среди воды. Великое число
Цветов и трав на острове росло.

Там протекал источник сладких вод, —
Мы скажем: в яде оказался мед!

К ногам деревьев там бежал родник,
У родника Джабир дворец воздвиг.

Был купол голубым, как небосклон, —
Живой воде родник уподоблен...

На острове соседнем, говорят,
Был город по названью Райский сад.

Им управлял премудрый шах Новдер.
Великодушья, честности пример,

Творил он только добрые дела.
И, говорят, у шаха дочь была

Красы неописуемой. Она
Была, как пальма тонкая; стройна,

Нет, как в садах Элема — кипарис,
Чьи кудри гиацинтами вились;

Ушам ее завидовал бутон,
Был мир ее ланитами сожжен,

А солнце не могло, хотя рвалось,
Уйти из длинных пут ее волос.

Ей солнце — раб. Ее назвали — Михр¹.
Над ней кружился счастья светлый вихрь.

Был взор ее такой любовью полн,
Что в море поднимал кипенье волн.

Она, как солнце, освещала мир,
О нет, как пламя обжигала мир!

Был день, когда наскучил ей покой.
Прогулки захотелось ей морской,

Движенья ветра и соленых брызг.
Как на море садится солнца диск,

Царевна, свиту всю собрав свою,
Уселась в легкокрылую ладью:

Вдоль острова она пустилась в путь,
Чтоб на его окрестности взглянуть.

Внезапно в недрах волн поднялся гул,
Противный ветер на ладьи подул,

Погнал их в море, злобой обуян,
И вскоре превратился в ураган.

Кричали корабельщики в слезах:
„Спаси, помилуй, пощади, Аллах!“

Так несколько ночей и дней подряд
Неслись ладьи — среди бури — наугад.

Когда же сила бури улеглась,
Тот часовой, что, не смыкая глаз,

За каждым судном пристально следил,
Увидел рваных несколько ветрил.

К Джабиру он со всех помчался ног.
Разбойник сел немедленно в челнок.

¹ Михр — означает солнце.

Нагнав суда, на глади голубой
Вступил он с корабельщиками в бой:

Он бурю стрел обрушил на суда,
От крови красной сделалась вода.

Разбил Джабир противников своих,
Оставшиеся на судах в живых

Пощады запросили, кончив бой.
Разбойник их погнал перед собой

И плыть в свою обитель приказал.
Вот к берегу грабитель привязал.

Весь караван разграбленных ладей,
Отняв имущество у всех людей.

Когда был выгружен последний выюк,
Красавицу Джабир увидел вдруг,

И бездыханным стал он, как мертвец.
Когда вернулся разум, наконец,

Джабир осмелился глаза поднять,
Но, разум потеряв, упал опять.

Все это повторялось много раз.
Он понял, что ослепнет он сейчас:

Нельзя смотреть на равную заре!
Велел он солнцеликую Зухре

Ввести в чертог, приставив для услуг
Двух-трех ее служанок и подруг.

Всем остальным — хорошим и дурным —
Сказал он грозным голосом своим:

„Когда себе хотите вы помочь, —
Вот судно вам и убирайтесь прочь!“

На судно в страхе глянули они,
Вдали тотчас же канули они.

Осталась Михр на острове чужом:
Исчезло солнце в сумраке ночном.

Довольствуясь мечтой о ней, Джабир
Не смел глаза поднять на свой кумир.

Все дни ее покрыла ночи тень,
Сгорало сердце, как сгорает день...

Был, не был город полуостровной.
Прослыл он всюду райской стороной.

Так говорит о нем седая бль:
Его река текла, как Сельсебиль,

Он был покрыт финифтью голубой,
У ног его шумел морской прибой.

То был Йемен. Владел им шах Нуман.
Он презирал насилье и обман,

Он превратил страну свою в цветник.
Добросердечен, мягок, он достиг

Высокой справедливости вершин.
Был у него такой красивый сын,

Что равного ему не ведал свет.
Его лица стыдился розы цвет,

А стройностью затмил он кипарис.
Ему искусства с детских лет дались,

Науки средоточье в нем нашли.
Чело — как солнце, имя — Сухейли.

Кудрями нежной Михр захвачен в плен,
Он сердце отнял у нее взамен.

Он был в нее влюблен, она — в него.
Он чувствовал души своей сродство

С ее невинною душой. Она
Была с царевичем обручена.

Скучал он от любимой вдалеке.
Да что — скучал! В тревоге и тоске,

За каждый миг свиданья был он рад
Отдать ей жизнь... В густозеленый сад

От мира удалился Сухейли.
В саду деревья разные росли,

- Но, кроме неньюфаров голубых,
Не видно было там цветов других.

Он к неньюфарам склонность проявил,—
Не склонность, а влюбленность проявил:

Под обаянием взаимных чар,
Всегда стремится к солнцу неньюфар.

Как неньюфара тонкий стебелек,
Он в голубой атлас себя облек.

Невеста, от разлуки с ним скорбя,
В ткань голубую облекла себя.

- Несчастлив тот, кто в неньюфар одет:
Избрал он траура печальный цвет¹.

На солнце, Михр, упал скорбей туман,
А в это время добрый шах Нуман

Занялся, охладев к иным делам,
Приготовленьем к свадебным пирам:

Был, говорят, назначен точный срок.
Увы! Жених до срока изнемог...

Вот Сухейли, блестящая звезда²,
Сокровищами нагрузил суда.

Он сел в челнок и с помощью ветрил
На легком полумесяце поплыл.

Спешил он пересечь морской простор,
Скрепить с невестой брачный договор.

Вот к роковому прибыл месту он,
Где мог бы повстречать невесту он:

Здесь злые волны ветер гневный гнал,
Как перышко, ладью царевны гнал.

¹ У мусульман синий цвет считается траурным.

² Имя Сухейли происходит от слова „Сухейль“ (звезда Каноп).

Опять подул ужасный ураган,
Судов рассеял стройный караван,

Дохнул, жесток, на судно Сухейли,
Угнал его подальше от земли

И разлучил со свитой и добром.
Бежал бугор за вздыбленным бугром,

Губительной волной то вниз, то вверх.
Кидало судно; путников поверг

В смятенье ураган, и вот, свиреп,
Туда, где был разбойничий вертеп,

Ладью пригнал; поведал часовой
Джабиру о добыче даровой.

Джабир поспешно в быстрый сел челнок.
Заранее он смерти всех обрек:

Топил он часто в море корабли!
Однако был отважен Сухейли,

Он завязал с ним настоящий бой.
Царевич отбивал удар любой,

Но поражения не нанесли
Разбойнику удары Сухейли.

Джабир подумал: „Неприятель смел“, —
И неприязнь к сраженью возымел.

Отчаялся он справиться с врагом:
Впервые был в отчаяньи таком.

На хитрость он пустился, наконец:
Раздевшись, в воду бросился хитрец.

Нырнул под судно вражье нагишом
И днище судна распорол мечом.

Сумел разбойник так доску рассечь,
Что в корабле образовалась течь.

Увидел вдруг хозяин корабля:
Вода стремится снизу вверх, бурлят

Не мог он совладать с такой бедой:
Все судно было залито водой,—

Водой бурлящей залито оно,
И медленно идет уже на дно.

Уже решил царевич: „Я погиб!“
Но вот, как движется за стаей рыб

Чудовище морское в глубине,—
Джабир пустился к судну на челне.

Он сразу же царевича схватил,
Как умирающего — Азраил,

Связал его и бросил в свой челнок.
Царевич в этой битве изнемог,

Очнувшись, он подумал: „Это сон?“
Я заарканен, я попал в полон,

А надо мной, как синяя струя,
Сверкает меч. Пропала жизнь моя!“

„Ты пленник мой, но храбрый воин ты,
Высокой похвалы достоин ты,—

Сказал Джабир.— С тех пор, как мой челнок
Был спущен в море, смерти я обрел.

Тебе подобных тысячи пловцов,
Но не было подобных храбрецов!]

Такую дерзость видя в первый раз,
Тебя от верной гибели я спас.

Однако, ты останешься в плену:
Когда тебе свободу я верну,

Ты, став слугой могучего царя,
К трудам войны усердием горя,

Со мною счеты вздумаешь свести,
К победе надо мной ища пути.

Я знаю лучший путь для нас двоих:
Ты лучше будь в неволе, но в живых“.

Хотя просил пощады Сухейли,
К тирану эти просьбы не дошли:

Он повернул обратно свой челнок!
На острове, и мрачен, и глубокий,

Колодец вырыт был у самых скал.
Джабир в колодец этот опускал

Того, кто смерти в битве с ним избег.
Оттуда нет спасения вовек!

Вот, крепко заковав, на дно земли
В колодец опустил он Сухейли.

Лепешки две иль три, воды кувшин,—
Вот чем в плену питался шахский сын!

Невеста в башне, в пропасти жених,
И вести друг о друге нет у них.

Теперь о свите поведем рассказ.
С тех пор, как им сказал Джабир: „Тотчас

Возьмите судно, убирайтесь прочь!“—
По морю люди плыли день и ночь,

Скитались, словно ветер, по воде,
Пристанища не находя нигде,

И вот, покорны прихотям волны,
Достигли берега родной страны.

Оделся каждый в голубой наряд,
Заплакал каждый, горестью объят,

А шах Новдер, проведший много дней
В разлуке с милой дочерью своей,—

Он тоже выбрал голубой халат.
Когда вернулись путники назад,

Когда, одеты в траур голубой,
Они владыке принесли с собой

Печаль, как море, весть, как страшный вихрь,—
Шах обезумел: потерял он Михр!

Мир превратился в мрак, в сплошную ночь:
Как солнце радости, исчезла дочь!

Заплакав горько, он слезам в ответ
Сказал: „Мне в горьком плаче пользы нет.

Куда идти, чтобы дитя спасти?
Убью себя, не отыскав пути!

Слезой и вздохом горю не помочь,
Лишь действуя, вернуть сумею дочь“.

Он в руки взял бумагу и калам,
И написал о том, что знал он сам,

Царю Нуману. Он писал ему,
Вверяя сердце тайному письму:

„Все божеством предопределено.
Однако бог, с недугом заодно,

Лекарство нам дает: святую месть.
А нет—нам жизнь не в жизнь и честь не в честь.

Я связан с Михр и телом, и душой,
Но дочь мою ты не считай чужой.

В том, что разбойник ею тешит взор,
Не только мой, но также твой позор.

Нам пленница обоим дорога,
Так поведем две рати на врага.

Не можешь сам пойти,— тогда твой сын
Пусть станет грозно во главе дружин.

Он редкими чертами наделен:
Как лев, отважен, и силен, как слон.

По сути, Михр — давно его жена,
Она судьбою с ним обручена.

Пусть он по суше двинется в поход,
Сражаясь, продвигается вперед

До острова Джабира. В свой черед
Я тоже войско соберу в поход.

Отменные суда я снаряжу,
К разбойничьему двинусь рубежу.

Я — по морю, по суше — Сухейли, —
Джабировой достигнем мы земли.

Все подготовив, мы назначим срок
И выступим, чтоб наказать порок.

Успехом увенчаются труды,
Когда мы будем стойки и тверды.

Джабира без боязни укротим,
Злодея лютой казни предадим.

Он, как Сатурн, затмится, наконец,
И Михр освободится, наконец.

Настанет час возмездия тогда!
Светлей блеснут созвездия тогда!

Согласен ты помочь мне или нет, —
Скорее сообщи мне свой ответ:

Когда вступить откажешься ты в бой,
Попробую пойти другой тропой“.

Посланье друга шах Нуман прочел,
И холод по спине его прошел,

И слезы по морщинам полились.
Он догадался: две беды стряслись, —

К возлюбленной отправился жених,
Но стал, быть может, жертвой бурь морских!

Шах мучился. Искал причину он
Такой беды. Стремился к сыну он:

„О где ты, Сухейли, моя звезда?
Ужели без надежды и следа,

О сын мой, ты исчез во цвете лет?“
Новдеру он послал такой ответ:

„Меня свалил печали грозный вихрь,
Когда узнал я о несчастье Михр.

Увы, калам дрожит в моей руке,
Но понял я, что смысла нет в тоске.

Меня ты просишь: „Во главе дружин
Пусть станет Сухейли, твой смелый сын,

Пусть он по суше двинется войной...“
О, скорбью не терзай меня двойной!

• Не прибавляй печаль к тоске моей:
Нет у меня о Сухейли вестей!

Где Сухейли, оплот в моей судьбе?
Прошло с тех пор, как он отплыл к тебе,

Шесть месяцев, и был я удручен,
Считая, что запаздывает он:

Увы, он у тебя не побывал!
Сражен я этой вестью наповал.

Когда по суше ты пойдешь в поход,
Задев шатром походным небосвод,

Я снаряжу легучие ладьи,
Я морем поведу войска свои:

Быть может, жемчуг в море я найду,
Быть может, сына вскоре я найду!

Но пусть потерян сын мой навсегда,—
Я все равно к тебе свои суда

Направлю, да поможет нам господь
Разбойника и вора побороть.

Я выступленья назначаю срок,
Хочу, чтоб сроком ты не пренебрег:

В такой-то день мы встретимся с тобой,
В такой-то час в совместный вступим бой“;

Такую речь отец повел с отцом,
Послание отправил он с гонцом.

Нетерпеливо ждал Новдер гонца.
Посланье от начала до конца

Глазами пробежал он, и тотчас
Он отдал по войскам своим приказ,

И двинулся кратчайшей из дорог,
Чтоб встретиться с Нуманом в точный срок.

Два шаха к цели двинулись одной:
Один по суше, по морю другой,

На суше, в море много дней подряд
Одолевая тысячи преград.

Вот заросли: в них спрятались враги.
Новдера стали робкими шаги,

С опаской стал он двигаться вперед,
Хотя один остался переход!

Закрался в сердце полководца страх:
А вдруг взметнется из засады враг?

Но все же в заросли Новдер проник,
Войска повел сквозь чашу напрямик.

Не диво было встретить в том лесу
Марала и оленя, и лису.

Смутился шах: в охоте знал он толк,
Излишний даже отдавал ей долг...

Ему за ратью бы следить своей,
А здесь такое множество зверей!

Чуть выбежал олень или марал,
Он сдерживался, очи закрывал,

Шепча: „Тебя не вижу я теперь!“
Вдруг розового цвета крупный зверь.

Перед глазами шаха промелькнул,
Новдер невольно лук свой натянул,

Невольно поскакал за дичью вслед:
Иных уже не жаждал он побед.

Зверь устремился в дикие кусты.
Узка тропинка, заросли густы,

В кустах невольно заплутался шах.
Волнуясь, выстрелить пытался шах,

Но промахнулась шахская стрела.
Новдера так охота увлекла,

Что разум потерял он целиком,
Забыл он о сражении с врагом.

В глубь леса завела Новдера дичь,
А враг сумел войска его настичь.

Джабир в засаде выставил бойцов,
Головорезов, буйных удалцов.

„Не выпускайте никого из глаз.
Врага возьмете в плен, — ко мне тотчас

Его доставьте!“ — приказал глава.
Вдруг видят: низко стелется трава,

Несется зверь, опасностью гоним,
И знатный всадник гонится за ним.

Все бросились к охотнику стремглав,
И всадник только ахнул, в плен попал!

Охотился в лесу за дичью он,
Но превратился сам в добычу он.

Урок царям: не покидайте рать,
Когда хотите царством управлять.

Победа не зависит от царя:
Народ воюет, чудеса творя.

Будь этот царь отважен, как Рустем, —
Один — всегда один, известно всем.

Вот матка, бросив рой, летит одна,
Но разве царственность ее видна?

Не видя улья, кто бы в ней почел
Владычицу трудолюбивых пчел?

Вот шахматная пред тобой доска:
Сильнее шах, когда кругом войска!

Едва Новдер попал врагам в синок,
Отряд одежду с пленника совлек.

Решили все: „Новдер у нас в плену!“
Один из них дал волю скакуну,

Чтоб довести до слуха главаря
О том, что люди взяли в плён царя.

Услышав, что Новдер в его руках,
Джабир сказал: „Благословен Аллах!

Пока он не заметил ничего.
Вы посадите на челнок его,

Везите в крепость, завязав глаза,
Чтоб узник, слыша ваши голоса,

Куда везут его — понять не мог.
Заприте дверь за ним, надев замок.

Храните дело втайне ото всех:
Одна лишь тайна принесет успех.

Поставьте часового у дверей,—
Об этом доложите мне скорей“.

Был во дворец доставлен шах Новдер,
Был ужасом подавлен шах Новдер.

Не понимая — где он, в чьих руках,—
Не знали стражи, что их пленник — шах.

Всё приняло подобный оборот,
Когда Нуман плыл по морю вперед.

В двух днях от цели был уже Нуман,
Как вдруг поднялся в море ураган.

Опять взметнулась до небес волна,
Тонула в тучах, как челнок, луна.

Нуман следил за бурею в тоске:
Висела жизнь его на волоске.

Был ураган воистину жесток.
Одни суда погнал он на восток,

На запад гнать другие стал суда,
Почти всё войско смерть нашло тогда.

Хотя Нуман был страхом обуян,
Его не тронул страшный ураган:

Туда Нумана волны принесли,
Куда недавно прибыл Сухейли.

Опять заметил судно часовой,
Опять к Джабиру шаг направил свой.

Поплыл Джабир, на судно то взошел,
И спящих беспробудно там нашел.

Узнал он и живых средь мертвецов,
И понял положение пловцов.

Тогда повел он судно по волнам.
Вот остров, хорошо знакомый нам.

Немедленно на остров роковой
Был высажен Нуман, едва живой.

Добро, богатство выгрузил злодей,
Увел Нумана от его людей,

В темнице заперев его. Нуман
Не знал: кому попался он в капкан?

Не знал, клеймом судьбы запечатлен,
Что к своему врагу попал он в плен!

Темницы он переступил порог,
А вести о себе подать не мог.

Велел Джабир его людей собрать.
Он посадил их на челнок опять

И крикнул: „Убирайтесь в сей же час!
Чтоб я не видел никого из вас!

От этих мест гоните вы ладью.
А если здесь останетесь, — убью“.

Отплыли люди, жизнь спасти спеша:
Глаза в слезах, в смятении душа.

Меж тем увидели, забравшись в лес,
Войска Новдера, что их шах исчез.

Весьма обеспокоены тогда,
Пришли к решенью войны тогда:

„Без полководца не воюет рать“,—
И повернули в беспорядке вспять...

Став победителем, злодей Джабир
Дни превратил свои в счастливый пир.

В честь Михр он здравицы произносил,
Но взор красавицы его сразил.

Хотя во здравье Михр он пить привык,
Но всё не мог смотреть на милый лик.

Взглянуть боялся на любовь свою,
И не вино он пил, а кровь свою!

А Михр, вступая в розовый цветник,
Рвала, подобна розе, воротник,

Роняла слезы во дворце врага,—
Так рассыпает море жемчуга.

Нежна, как лотос, в ткани голубой
Бродила нениюфаровой тропой.

Вдали от дома отчего скорбя,
Так ударяла по лицу себя,

Что нениюфара синий лепесток
Взошел на нежных розах алых щек.

Она не знала, как себя спасти,
К спасению не видела пути.

Печальным сделалось ее чело.
Однажды до красавицы дошло:

На дне колодца пленник погружен,
Оттуда раздается плач и стон.

Сказала: „Если я освобожу
Несчастливого и, зарыдав, скажу:

„Прошу тебя, мольбе моей внемли,
Отправься поскорее к Сухейли“,—

Быть может, мой жених придет сюда,
Для правой битвы оснатив суда,

Освободит меня из хищных рук“.
И вот, в сопровожденьи двух подруг,

Страдалица к колодцу подошла.
„О пленник скорби!— голос подала,—

Как ты, я пленница как ты, раба,
Как ты, несчастна я, как ты, слаба.

Но если силы я найду в плену,
Тебе спасенья руку протяну,—

Поймешь ли ты, о чем тебя молю?
Пойдешь ли ты, куда тебя пошлю?“

К несчастному донесся голос вдруг.
От счастья сердце расколосось вдруг.

Был Сухейли так слаб, так одинок.
Он от разлуки с милой изнемог,

Он изнемог от непомерных бед...
Волнуясь, он такой нашел ответ:

„О пери, ангельское существо,
Ты — новый дух для тела моего!

Как вестник воли ты явилась мне.
Когда б ты оказала милость мне,

Когда б от мук избавила меня,—
Куда бы ни направила меня,

Тебе я был бы верен, госпожа,
От всей души твоей душе служа“.

Веревку опустила Михр. О нет,—
Две скрученных косы! И вот на свет

Был извлечен из мрака Сухейли.
Красавице служанки помогли

Освободить страдальца от цепей.
Обласкан был царевной раб скорбей,

Поцеловал он перед нею прах,
К ногам ее припав, сказал в слезах:

„О пери! Изложи мне свой приказ“.
И повела красавица рассказ

О старом царственном отце своем,
О вольной жизни во дворце своем,

О благоденствии родной земли,
О женихе — отважном Сухейли,

О том, как ветер, волею судеб,
Ее занес в разбойничий вертеп,

Как тот злодей, кем в плен она взята,
При ней дрожит, не раскрывая рта.

Бессильный пленник разум потерял,
Остаток сил он разом потерял,

А Михр, не замечая ничего,
Продлила нить рассказа своего:

„Так я томлюсь от родины вдали.
Никто на свете, кроме Сухейли,

Меня спасти не может от оков.
Мой сострадалец! Путь к нему таков:

Во имя чести, воли и любви
Ты море бурное переплыви,

Пройди поспешно земли многих стран.
Поведай Сухейли, придя в Айман,

Что я в плену... Зачем твой взор погас?
Не можешь дать согласие мне сейчас?

Но разрешила так задачу я:
Тебя в укромном месте спрячу я.

И там, держа с самим собой совет,
Обдумаешь решительный ответ,

И слово клятвы я с тебя возьму,
Еще ты скажешь другу моему,

Что на меня — рассказ мой чист и свят —
Лишь издали Джабир бросает взгляд.

Хотя и караулит крепко он,
Но сразу падает, как щепка, он,

Меня завидев. Хочет взор поднять,
Встает — и наземь падает опять“.

Бессильного страдальца Сухейли
Признания невесты потрясли.

Немного успокоившись, едва
К нему дошли последние слова,

В их правоте уверившись вполне,
Он втайне все еще пылал в огне.

Он дольше сдерживать себя не мог.
Он вскрикнул и без чувств упал у ног

Своей возлюбленной. Поражена,
Склонилась над бесчувственным она.

Расспросы ей известье принесли
О том, что перед нею — Сухейли!

Ответ царевича потряс ее,
И слезы хлынули из глаз ее,

Без чувств она упала рядом с ним;
Был приговор судьбы неизъясним.

Рабынь сразила скорбь немая их, —
Заплакали, приподнимая их.

Придя в себя, сказала Михр тогда:
„Нежданно стала радостью беда“.

До наступленья сумерок ночных
В укромном месте спрятан был жених.

Он был безмерным счастьем потрясен.
Вернул ему сознание светлый сон.

Мечты возлюбленных переплелись,
Как дух и плоть, как плющ и кипарис.

Из рук ее он брал вино и хлеб,
И вскоре телом и душой окреп.

Увидел он, что прав его кумир,
Что к ней не приближается Джабир...

Однажды, мир вкушая и покой,
Свершал прогулку душегуб морской.

Вдруг ринулся царевич на врага, —
Так веоря лев когтит, сломав рога!

Сказал: „Не храбрость — похищать добро,
Не храбрость — днище распороть хитро,

Корабль пустить на дно, людей связав.
Ты показал мне свой собачий нрав,

Свое коварство показал в борьбе,
А я отвагу покажу тебе“.

От изумленья растерялся враг,
А Сухейли всю мощь свою напряг.

Разбойника он поднял над собой.
Потом ударил о зель голловой,

Потом веревкою скрутил его,
Потом в колодец одустил его, —

Веревкой этой сам он связан был:
Смотрите, как злодей наказан был!

Кто роет яму для другого, тот
Сам в эту яму вскоре попадет.

Так повелось на свете с давних пор...
Скрепив с невестой брачный договор,

Веселый пир устроив, Сухейли,
Народом пристыженным той земли,

Имуществом Джабира овладел, —
Богатством полумира овладел!

Счастливым шах вино поднес к губам,
Подумав, новым приказал рабам:

„На пиршество зовите всех людей,
Которых раньше заковал злодей“.

Рабы, благословляя Сухейли,
На пиршество двух пленных привели.

Один из них — Нуман, другой — Новдер.
Такому делу где найду пример?

Но как мне быть: поверишь мне иль нет,—
Подобными делами полон свет.

Смотри: свиданья нить в конце концов
Связала двух детей и двух отцов.

Они вскочили с мест и обнялись,
Слезами радостными залились.

Узнав, как все они попали в плен,
Воскликнули: „Аллах благословен!“

Скончались властелины двух держав,
Два мощных царства детям завещав.

Соединились Михр и Сухейли:
Они двум царствам счастье принесли.

Она атлас надела голубой,
Идя, как солнце, голубой тропой,

И засиял ей солнечный двойник,
И ложем стал ей голубой цветник.

Народу был приятен этот цвет,
Поныне в голубое он одет.

Когда глаза красавицы горят,
Всегда к лицу ей голубой наряд.

Мы скажем, чуть появится она:
„Небесная красавица она!“

Нет, кравчий наш догадливый схитрил,
В густом вине сандал он растворил¹.

Но ворон тьмы опять крыла простер.
Раскрыла ночь свой мускусный шатер.

Звездами полог неба заблистал,—
То на куски рассыпался сандал.

Для пери наступил прощанья миг,
Как солнце, скрылся благодатный лик.

Шах пожелал, чтобы скорей заснуть,
Услышать сказку от кого-нибудь.

Был приведен скиталец во дворец,—
В морях словесных опытный пловец.

Молитву прочитал сначала он,
И обдал запахом сандала он.

Сказал: „Доколе будут небеса
Вращаться по примеру колеса,

Доколе звездный, светоносный круг
Не прекратит своих кружений вдруг,—

Превыше неба шахский будет рост,
А шахский конь — быстрее светлых звезд!“

В метаньи жемчуга — какая цель?
Так начал он:

*Рассказ путника,
приведенного с дороги в сандаловый дворец.*

„Из западных земель

Два путника спешили на восток:
Они случайно с двух сошлись дорог.

Один из этих путников — Мукбиль.
Он, странствуя, познал степную пыль.

Мудбиром путник назван был другой,
Он был знаком с дорогою морской.

¹ Восточная медицина считала, что раствор сандала облегчает головную боль.

Мукбиль счастливым, честным шел путем,
Вступал, как вестник счастья, в каждый дом,

Мудбир, в ком правды не было следа,
Несчастье людям приносил всегда.

Пустыней шли скитальцы на восток,
По ней бы не пошел путей знаток.

Ее вода, земля и цветники —
Нефть, сера, тернии, солончаки.

Зловоньем исходил пустынный прах,
Был яд губительный в его парах.

Обугливал, как пламя, ветер злой,
И становился человек золой,

Но тот же ветер, вспомнив о золе,
Развеивал ее по всей земле.

Здесь, в страшном зное, обитала смерть,
Здесь все живое обрело смерть.

Была пустыня жаром сожжена.
Она была недаром названа

„Долиной сатанинского огня“!
Решил Мукбиль, терпение храня,

Молясь и уповая на творца,
Пройти дорогу бедствий до конца.

Мудбир, законы дружества поправ,
Свой черный, злобный обнаружил нрав.

Он возроптал: „Ужель всеильный бог
Ручья в пустыне сотворить не мог?

Ужели богу нехватило сил?“
Он господа, как пьяный, поносил,

Потом, спустившись с этих ступеней,
Стал друга поносить еще сильней:

„Зачем, свои надежды загубя,
Избрал я, слабый, в спутники тебя?

Тот день, когда мы двинулись вдвоем,
Стал для меня, увы, злосчастливым днем!

Мукбиль Аллаха славил, и была
Приятна господу его хвала.

Он спутника увещевал не раз,
Но тот, увы, в грехах своих погряз:

Терзал Мукбиля низкий человек!
Мукбиль страдал, пока не пересек,

Товарища ни разу не виня,
„Долину сатанинского огня“.

Пустыня горя скрылась из очей,
Открылось море тягот и скорбей.

Мукбиль, познав мучения предел,
Идти с Мудбиром дальше не хотел:

Он натерпелся от него обид;
Сказал ему: „Разлука предстоит“.

Восстановить желая прежний мир,
Стал о прощеньи умолять Мудбир.

Так плакал, так расстраивался он,
Так искренне раскаивался он,

Смирено так он ползал по земле,
Что, позабыв о причиненном зле,

О вздорной ругани в степной глуши,
Мукбиль простил его от всей души.

Вот к пристани скитальцы подошли.
У пристани столпились корабли.

Один из них к отплытию готов:
Плывет он до восточных берегов.

Тут оба развязали кошель,
Сандаловый челнок приобрели.

Был к кораблю привязан тот челнок,
И путники отплыли на восток.

Корабль, как птица, по морю летел,
Мудбир, считая горьким свой удел,

Себя несчастным чувствуя вполне,
Опять склонился к вздорной болтовне.

Хотя его от смерти спас господь,—
Вновь начал вздор кощунственный молоть.

Чего же он достиг, творца хуля?
Поднялся ветер — недруг корабля!

Но были спутники поражены
Не столь внезапным бешенством волны,

Сколь дерзостью Мудбира. „Эй, Аллах!
Не вижу смысла я в твоих делах!

В глухой пустыне жаждой нас томишь,
В морской пучине гибель нам таишь.

Смотри: чрезмерность — в этом, крайность — в том,
Неделимость — в этом и случайность — в том.

Не диво, что такая кутерьма
Рождает помутнение ума!“

Так сквернословили его уста.
Зловонное дыханье изо рта

Проникло в море. Волны поднялись
И неба избиением занялись.

За валом набегал свирепый вал.
Веревки резкий ветер разорвал

И разметал челны по сторонам,
Поплыли, словно рухлядь, по волнам.

Большой корабль неведомо куда
Взъярившаяся унесла вода.

Немногие спаслись на корабле:
Макбил с Мудбиром были в том числе.

Метался в море утлый их челнок:
Мудбир несчастье на него навлек.

Стоял Мукбиль, в молитву погружен.
Опасности он видел с двух сторон:

С одной — морского ветра злобный вой,
Злокозненность товарища — с другой.

Но возымела действие мольба,
Над ними смилостивилась судьба.

Утихло море, наступил покой,
Поплыл челнок по глади голубой.

Мукбиль прославил божий приговор.
Вперя в море благодарный взор,

Увидел он предмет в дали морской,
Своей округлостью и синевою

Подобный небу. Веял на челнок
Оттуда вестью жизни ветерок:

Не запахи морские были в нем, —
Дыхание Мессии было в нем,

Оно благоухало, как сандал,
Мукбиль его с надеждою вдыхал.

Благодаренья совершив поклон,
В ту сторону челнок направил он,

В единый миг приплыв издалека:
Ведь счастье было кормчим челнока!

Сандалом оказался тот предмет.
Достиг небес его могучий цвет.

Блестящ и гладок, зелен и душист,
Был зеркальцу подобен каждый лист:

В него заглянешь, от греха далек, —
Увидишь счастья своего залог.

Безбрежным морем окружен, сандал
На круглом острове произрастал.

Он был столпом небесной синевы,
Прикрыла море тень его листвы.

Была им затененная волея
Как амбра благовонна и черна.

Большая впадина была в стволе,
Широкий, светлый ключ бежал в дупле.

Он серебру не уступал ничуть,
А пузырьки напоминали ртуть.

Впадал он в море, весело журча,
Ни разу ветер не достиг ключа.

Два путника на лоне той земли
Отдохновенье, наконец, нашли.

Была подобна сказке эта быль!
На сушу вышел радостный Мукбиль.

И корень дерева его привлек,
Он крепко к корню привязал челнок

И сразу же в расщелину полез,
И камень он увидел. Камнерез

На нем в неведомые времена
Диковинные вывел письмена.

Тот камень был красиво продолблен.
Пестрел он, древний, знаками письмен.

Два бедных странника такую весть
Сумели в древней надписи прочесть:

„Ступив на этот неизвестный брег,
Диковинки увидит человек;

Понять бессилен будет ум его,
Что перед ним — сандала волшебство;

Захочет он, преодолев труды,
Из чистого ключа испить воды,

Он выпьет — сразу жажду утолит,
Он выпьет — сразу голод удалит.

И, если этот человек правдив, —
На целый месяц, из ключа испив,

Насытится он сладостью воды,
В еде, в питье не ведая нужды.

А если лжец хлебнет воды глаток, —
Насытится лишь на короткий срок:

Три дня он будет сыт, потом опять
Он станет жаждать, станет голодать.

О путник! Если той воды испьешь,
Произносить остерегайся ложь:

Вмиг разорвется брюхо у лжеца,
Дождется он позорного конца!

Воды второе свойство таково:
Нырнешь в нее — увидишь волшебство.

Войдет в ту воду лжец — сгорит дотла,
Он испечется, как внутри котла.

Войдет в нее правдивый человек, —
Он воду жизни обретет навек.

Едва и нос, и уши он заткнет,
Зажмурится и в чистый ключ нырнет,

И смоег путешествия следы,
И голову поднимет из воды, —

Откроется в тот миг его глазам...
Но что увидит он — увидит сам,

Словами это передать нельзя!
Пусть помнит он: нырнуть опять — нельзя:

От частого нырянья навсегда
Иссякнет чудодейная вода*.

Когда прочли скитальцы письмена,
Объяла страсть заклятого лгуна:

Он пожелал насытиться водой,
Уйти от лжи и болтовни пустой.

Увы, не мог он вздора не молоть,
Обман вошел и в кровь его и в плоть,

Но так он жаждал, так он голодал,
Что клятву дал он, глядя на сандал:

„О господи, меня ты уничтожь,
Когда хоть раз произнесу я ложь!“

Поклявшись так — к гибели пришел,
Оставил жизни многоводный дол.

Вслед за лжецом его правдивый друг,
Сперва занявшись омовеньем рук,

Слова молитвы набожно шепча,
Испил из благодатного ключа.

К источнику припал он в добрый час,
Себя от голода и жажды спас.

Мудбир, предупрежденья не боясь,
Решил в ключе свою оставить грязь.

Вошел в него, раздевшись догола, —
Вода, вскипев, всю ногу обожгла!

Правдивый, чресла повязав платком,
Стал наслаждаться влажным холодком.

Как судно в море, в воду он входил,
За ним приятель пристально следил.

Вот праведник нырнул, и в тот же миг
С ним слился отраженный им двойник.

Вот высунул он голову, и вдруг
Он понял, в светлый глянув ключ: вокруг

Струилась не проточная вода, —
Нет, эта беспорочная вода

Широкий наполняла водоем!
Так были гладки все каменья в нем,

Как будто человек их обтесал.
Был каждый камень желтым, как сандал.

Пред водоемом сад — второй Ирем,
В Иреме том увидел он гарем...

Из водоема выйти не успев,
Мукбиль увидел среброногих дев.

Сухие полотенца развернув,
Атласные одежды протянув,

Подводные служашки подошли,
Лаская сердце жителю земли.

Мукбиля девы стали растирать;
Почувствовал купальщик благодать:

Сандалом веяло от этих дев!
Одежды на купальщика надев,

Воздев на голову его чалму,
Служанки руки подали ему

И повели в сандаловый чертог:
Дух жизни, чудилось, его увлек,

С землею, мнилось, потерял он связь,
В иной, нездешний мир перенесясь.

От изумления не чуя ног,
Вошел Мукбиль в сандаловый чертог.

Увидел: своды неба и дворца
Соприкасались под рукой творца.

Сиял дворец, как жизни вечный сад,
Он радость увеличивал стократ.

Со всех сторон его облек сандал,
Айван — сандал и потолок — сандал,

А посреди дворца стоял престол,
Что, как сандал, весь в золоте расцвел.

На нем увидел праведник одно
Таинственное существо: оно,

Прекрасное, — не джинн, не человек —
Его бы вечным солнцем я нарек!

Духовен самый облик существа:
В нем признака не видно вещества.

В нем праха нет, воды и тины нет¹,
Лицо его — потусторонний свет,

А стан его сияет изнутри,
Как пальма райская, как луч зари.

Его краса — краса эдемских роц,
В ней земнородный обретает мощь,

Его краса — небесных сводов твердь,
В ней земнородный обретает смерть.

Как звезды, вокруг него, светлы, чисты,
Блестали пери блеском красоты:

Их блеску поразился человек.
Свершило чудо на него набег.

Мукбиль, сознание потеряв, упал.
Он пожелтел и высох, как сандал.

К беспомощному пальма подошла,
Коснулась пальцами его чела.

Ее дыханье жизнь вернуло вновь.
Он бросил взгляд — ушла из сердца кровь.

Пришел в расстройство праведник в чалме,
Он то в своем, то не в своем уме.

Красавица, нисколько не чинясь,
Над путником пылающим склонясь,

Душе пугливой принесла покой,
Своею мягкостью и добротой

Придав ей смелости. Едва привык
Мукбиль смотреть на солнцевидный лик,

Она, прижавшись, села рядом с ним.
Мукбиль, желанья пламенем палим,

Терпенье, волю потеряв, ослаб
В оковах страсти, как безвольный раб.

Нет, не вмещала этой страсти грудь,
В мучениях рвалась на части грудь!

¹ Из которых, по поверью, создан человек.

Вот пери встала, руку подала,
Влюбленного к престолу подвела.

Пред нею прах поцеловал ходжа
И произнес, пылая и дрожа:

„Как я могу на сей престол воссесть?
Мной не заслужена такая честь!“

Но так она почтительна была,
Мягка и обходительна была,

Что мы ее рабыней бы сочли!
Забыл свою стесненность сын земли,

Влюблен в луну, забыл подлунный мир,
Сел на престол, а рядом с ним — кумир.

Им яства и напитки поднесли,
Всего им в преизбытке поднесли,

Был тонкий в каждом кушанье состав.
Вот, райским блюдам должное воздав,

Они к вину склонились ввечеру,
И кубки зазвенели на пиру.

Чудесно разрисованный поднос
Явил им вина разноцветных лоз

В бутылках и кувшинах расписных, —
Сандалом, амброй веяло от них.

Красавица свой кубок подняла,
От уст, едва пригубив, отняла

И поднесла Мукбилю. Был Мукбель
В беспамятстве: не кубок, а бутыль

Он мог бы выпить, предложи она!
Он кубок залпом осушил до дна,

Но кубок наполнялся вновь и вновь.
Воспламенилась праведника кровь.

В нем не осталось разума следа,
Отбросило вино покров стыда.

Она была так ласкова, мила,
Что странника в смущенье привела,

Но так как странник невоздержан был,
То вскоре стыд во прах повержен был.

Желаньем жадным плоть его зажглась.
Не отводя от солнцеликой глаз,

Шептал он вожделения слова,
Любовного горения слова.

Владычица подводного дворца,
Прельщавшая влюбленного глупца,

Из рук его не отнимала рук.
Он корчился в огне телесных мук.

Сраженный похотью, лишенный сил,
Чертог он громким воплем огласил:

„Мою ты душу сделала больной,
Лекарство дай мне, сжался надо мной,

В сближении с тобой познаю мир!“
Но, сахарносмеющийся кумир,

Ответила красавица мольбой:
„Мой друг, усиле сделай над собой.

Мы пили много, разум погубя,
Сегодня хватит этого с тебя,

А завтра здесь пойдет горою пир,
Я завтра свадебный устрою пир,

С тобою в брак на радость всем вступлю,
И, как жена, я в твой гарем вступлю.

В моем саду оставь запретный плод,
Получишь завтра ты заветный плод.

Терпи: к чему до времени снимать
Святого целомудрия печать?“

Напрасно умоляла: одержим
Безумным вожделением плотским,

Мукбиль, себя не помня, к ней приник.
Просунул руку он в один тайник,—

Хотел он, если правду всю сказать,
Повязку поясную развязать,

С жемчужиной, как видно, дерзкий гость
Хотел соединить слоновью кость.

Тебе, как ни старайся, в эту ночь,—
Сказала пери,—не могу помочь.

Но если так смертелен твой недуг,
Возьми любую из моих подруг.

До самого утра тебе служа,
Она твой пламень погасит, ходжа^а.

Хотя ее желал до боли он,
Пред ней смирился поневоле он.

Она, увидев, что Мукбиль затих,
Окликнула двух девушек своих.

Служанки поклонились до земли,
Почтительно к Мукбилю подошли.

Из них одну в наложницы он взял,
Скажи: луну в наложницы он взял!

Им удалиться в комнату велят.
Луна—прекрасна, он—огнем объят,—

Что было в дальней комнате потом?
Об этом сами вспомните потом!

Когда заря, придя издалека,
Ночное знамя сорвала с древка,

Когда ночной был вырублен эбен,
Когда сандал расцвел ему взамен,—

Разбужен светом первого луча,
Мукбиль проснулся около ключа.

Он вспомнил все, что с ним произошло.
Смущеньем затуманилось чело.

Но все же он в расщелину залез,
Чтоб вновь увидеть чудо из чудес.

Вот плеск воды услышал мерный он,
Очиститься решил от скверны он.

Опять он чресла повязал платком,
Опять нырнул он в светлый водоем,

Вновь поднял голову и глянул вниз,—
И над водою в ужасе навис:

Увы, исчезло чудо из чудес,
Исчез чертог и водоем исчез!

Попрежнему прохладен и гремуч,
Струился прежний быстрый, ясный ключ.

Он вновь нырнул, желанного ища,
Вновь голову он поднял из ключа,

Увы, бежал все тот же быстрый ключ,
Над ним дрожал все тот же солнца луч.

Мукбиль подумал: „Смыла все вода,
Погасла счастья моего звезда“.

Он порицал непостижимый рок,
Недуг его был странен и жесток,

Его сжигала бешеная страсть,—
Да минет нас подобная напасть:

Безвестность впереди, тоска в груди,
А спутник-зложелатель позади!

Невидимую пытку казним,
Не мог он тайно поделиться с ним.

Но вдруг Мукбиль на камень бросил взор,
В углу увидел надписи узор,—

Вначале не заметил он его:
„Тот, кто постигнет это волшебство,

В ключ погрузится,— горе обретет,
Но выйдя, пусть он в море уплывет.

Пусть сразу же садится он в челнок:
Задержка даже на короткий срок

Погибельна: убьют, его схватив,
Чудовище морское или див“.

Сказал Мукбиль: „Спаستись я не хочу.
Я лучше здесь умру, припав к ключу“.

Но понял он: хотя мгновенна жизнь,—
Пленительна и драгоценна жизнь!

Он поневоле отвязал челнок.
Мудбир постичь приятеля не мог:

Внезапной переменой удивлен,
В его тоску хотел проникнуть он,

Но слова из Мукбиля не извлек.
Вновь по лицу воды поплыл челнок,

Мукбиль и спутник вновь пустились вплавь...
От спутников таких, господь, избавь!

Мукбиль сгорал от страсти и стыда.
Ужели с ним рассталась навсегда

Его красавица, его кумир?
Хотя к нему назойливый Мудбир

С расспросами все время приставал,
Мукбиль ему ответа не давал.

Он говорил: „Товарищ добрый мой,
Не жди ответа на вопрос прямой.“

Поверь: такая скрытность — не порок.
Мне самому событие невдомек.

Твоей душе доука от меня,
Ты прав, и это — мука для меня,

Нет места оправданию моему,
Но снизойди к страданию моему.

Немного потерпи: когда вдвоем
В счастливый час на берег мы сойдем,

Тогда к твоим стопам я припаду,
С тобой прошусь я; унося беду“.

Он зарыдал, не закрывая глаз,
Морскую гладь он воплями потряс,

А спутник отвернулся, бормоча:
„Он дива увидал на дне ключа,

Сойдя с ума, он мечется в тоске“.
Вдруг судно показалось вдалеке.

Попутный ветер странникам помог,
Пристал к большому судну их челнок.

Они вступили на корабль ногой.
Смутил их неожиданный покой.

Лежали мертвые в глухой тиши.
Не видно было там живой души.

Смерть оказалась кормчим корабля,
Он по волнам носился без руля.

Пронес он сквозь вспененные валы
Сандала благовонные стволы...

Вот повесть: у восточного царя,
Прекрасна, как восточная заря,

От боли головной страдала дочь.
Искуснейшие лекари помочь,

Увы, ей не могли: один сандал
Страдания царицы облегчал.

Она отцу отрадою была,
Глазам его прохладою была,

Поэтому сандаловый дворец
Решил воздвигнуть любящий отец:

Сандалом будут стены скреплены,
Небесной он достигнет вышины,

В нем луноликая найдет покой.
Избавится от боли головной.

Душою ожили купцы, едва
О царском замысле пошла молва.

За деревом пахучим в Индостан
Поплыл судов торговых караван.

Теперь пойдет торговля веселей!
Отправился один из кораблей

В обратный путь, сандалом нагружен.
Вдруг волны хлынули со всех сторон.

Попал он в бешеную водоверть,—
Плясала, волны поднимая, смерть.

Он прокружился в буре целый год.
Припасы кончились. Погиб народ.

Попутный ветер спас в конце концов
Из водоверти судно мертвецов.

Взошли на судно праведник и враль.
Был погружен Мукбиль в свою печаль,

К возлюбленной стремился правдолюб...
Лжец в море стал бросать за трупом труп.

Он, алчный, завладел чужим добром,
Он грузом завладел и кораблем.

„Пока Мукбиль,—решил он,— слезы льет,
Закончу я имуществу подсчет“.

Зазеленела издали земля:
Завершена дорога корабля.

В том крае властвовал восточный царь.
Вот на прогулку вышел государь:

Он миром любовался в этот час.
Корабль увидев, отдал он приказ:

„Узнать хочу, куда он держит путь.
Из корабельщиков кого-нибудь

Ко мне вы приведите поскорей“.
На корабле всего лишь двух людей

Увидел тот, кто царским был слугой:
Один печален, радостен другой.

Отправился Мудбир на зов царя,
Молитву благодарную творя.

Он прах поцеловал, хвалу вознес,
На царский так ответил он вопрос:

Торговец я, товары я везу.
Я испытал ужасную грозу:

Корабль мой закружила водоверть,
Всех корабельщиков сразила смерть,

Лишь двое нас на берег бытия
Сошло: Мукбиль, невольник мой, и я!

Так осквернив обманом царский слух,
Он быстро пухнуть стал, и так распух,

Что затрещал халат, раздался скрип,
И брюхо лопнуло, и он погиб.

Царь изумлен событием таким,
Послал слугу за путником другим,

Но спрятать приказал Мудбира труп.
Когда к царю явился правдолюб,

Подумал царь: „Он радость мне принес“.
Обычный задал он ему вопрос.

Всю правду рассказал царю Мукбиль,
Поведал удивительную быль.

Царь повелел: „Пусть отберет казна
Корабль и ценный груз его сполна“.

Он понял: путник честен и правдив!
Рассказ чистосердечный оценив,

Сказал: „Твою святую правоту,
О праведник, я всей душою чту!“

Ты нас пленил. От нашей доброты
Потребуй все, чего желаешь ты“.

Сказал Мукбиль, молитву сотворяя:
„Величия желаю для царя,

Могущества и счастья без конца!
Еще желаю славить я творца—

Источник истинный народных благ“.
Восточный царь не ожидал никак

В скитальце том; в питомце бедноты,
Увидеть столь похвальные черты.

Мукбиль не только был душой правдив,—
Лицом он был приятен и красив.

Царю любовь такую он внушил;
Что стать ему властитель предложил

Своим слугой. Старательный ходжа,
Народным нуждам преданно служа,

Так укрепил державу и престол,
Что в сан визиря царь его возвел.

К Мукбилю солнце знатности пришло;
Попал он птице счастья под крыло.

Царь пожелал принять его в семью,—
Отдать Мукбилю в жены дочь свою.

Мукбиль просил прощенья у царя,
Со вздохом сожаленья говоря:

„Я пламени другого жертвой стал,
Другой кумир, прекрасный, как сандал;

На разум бедный мой свершил набег,
Пленен я луноликою навек“.

Но царь от этих слов замкнул свой слух,
К мольбе Мукбиля пребывал он глух,

Его тоске душевной не внимал;
Мукбиля он с царевной сочетал.

Устроил пир, не пожалев затрат,
Мукбилю он сандаловый наряд

Велел надеть: здоровьем дорожа,
Сандала цвет любила госпожа.

Мукбия привели в чертог жены:
Здесь гурию вручить ему должны.

Мукбиль взглянул — и вдруг затрепетал:
Предстал ему со всех сторон сандал,

Тот самый перед ним возник чертог,
Тот самый пол, тот самый потолок,

Тот самый вход и золотой престол,
Которые он под водой нашел!

Тот самый ослепительный кумир,
Что отнял у него покой и мир!

Подобным поражаясь чудесам,
Мукбиль не верил собственным глазам.

Вновь был он прежней молнией сожжен,
Он вновь упал и вновь издал он стон.

Вновь то в своем уме, то не в своем,
Он сделал бытие — небытием.

Сандала благовоние на миг
Ему вернуло разум Он постиг,

Открыв глаза, прекрасный свет очей,—
И пламя запылало горячей.

Он застонал и чувств лишился вновь.
Такую видя страстную любовь,

Красавица, подобная луне,
Его желаньям отдалась вполне.

Душевный свет обрел Мукбиль больной
В сближении с возлюбленной женой,

Но так как разум к чуду не привык,
То скован был всегда его язык,

Однажды пери задала вопрос:
„Мне кажется, ты много перенес.“

Ты чем-то удивлен. Мне странен ты.
Скажи, какой заботой ранен ты?"

Мукбиль, который был всегда правдив,
Поведал, ничего не утаив

И не прибавив: о своей тоске,
О дереве на дальнем островке,

О том, как чистый ключ бежал, журча,
О дивном волшебстве на дне ключа,

О пери, о сандаловом дворце...
Улыбка показалась на лице

Его жены. Кумир и светоч глаз
Повел такой пленительный рассказ:

„Наделена прелестной красотой,
Я сделалась всеобщей мечтой,

Я сделалась, прославив отчий кров,
Завоевательницею миров!

Владыку джиннов я с ума свела:
Меня увидев, он сгорел дотла.

Он джиннами наполнил мой чертог,
От их стенаний дух мой изнемог,

И возымела надо мною власть
Его нечеловеческая, страсть.

Я стала одержимой Наконец,
Искуснейших врачей созвал отец.

Они меня лечили день и ночь,
Пока не отогнали джиннов прочь.

Но иногда я крыльев слышу всплеск,
Очей мерещится мне дикий блеск,

„О пери!“—слышу зов, как шум вершин,—
Меня зовет, по мне томится джинн.

Когда, ко мне стремлением объят,
Он обезумел,—джинны говорят,

Чтобы развлечь владыку своего,
Над морем сотворили волшебство,

Картину сотворили, говорят:
Сандаловый дворец роскошный сад,

Престол, сияющий при свете дня,
А на престоле золотом—меня.

Произведеенье кисти колдовской
Владыке джиннов принесло покой.

Пленился ты подобьем красоты:
Меня и не меня увидел ты.

Сперва изображенье ты познал,
"Теперь со мной сближенье ты познал!"

Возликовал Мукбиль: ее слова
Рассеяли завесу колдовства,

Любовь прочел он на ее лице,
Он счастлив стал в сандаловом дворце...

Знай: жизни упоение—сандал,
Любви успокоение—сандал.

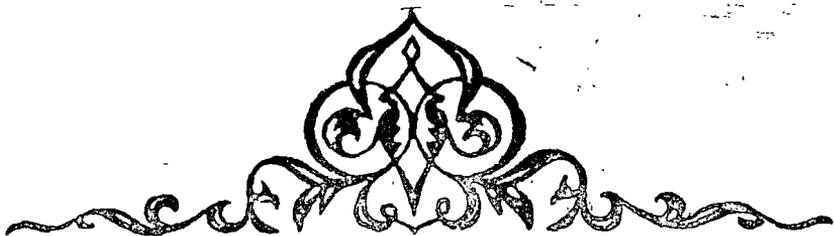
Он валит с ног: заходитесь душа,
Его благоуханием дыша.

*
*
*

Когда красноречивый гость затих,
Бахрам успокоение постиг.

Заснул он, к сновидениям влеком,
Сандаловым овеян ветерком.

ПЯТНИЦА
БАХРАМ В КАМФАРНОЦВЕТНОМ ДВОРЦЕ

Чуть алебастром выбелил восток
День пятницы, высокий сей чертог,

Фигляр небес во весь явился рост,
В широкий рот бросаая зерна звезд.

Поднялся жар горячечный небес.
А в это время в прачечной небес

Отмыла прачка утреннюю ткань,
Наполнив пеной солнечной лохань.

Одетый в белый шелк, явился шах,
И потонул весь мир в его лучах.

Шах солнцем светозарным засиял,
Под куполом камфарным засиял.

Царевна, облачившись в белый шелк,
Была готова свой исполнить долг.

В одеждах белых были гости там.
Белел престол слоновой кости там.

Уселся на престоле шах Бахрам,
Вновь обратив свое лицо к пирам.

Красавица, в Китае рождена,
В китайский кубок налила вина.

Хоть кубок сей — китайским кубком был,
Но, сделан из форфора, хрупким был.

До вечера Бахрам с царевной пил,
Он более, чем каждодневно пил!

Когда погасло солнце ввечеру,
Когда рассыпал месяц камфару.

Бахрам, заснуть возжаждав до утра,
Лег под навесом белого шатра.

Среди гостей присутствовал мудрец,
Скиталец, мыслей-жемчугов ларец.

Он, сидя пред веревками шатра,
Молиться стал, исполненный добра:

„О шах! Пусть превратится в твой навес
Необозримый древний свод небес,

Пусть раем станет белый твой дворец!“
Молиству сотворив, сказал мудрец:

*Рассказ путника,
приведенного с дороги в камфарноцветный дворец.*

„Я много видел на своем веку.
Из виденного сказку извлеку.

В трудах дорога пройдена моя,
Страна Хорезма — родина моя.

Дорога музыки — русло мое,
Игра на сазе — ремесло мое.

Постиг я, музыку держа в руках,
Науку о ритмических кругах.

Со мной в моем высоком ремесле
Никто не в силах спорить на земле.

Я обучаю музыке людей,
Верней, учитель я учителей.

Вот слух промчался из конца в конец:
Китай покинув, к нам идет купец.

Его сокровищам потерял счет,
Его невольница сердца влечет.

Хотя ходжа неслыханно богат,
Она богаче престелью стократ.

При красоте, с ума сводящий мир,
Еще пленяет голосом кумир

И якобы игрою колдовской.
Хорезм, волнуясь, потерял покой.

Встречать купца весь город вышел вдруг,
Чтоб убедиться: справедлив ли слух?

Все оказалось правдою: купец,
Богобоязненности образец,

Владельцем был бессчетного добра.
Молился он от ночи до утра,

Он был подобен утренней заре
На маленьком молитвенном ковре.

Не менее, чем он, была знатна
Его невольница: свой род она

Вела от неба, гурии сродни,—
Ее владельца с ангелом сравни!

Его рука — как море широка:
Жемчужиной владела та рука!

Ее лицо — как солнце, но оно
За облаком всегда затаено,

Нет, облаком одето камфары,—
То покрывало цвета камфары!

Все, что на ней, сияло белизной,
Красавица отвергла цвет иной.

Был слышен голос юный каждый день,
Она ласкала струны дважды в день,

За пологом налаживала ченг,
Рукою заволаживала ченг.

Созвучен струнам был ее напев,
Пленялся весь Хорезм, оцепенев,—

Подневною, полночною порой —
Волшебною, восточною игрой!

Ее дворец, весь день, со всех сторон,
Был толпами влюбленных осажден,

Но в дом никто еще не заглянул,
Никто поднять завесу не дерзнул,

Лишь каждый день, сраженный наповал,
В толпе влюбленных кто-то умирал.

Сердцами полновластно завладев,
Погибель приносил ее напев,

Но музыка так сладостна была,
Что и погибель радостна была.

Настраивала гурия струну,—
Расстраивала гурия страну.

Смятенье очарованных сердец
Известным стало шаху наконец.

Хотя мечтал призвать он госпожу,—
Не мог унижить знатного ходжу.

Сменив наряд богатый на простой
(Любовь сближает шахов с нищетой),

Безумное желанье возымеv,
(Сильнее шахов — девичий напев),

В толпу влюбленных скрытно он проник.
Посредниц к пери он послал в цветник,

В ее подруг посредниц превратил,
В служанок, в собеседниц превратил.

Вот их рассказ: душа чиста ее,
Красивей пенья красота ее...

Но шах прервал слова ее подруг:
Огнем любви он загорелся вдруг.

Желая луноликую познать,
Красу ее великую познать,

Он обезумел: он решил уже,
Что станет сыном знатному ходже,

Но цели не достиг он дорогой, —
От богача пришел ответ такой:

„Ты ласковое слово произнес,
Раба ты возвеличил, превознес,

Пылинку ты возвысил до светил,
Нет, к небесам ты землю приобщил!

По сану я — скромнейшего скромней.
Достичь ли мне высоких степеней?

Но если бы ты этим пренебрег, —
Что пользы в том? Со мной враждует рок!

Узнай всю правду, обладатель благ:
Прекрасной пери ненавистен брак.

Она весь мир затмила красотой,
Никто не может стать ее четой.

Она тверда в решении своем.
Да будет воля шаха в остальном...

Такой ответ покоя не принес,
Был полон шах посулов и угроз,

Кричал, просил, бледнея и дрожа,
Но слов своих не изменял ходжа.

Тогда увидел шах: любовь сильна,
Владыкам не под силу с ней война,

Увидел шах: он должен будет пасть,
Когда не призовет на помощь власть!

Он приказал доставить во дворец
Игрушку, искушение сердец.

Исполнили придворные приказ,
Доставили красавицу тотчас.

В своем решении ложном укреплен,
Мечтой о невозможном побежден,

Направился он радостно к луне.
Поняв его намеренья вполне,

Луна Чигиля¹ в руки ченг взяла
И музыки расправила крыла,

И песня зазвенела струнам в лад,—
Как музыка, напев ее крылат!

Был шах в небытие перенесен,
Напев на всех навел сладкий сон,

Все во дворце заснули, онемев,
Всех памяти лишил ее напев.

Игрой заворожив дворец немой,
Волшебница направилась домой.

Проснулся шах, проснулся двор его,—
Шах вздрогнул. Изумлен был взор его!

Он приказал колдунью привезти,
Красавицу, шалунью привезти!

Вновь зазвенел чарующий напев.
Вновь шах его заслушался, замлев.

На всех по-тюркски сон свершил набег,—
Ушла домой рожденная для нег.

Влюбленный шах пытался вновь и вновь
Завоевать красавицы любовь,

Но гурья боролась всякий раз,
И помогал ей голос всякий раз!

Шах понял, что могуч ее напев,
Смирился, пораженье потерпев.

И вот пришел к ходже смиренный шах
С лукавою приятностью в речах.

¹ Чигиль— легендарный город в Туркестане, где женщины славились красотой.

Устроив пир, он рядом сел с купцом,
Ласкал его и называл отцом.

Пред покрывалом белым он стоял
И языком несмелым умолял

Простить его: хотя он шахом был,
Но для красавицы он прахом был!

Он клялся, что, пленен ее игрой,
Ее считает дочерью, сестрой.

Она, не видя в нем отныне зла,
Его отцом, в смущеньи, назвала,

И зажила среди цветущих роз,
Отныне шахских не страшась угроз.

В укромной худжре, сделанной купцом,
Беседовала гурия с творцом.

Хотя светлей зари ее атлас,
Струились звезды слез из ясных глаз...

Бела ее одежда, — для кого?
Светла ее надежда, — на кого?

О ком она мечтает по ночам?
Зачем она рыдает по ночам?

О чем скорбит невинная душа?
Не знает ни единая душа!

Настанет утро, — песня вновь звенит,
Рыдает песня сладкая навзрыд.

Настанет утро — вновь звенит струна,
Тоска разлуки в музыке слышна.

И плачут все, когда она поет,
И за живое музыка берет.

До вечера молитвой занята
Ее благочестивая мечта.

Настанет вечер, — снова плач людей,
И снова шах среди ее гостей.

Внимал незримой музыкантше он,
Сознание терял всех раньше он.

Таким высоким гостем дорожа,
Его отменно потчевал ходжа,

На все лады заботу выражал,
Властителя с почетом провожал.

Из-за пиров под кровлею ходжи
Расстроилась торговля у ходжи!...

В Хорезме я давно пленил сердца
Искусством музыканта и певца.

В напевах руда проходил мой день,
Как песнь, как чудо, проходил мой день.

Достаны распевал я на пирах,
Но был я гурией растоптан в прах,

Дошел волшебный голос до меня.
И сердце расколосось у меня.

Народ перевозносил ее напев,
К моим чудесным звукам охладев.

Вся жизнь мне опостылела тогда,
А сердце обессилело тогда.

Но я придумал, как беде помочь,
Как отогнать печаль и смуту прочь.

Я камфары так много проглотил,
Что сердца жар навеки остудил.

От силы я избавился мужской,
В девический направился покой.

Сидел в гареме радостный богач,
Когда внезапно испустил я плач.

В ответ услышал я слова ходжи
И гурии невидимой: „Скажи,

О чем твой стон? В каком горишь огне?²⁵
А я: „От вас была обида мне“.

Они: „Клевещешь, странник, ты сейчас.
Обида не в обычае у нас.“

Быть может, нас ты принял за других?
Но впредь ошибок избегай таких!¹

Сказал: „Я все же на своем стою:
Должны вы повесть выслушать мою,

Вознаградить меня за правоту
Или прогнать меня за клевету“.

„Начни“, — сказали. Помолясь сперва,
Неспешно я повел свои слова.

Смеясь, мою признали правоту
Купец в чалме и кипарис в цвету,

Пока не стал я говорить ясней,
Как я мечтаю до скончанья дней

Жить возле пери, во дворце ее,
Найти наставницу в лице ее,

Все дни свои достанам посвятить,
Занятиям неустанным посвятить;

Пусть долговечен буду я, как Нух¹, —
Ее напевы мой насытят дух,

А если пищу мне подаст ходжа,
Я буду счастлив, двум друзьям служа.

Хотя сейчас безволен я и слаб,
Я царь в своем искусстве, а не раб!

Учитель я, среди хижин и дворцов,
Хорезмских музыкантов и певцов.

Я в музыке сильней, чем Ифлатун²,
Но все же мастер я, а не колдун.

Постиг я суть искусства своего,
Но пери нам явила волшебство:

Где слыхано, чтоб сладко зазвенев,
И сеял смерть, и жизнь творил напев?

¹ Нух — библейский Ной.

² Ифлатун — Платон.

Так сетовал и жаловался я,
Так плакал и печаловался я,

И, тронув эти мягкие сердца,
Услышал слово ласки от купца:

„Когда ты нам свой разум посветишь,
Когда наш слух ты сазом уладишь,

Я позабочусь о твоей судьбе.
Но как мечту осуществить тебе,—

Стать гурии наперсником, слугой?
Как может муж войти в ее покой?“

А я: „Себя избавьте от забот,
Во мне мужская сила не живет.

Я был игрою пери посрамлен,
Как жалкий подмастерье побежден.

Готовя для содружества себя,
Навек лишил я мужества себя.

Из-за ее пленительной игры
Так много проглотил я камфары,

Что охладил навек я плоть свою;
Пред пологом камфарным я стою:

Пусть ваш слуга, Кафуrom¹ наречен,
От полога не будет отлучен!“

Их поразил мой искренний рассказ.
Они осмотр устроили тотчас,

И, убедившись в том, что был я прав,
Мне выказали дружбу, приласкав.

Вступил в девичий заповедник я.
Служил ходже как собеседник я.

Пред пологом — советник я ходжи,
За пологом — наперсник госпожи.

¹ Кафуr — означает „камфара“.

И так как нас сближало ремесло,
То смысл существование обрело.

Когда я, жизни смысл уразумев,
Стал вслушиваться в сладостный напев,

Его тоски я глубину постиг.
Был голосом влюбленной — каждый стих,

Унылы, скорбны были звуки все,
Они звенели о разлуке все.

Людей вдали, со мной наедине,
Красавица рыдала в тишине...

Она явила мне свой добрый нрав,
Меня своим исперсником избрав,

До полночи беседа со мной,
Томления не ведая со мной,

А если сон чуждался госпожи,
Она просила: „Сказку расскажи“.

Я сказкою спешил ее развлечь,
И, если шла о расставаньи речь,

Блестели слезы на ее глазах.
Открылась правда мне в ее слезах:

Красавица в кого-то влюблена,
Разлукой отуманена луна,

В нее вонзила тернии любовь
Да так, что в голос просочилась кровь.

Она бы в муках изошла, сгорев,
Когда б не превратила боль в напев.

Я слушал звуки: в них любовь жива, —
Услышать я хотел ее слова.

И вот, когда я не внимал игре,
Я говорил о зле и о добре,

Я речи заводил издавека,
Желая откровенности, пока

Не стал послушен мне ее огонь,
Ее гордыни норовистый конь.

Тут я сказал: „О светлая звезда,
Пусть горя ты не узришь никогда!

Осмелюсь ли тебе задать вопрос?“
Сказала: „Задавай“. Я произнес:

„Давно, твой прах, у ног твоих лежу.
Давно, твой раб, я за тобой слежу.

Веселье, скука и печаль — равно
В твоих очах открыты мне давно.

Ты сердцем сердцу моему близка.
Я понял, что гнетет тебя тоска.

Ее причина названа давно:
Нам скрыть разлуки язву не дано.

Недаром ты, мучений не стерпев,
Переложила боль свою в напев!

Ты превратила в песню горький плач,—
Но от меня своей тоски не прячь.

Ты сердце сердцу близкому излей,
Быть может, сердцу станет веселей,

Быть может, исцелю я твой недуг,—
Я тайну сохраню, как верный друг“.

Подумав, так ответствовала мне
Красавица, подобная луне:

„Лишь правда украшает наш язык.
Ты к правде близок. В тайну ты проник,

Остановись и друга пожалей,
Не требуй откровенности моей,

Не то страданья увеличишь ты,
Тьму бедствий на меня накличешь ты!

Поведать, как терзаюсь я, любя?
Не вижу в этом пользы для тебя!

Одно из двух: иль с нами ты живи,
Иль прекрати расспросы о любви.

Узнаешь тайну, — голову склоня,
Покинуть должен будешь ты меня.

От друга ничего не утаю,^и
Но друг покинет родину свою^а.

Был приговор красавицы суров.
В расстройство я пришел от этих слов.

По целым дням, задумчив и уныл,
По городу без цели я бродил.

Я мучился, хотелось мне проклясть
Изгнанья страх и любопытства страсть.

Но жаждал я проникнуть в песнь ее,
Но жаждал я понять болезнь ее!

Терзаясь так меж двух ужасных зол,
Войдя в гарем, я разговор повел:

„Я изнемог, печален и угрюм,
Одна лишь дума заняла мой ум,

Узнать хочу я про твою беду,
Потом, куда прикажешь ты, пойду“.

Воскликнула прекрасная луна:
„Твоим решеньем я удивлена,

Решенья твоего я не пойму:
Удар себе наносишь самому.

Клянись мне, что исполнишь мой приказ,
Покинешь город, выслушав рассказ“.

Прогнал я облако с ее чела,
Поклявшись ей, и пери начала:

„Участье принял ты в моей судьбе.
Моей печали не понять тебе,

Когда я повесть про свою беду
С начала самого не поведу.

Наперсник сострадательный, узнай:
Моя страна и колыбель — Китай.

Забот не зная, в счастье я росла,
Когда война мой город потрясла.

Два хана меж собой вступили в бой,
Я стала одному из них рабой.

Вошла ребенком я в его гарем,
Познала я невольничий ярем.

У хана приобрел меня ходжа,
Мной, как восточным солнцем, дорожа.

Пусть дорога отныне я была.
Я все-таки рабынею была,

Его рабыней купленной, хотя
Меня ценил он, как свое дитя,

Затем, что не дал бог ему детей.
И вскоре оказалось, что людей

Моя пленяет сладостная речь,
Что может голос мой сердца привлечь,

Что ясно я стихи произношу,
Что музыкой я радость приношу.

Великодушный, щедрый, как отец,
Певцов ко мне стал приглашать купец,

Прославленных, великих знатоков,
Слагателей напевов и стихов.

Прошли недели, месяцы, года
Учения, усердного труда, —

Дало плоды терпение мое,
Чудесным стало пение мое.

Достигла я такого мастерства,
Звенели сладко так мои слова,

Что я дарила песней благодать,
Смеяться заставляла и рыдать,

Стихом искусным оживляла всех.
Напевом грустным усыпляла всех.

Мой ченг казался чудом волшебства,
О голосе моем пошла молва,

Молва росла все громче и сильней
О несравненной красоте моей.

Узнали юноши и старики,
Искусств ценители и знатоки,

О том, что есть певица у купца,
Глениющая голосом сердца.

Все богачи открыли погреба:
Мечтой их стала юная раба,

Отвешивали богачи добро,
Каменья, золото и серебро,

Чтоб у ходжи меня приобрести.
А тот, поняв, что я в такой чести,

Что покупателей моих число
Чем далее, тем более росло,

Что превратился весь Китай в базар,—
Стал цену набивать на свой товар...

Художнику творения сродни.
В Китае жил художник в эти дни

По имени Мани; со мной знаком,
Он облик мой изобразил тайком,

Отправился в дорогу поскорей,
Рисунок показал царю царей:

То был властитель мира, шаханшах,
Правители пред ним склонялись в прах.

Увидев образ мой на полотне,
Такой он страстью воспылал ко мне,

Что приказал, не тратя лишних слов,
В Китай отправить сведущих послов,

Добыть невольницу любой ценой,
Пожертвовать китайскою казной.

Хотя хакан хотел меня купить,
Он вынужден был шаху уступить.

Вручив ходже всего Китая дань,
Красе великой отдавая дань,

Невольницу, премудры и светлы,
Царю царей доставили послы.

Жемчужина попала в океан,
И наградил своих послов султан,

Вознес превыше всех людей земли:
Они возлюбленную привезли!

Моем жилищем шахский стал цветник,
Когда, хотя бы на единый миг,

Шах разлучиться должен был со мной,
Ему пустым казался мир земной.

Была прибытком жизни для него
Моя краса. Нет, более того:

Когда меня, влюбленный, он познал,
Бессмертия законы он познал!

Он время проводил в степях, в горах,
В охоте, в шумных игрищах, в пирах.

Гнал скакуна к степным тюльпанам он,
Онагров уловлял арканом он.

Он гвал онагра перед скакуном,
Онагра мясо запивал вином,

Онагра кровью землю орошал,—
Тюльпанами он землю украшал:

Но увлечен ли ловлею он был,
Или под мирной кровлею он был,

Не знал он наслажденья без меня,
Не мог прожить мгновенья без меня,

В нем таяла отвага без меня,
Не делал он и шага без меня,

При мне сгорал и тлел, как пепел, он,
И если я не пела — не пил он.

Когда затягивала я напев,
Стонал он, от восторга ослабев.

Уединяясь и гуляя с ним,
В степи ли, в городе — всегда я с ним,

Во время ли прогулок, во дворце ль —
Он постигал во мне всей жизни цель.

О подданных забыл он, о стране,
Все дни и ночи посвящал он мне.

Ко мне пришла нечаянно любовь,
Любовью отвечая на любовь,

Его желала с силою такой,
Что волю я теряла и покой!

Горел огонь томленья с двух сторон
Был тем огнем небесный свод зажжен.

Послала мне счастливая судьба
Не шаха, а покорного раба.

А я, хотя рабынею была,
Обольщена гордынею была.

Я видела, что шах — мой верный раб,
И становился мой рассудок слаб.

Я — скверная, ковер мой черным был¹.
А гордый разговор мой вздорным был.

Случилось так, что шах, надев колчан,
Охотился. Он весел был и пьян.

Я — рядом с ним, с поклонником вина,
От самопоклонения пьяна.

¹ Черный ковер — намек на низкое происхождение.

Сказал он; „Вот проворная газель, —
Как ты укажешь, попаду я в цель“.

А я в ответ: „Мой ловчий удалой,
Передних две ноги ты сшей стрелой“.

А горло перережь издалека“.
Хотя была задача нелегка,

Он, как велела я, убил газель;
Таких удач не видел мир досель!

Мне поклониться бы стреле его,
Превознести бы в похвале его,

А я, прищуриив горделивый взор,
Такой тогда сболтнула глухой вздор.

Что, если б слугам отдал он приказ
На сто кусков рассесть меня тотчас,

То мягким был бы приговор его!
Хотя и оскорбил мой вздор его,

Хотя была мне воздаяньем — смерть,
Вернее, слабым наказаньем — смерть,

Моим ответом гордым раздражен,
Не обнажил он гнева из ножен,

Но приказал, чтобы его рабы,
Меня связав, на произвол судьбы

Меня в пустынной бросили глуши,
Где человеческой не было души.

Когда прошли две ночи и два дня,
Ходжа, что звал дитятею меня,

Но продал, потеряв со мною связь,
Затосковал, продажи устыдясь,

Он против горя устоять не мог,
С разлукой споря, устоять не мог,

Ки тай покинув, он пустился в путь,
Решившись твердо на меня взглянуть.

Его дорога вдоль пустыни шла,
Над нею ночь стучалась, как смола.

Когда, в двух переходах от меня,
Приемный мой отец погнал коня,

Шарахнувшись, сошел с дороги конь,
С дороги сбился быстроногий конь.

В сопровождении немногих слуг
Ходжа в пустыне заблудился вдруг,

Но, видно, счастья ночь вела его
В ту сторону, где дочь была его.

Вдруг сон свалил усталого ходжу;
Когда б он знал, что близко я лежу!

Он спешился и на траве заснул.
Когда в глаза ему рассвет блеснул,

Широкий путь увидел рядом он.
Случайно степь окинул взглядом он.

В степи чернело что-то в ста шагах,
Валялось тело чье-то в ста шагах.

То человек? Зачем же он в ярме?
Откуда он? В своем ли он уме?

Тут любопытство увлекло ходжу.
Сказал: „Давай-ка сам я погляжу“.

Увидел: женщину песок занес,
Она — в аркане собственных волос,

Она бессильна, а кругом — песок,
Вонзился в тело каждый волосок.

Она жива? Или уже мертва?
Ее от пут освободив едва,

Он понял: брови и глаза — мои,
И стан, и длинная коса — мои.

На подбородке ямочка — моя,
Но кем душа украдена моя?

Зачем кровинки нет в моем лице?
Такою боль я вызвала в отце,

Так был он этой встречей потрясен,
Что вопрошал себя: то явь или сон?

Не понимал он — трезв он или пьян,
Но вот пришел в пустыню караван.

Направился к нему один из слуг, —
Привел моих служанок и подруг.

Узнав меня, — в петле, в песке, в пыли, —
Протяжный плач подруги завели,

Рыдая, лица раздирали в кровь.
Одежды рвали и рыдали вновь...

Ходжа премудрый, пьяный без вина,
В смятении стонал, как дивана¹.

Увидев солнца моего закат,
Не мог понять он, жалостью объят:

Кто в прах меня втоптал? Какое зло?
Как солнце ясных дней моих зашло?

Омыв меня чистойшей влагой глаз,
Как в саван, завернув меня в атлас,

Он амброй пропитал его густой,
И камфарой, и розовой водой.

Припали женщины к моим ногам
И растирали их, прижав к щекам.

Дошла ко мне как бы спросонья весть,
Почуяла я благовонья весть,

Услышала я нежные слова,
Глаза отрыла я, полужива,

Кого же я увидела вокруг?
Друзей печальных, плачущих подруг!

¹ Дивана — юродивый.

Сказала я: „Стоять не надо здесь,
Долина гибельного ада здесь,

Уйдем скорее, говорю я вам“.
Ходжа тотчас же внял моим словам.

Нестройные заплакали звонки,
Пустыни мы оставили пески,

Покой в носилках вновь я обрела
Все признаки здоровья обрела.

Вдыхала амбру я, пила шербет, —
Избавилась от пережитых бед.

Родник на третьи сутки засверкал.
У родника мы сделали привал.

Велел ходжа разбить у чистых вод
Шатер нарядный, шелковый намет.

Я на высоком ложе улеглась,
Пришел ходжа послушать мой рассказ.

И явным стал рассказ мой для отца —
От самого начала до конца.

Когда меня он выслушал, на миг
Он головой своей седой поник.

Узнав мою жестокую судьбу,
Вознес он вседержителю мольбу,

Который дочь его от смерти спас.
„В чем благо, — он спросил, — теперь для нас?“

А я: „Меня изгнал в пустыню шах,
Свой гнев обрушил на рабыню шах,

И путами я связана была,
Но мало я наказана была.

Я спасена по милости тво рца.
Скажи: кто убивает мертвеца?

Вернуться в шахский я должна чертог,
Своим лицом коснуться шахских ног.

«О, нет прощенья моей вине!
Была достойна смерти я вполне,

Но если бог мне дал вторую жизнь,
Я шаху вновь свою дарую жизнь.

Меня ведет к нему жестокий стыд.
Пусть вновь меня накажет иль простит.

Я — грешница, но шах — защита мне,
Трона к прощенью открыта мне.

Моя гордыня — враг заклятый мой,
Его величие — ходатай мой.

Прочтя рассказанье в моих очах,
Меня помилует высокий шах“.

Когда замолкла я, вскричал ходжа,
От страшного волнения дрожа:

„Опомнись! Что рекут твои уста!
Иль трапезою жизни ты сыта?

Как можно к шаху возвратиться вновь,
Когда он щедро проливает кровь

За слово, сказанное невпопад?
В своем ли ты уме? Тебя казнят!

Огню подобен шах. Его не тронь:
Коснешься — обожжет тебя огонь.

Он пламя гнева широко простер.
Кто добровольно всходит на костер?

Погл убже скроем от него следы;
От шаха дальше — дальше от беды.

А если шах в отчаянье придет,
Свою вину в раскаяньи поймет, —

Молва о том, что гнев его погас
Докажется, бесспорно, и до нас,

Тогда легко дорогу мы найдем.
Вернемся мы к пристыженному в дом.

Пока же он упорствует во зле,
Найдем спасение в чужой земле“.

Ходжа замолк. Совет его благой
Одобрили хороший и плохой.

Найти приют решил наш караван
В какой-нибудь из чужедальных стран.

Поскольку был от нас далек Хорезм,
То взоры всех людей привлек Хорезм.

С любимым я рассталась навсегда.
От жизни отказалась навсегда.

К чему мне утешения слова?
Разлука — это смерть, и я мертва.

Мертвец в сырой могиле равен мне,
Вот почему подходит саван мне.

Я белым саваном облачена:
Ведь я с возлюбленным разлучена.

Друзья считали, что предупредят
Больного тела моего распад,

И сыпали на саван камфару:
Мой саван стал подобен серебру.

Достигли мы Хорезма наконец,
В Хорезме водворился мой отец...

Далек ты мне, иль близок, но поверь,
Что знаешь ты всю жизнь мою теперь.

Был здешний шах из-за меня в тоске,
Но шаха отказала я руке.

Не прихоть сердца — ты теперь поймешь —
Была моя спасительная ложь:

Причина у меня одна была, —
Возлюбленному я верна была!

Когда я грустный выслушал рассказ,
Простился я с красавицей тотчас.

С тех пор брожу из царства в царство я,
С тех пор терплю судьбы коварство я.

Царя не одного я посетил,
Но в тайну никого не посвятил,

Пока не встретил с лаской ты меня,
Сказав: „Порадуй сказкой ты меня“.

Придумать лучшей сказки я не мог.
К тому ж камфарноцветный твой чертог

Напомнил ту, кто плачет и скорбит,
Кто — жертва незаслуженных обид,

Кто белым саваном облачена,
С царем возлюбленным разлучена,

Кто саван осыпает камфарой,
Кто мир пленяет дивною игрой,

Являя людям волшебство свое,
Кому подходит лишь одно жилье,

О шах, — камфарноцветный твой дворец!
На этом сказки наступил конец.

* * *

То оживал, то умирал Бахрам,
Пока внимал сказителя словам,

В глазах то мрачно было, то светло:
Известье об исчезнувшей пришло!

Терзаясь и пылая, и скорбя,
От крика он удерживал себя,

Боясь: поймет рассказчик этот крик,
И свой рассказ прервет он в тот же миг:

Тогда от боли задохнется шах,
К сознанию боле не вернется шах...

Но вот закончил странник свой рассказ,
И вопль Бахрама весь дворец потряс.

Призвал к себе сказителя Бахрам,
И волю дал он радостным слезам,

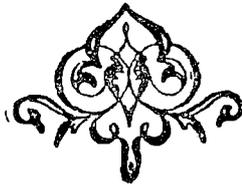
И вестника прижал к груди своей!
Покинул шаха жизни соловей,

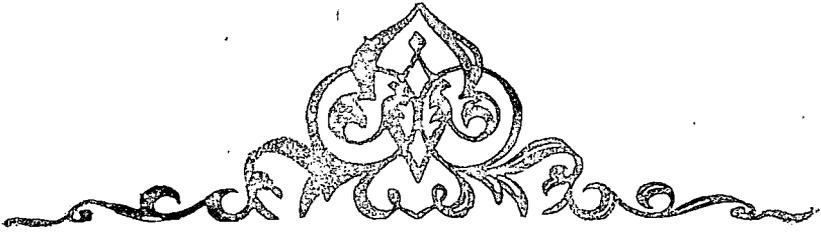
Сознание покинуло его,
Казалось, жизнь отринула его...

* . * *

Как воду жизни, странник весть принес,
Но превратилась весть в источник слез.

Что сделает, придя в сознание вновь,
Тот, чье сознание унесла любовь?

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДИЛЯРАМ К БАХРАМУ

Когда в ту ночь услышал шах слова
О том, что луноликая жива,

Он до утра не мог придти в себя,
Внезапно свой рассудок погубя.

В незримом он пылании страдал,
Как жертва при заклинании страдал.

То падал, то вставал, чтоб вновь упасть,
Влюбленного обугливала страсть.

Когда ж нетерпеливая любовь
Ему рассудок возвращала вновь,

Приказывал он путнику тотчас
Чудоподобный повторить рассказ.

То оживал, то умирал Бахрам,
Внимая удивительным словам.

Он был печален, как ночная тень,
Пока не разгорелся ясный день.

Дыханье утра обожгло простор,
Оно раздуло солнечный костер,

И, благодарный солнечным лучам,
Возжаждал шах сближенья с Дильярам.

Украсила красавица Хорезм,—
Теперь он сам отправится в Хорезм,

Направит он в ту сторону стопы!
Но государства мудрые столпы

Сказали: „Шах! Ты потерял покой,
Недуг разлуки овладел тобой.

Хотя болезнь губительна весьма,—
Дорога утомительна весьма.

Страшна любовь — владычица твоя,
И слабость увеличится твоя.

Подумай о своей державе ты:
Столицу покидать не вправе ты.“

За ними вслед, усердием горя,
Врачи старались убедить царя:

„Внемли нам, царь, и милость нам яви.
В тебе видны все признаки любви,

Но вспомни признаки горы: покой,
Степенное величье, связь с землей.

Гора всегда недвижна и тверда,
А двинется в день страшного суда..

О шах, пребудь горой степенной ты,
О шах, не разрушай вселенной ты!

Расстанешься ты с давнею тоской,
Но в ожиданьи сердце успокой.“

Их выслушав, Бахрам в конце концов
Назначил добродетельных гонцов,

Подобных ангелам по чистоте,
Соперников небес по быстроте.

Велел он два послания вручить,
Страницы покаяния вручить:

Письмо к ходже — моления полно,
Письмо к луне — смущения полно.

Ходже такие написал слова:
„До слуха нашего дошла молва,

Что вы в Хорезме обрели приют.
Мы разрешенье обрели от дут,

Услышав эту весть. Мы просим вас:
В обратный путь пуститесь к нам тотчас,

В движеньи пребывайте день и ночь.
Сон от очей, как мы, гоните прочь“.

Красавице писал он кровью слез,
Всего себя он в жертву ей принес:

„С тобою разлучен, я ранен в грудь,
Так отправляйся поскорее в путь!

Я раб, я пленник твой. Приди ко мне,
Не то умру я по твоей вине.

Любимая,— как жизнь, ко мне приди,
Чтоб сердце билось у меня в груди.

Приди: с тобою встретиться, спеша,
Уже летит к тебе моя душа.

Приди: уже струится кровь моя
Тебе навстречу, о любовь моя!

Приди: от мук освободи меня,
Верни мне душу, пощади меня.

Приди, как светносная заря,
Лети, как пери, в облаках паря,

Разлуки не мечи в меня стрелу:
Хотя убийца я по ремеслу,—

Гляди, покорен я: на шее — меч¹
Я в саван поспешил себя облечь.

Не думай, что к тебе я не пришел,—
Любя, благоговей не пришел,—

покорности.

Из-за излишней гордости своей
Или упрямой твердости своей.

О нет, недугу тела и души
Отсутствие мое ты припиш и.

Я без тебя ничтожным стал, как раб.
Увы, я так беспомощен и слаб,

Что воду я не в силах пить! Я пью,
Не воду, мнится мне, а кровь свою!

Я пленник, — будь мне госпожой: приди!
Я болен телом и душой: приди!

Я мертв, — ты смерть сумеешь побороть.
Вдохнешь ты жизнь в безжизненную плоть.

Приди ко мне, как солнце поутру.
Приди: промедлишь ты — и я умру“.

Хорезма шаху он послал приказ:
„Купцу вручи ты деньги и припас,

Потребный для дороги по степи;
В обратный путь его поторопи“.

Как ветер, вестники пустились вскачь
И, превращая каждый шаг в ягач,

К хорезмскому примчались рубежу
И, отыскав почтенного ходжу,

Письмо ему, как ветер, принесли.
Он взял письмо, склонившись до земли,

Но поднялась до солнца голова,
Когда Бахрама он прочел слова.

Сияя, Дилярам письмо прочла, —
Стал ярче солнца свет ее чела!

Хорезма шах призвал к себе ходжу,
Сказал: „Царю я с радостью служу“.

Купцу вручил он деньги из казны,
И были сборы все завершены,

И в сторону бахрамова дворца
Пошел счастливый караван купца.

Без отдыха он двигался вперед,
И вот один остался переход...

Великим нетерпением обуян,
Решил Бахрам пуститься на обман:

Едва настала ночь, дворец заснул,—
Шах бдительность придворных обманул

И поскакал навстречу Дилярам, —
«Скажи: навстречу солнечным лучам.

А караван проделал трудный путь,
И путники решили отдохнуть.

Им сон смежил усталые глаза,
Замолкли каравана голоса.

Ко сну склонилась равная заре
В разбитом на краю ручья шатре:

Нуждалась в отдыхе царица роз.
На берегу чинар высокий рос,

Пещерою казалось в нем дупло,
Его огнями молний обожгло,

Был ствол его глубоко рассечен:
Так душу рассекает страшный стон...

Шах крепко привязал коня к скале
И скрылся сам в чинаровом дупле.

Внезапно он обрел себя в раю,
В шатре увидев гурию свою:

От глаз ее умчался легкий сон.
Творцу смиренный сотворив поклон,

Дыханием любви опалена,
Волшебный ченг настроила она

И стала петь, к чинару прислонясь,
К возлюбленному сердцем устремясь.

Ее певучий и протяжный стон
Был горечью разлуки напоен.

Вздыхая, пери подошла к ручью,
И там переложила в песнь свою

Она слова бахрамова письма,
А музыку подобрала сама.

Как льются слезы, песнь ее лилась,
О нет, не слезы,—кровь текла из глаз!

Внимая ей, всё замерло вокруг,
Вонзался в сердце шаха каждый звук.

Луна, в любовном пламени сгорев,
Заговорила звонко, нараспев:

„О, трудный путь, как долог ты, увы!
О, зной, навис, как полог, ты, увы!

Я так слаба, а жар степной горяч,
Увы, мне больше не под силу плач!

Меня смертельно ранил а тоска,
Мне кажется, что смерть моя близка?

О небо, нет, не склонно ты к добру!
О низкое, ужели я умру

В тот самый день неотвратимый мой,
Когда меня призвал любимый мой!

К его ушам слова мои направь,
К его ногам глаза мои доставь,

С любимым близость — вот отрада мне,
Иного счастья не надо мне!“

Бахраму в грудь напев ее проник,
Шах разорвал, рыдая, воротник,

Его дыханья пламенного жар
Траву обжег и опалил чинар!

В беспомоществе Бахрам упал к ногам
Своей огненноокой Дилярам.

Так падает, прижав к груди ладонь,
Огнепоклонник, увидав огонь,

На пери так взирает дивана!..
И пери, встречей той поражена,

Упала, онемев, к его ногам.
Смотрите же: лежит без чувств Бахрам,

Он распростерт, она — у ног царя,
Он — тень всевышнего, она — заря.

Когда Аллаха тень легла на луг,
Заря спустилась к этой тени вдруг.

Она и он повержены во прах,
Она — без чувств и без сознания — шах.

Смотрите: горестям пришел конец.
Диковинны твои дела, творец!

Но вот заря расправила крыла,
Двух любящих в беспамятстве нашла,

Открыло утро свой камфарный клад,
Над шахом белый разостлав халат.

Проснувшихся людей объял испуг:
С подругой рядом оказался друг!

Их встречей был обрадован купец:
Слетела птица счастья, наконец!

Он от влюбленных отогнал людей,
Велел завесу принести скорей.

Камфарноцветным было полотно:
Как облако, камфарное, оно

Чету сокрыло, от людей вдали.
Когда в себя влюбленные пришли,

Сказал своей красавице Бахрам...
Но что сказал, — того не знаю сам:

Не только человек, — и ветерок
Не смел шатра переступить порог!

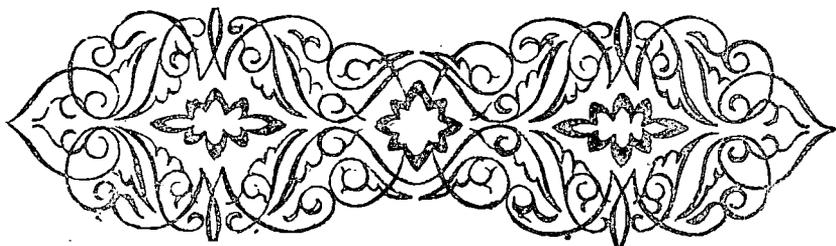
Итак, достиг желанного Бахрам.
Примчалась свита по его следам.

Вернулись к шаху сила, счастье, смех,
Веселье шаха оживило всех.

Бахрам вручил купцу визиря власть,
И потерял купец к наживе страсть.

Когда растаял утренний туман,
Отправился в столицу караван.

СМЕРТЬ БАХРАМА

Когда вернулся в город шах Бахрам,
Он вновь предался играм и пирам.

Болезни прежней не страшась угроз,
Он пил вино, вдыхая запах роз,

Все дни недели беспечальный шах
Стал проводить в своих семи дворцах,

Внимать луноподобным, как в раю,
Лаская луноликую свою:

Пусть много есть красавиц для утех,
Одна — любимей и желанней всех.

Дворцы менялись — и менялся цвет...
Так несколько прошло веселых лет.

„Хай! Хай!“ — он к небу клики возносил,
К небесному владыке возносил.

Но всякому дыханью есть предел.
Однажды: „Хай!“ он крикнуть не успел,

И небо, может быть, навеселе,
Могилу вырыло ему в земле...

Увы, не диво — сей короткий век:
Сто поколений царствуй человек,

Слыви владыкою семи чудес,
Живи под куполом семи небес,

Бахрам небес¹ будь часовым его, —
Нельзя назвать вечно-живым его;

И он, увы, уйдет в конце концов,
В могилу не возьмет своих дворцов. . .

Бахрама завершилось бытие:
Он завершил желание свое.

Когда, веселья окружен людьми,
Он пил виво во всех дворцах, в семи,

Все дни и ночи посвятив пирам, —
Сопутствовала шаху Дилирам,

Бахраму собутыльником была,
Отрадой и светильником была,

Слова ее звенели для него, —
Все песни, все газели — для него!

Когда в стенах скучал он четырех,
Он для охоты покидал чертог,

А рядом с ним подобная луне
Протяжно пела на лихом коне.

Она дарила жизнь своим лицом,
Она была и кравчим, и певцом,

Для пира — украшением была,
Для сердца — утешением была.

Труд и молитву с ней делил Бахрам,
Пир и охоту с ней делил Бахрам.

Случилось, что устроил царь царей
Широкою облаву на зверей.

Он, мнилось, обложил небесный свод,
Где зверям, как звездам, терялся счет.

¹ Бахрам — планета Марс.

Напрасно зверь, чтоб убежать отсель,
Выискивал хоть маленькую щель!

Вот, выгнав дичь на неоглядный луг,
Загонщики образовали круг, —

Со всех сторон, на зверя всех родов,
Они в пятнадцать двинулись рядов.

Вот круг до трех был сужен ягачей,
Охота сразу стала горячей.

Смешались рев зверей и ловчих клич,
Убитая и раненая дичь.

В цветник тюльпанов превратился луг,
Кровь разлилась потоками вокруг.

Куда ни глянь — полно кровавых луж,
Полно звериных душ — бесплотных душ.

Несутся звери, высунув язык
Везде — преграда, западня, тупик.

Несутся, — тщетный труд: спасенья нет,
Куда ни побегут — спасенья нет!

Неиссякаема людская мощь:
Прямые стрелы падают, как дожди!

Так без вины погибли существа, —
Душа в любом из них была жива.

Убийцей должен зваться человек:
Он бытие живых существ пресек.

Он, ловчий, жаждой крови обуян:
Недаром и одет он, как тюльпан,

Недаром кровь, куда ни глянет глаз,
Арыками повсюду растеклась.

Широкий луг весь потонул в крови:
Кровопроводом ты его зови!

Кровь потекла, по желобам струясь,
А под землей была вода и грязь.

Земля была болотистой землей,
Ее покрыла пыль, за слоем слой,

Пригрело солнце, дал ей силу дождь,
И вот она травы познала мощь:

Росла в болотной сырости трава,—
Сумела мощно вырасти трава,

Земля ее вспоила изнутри:
Недаром стебли — толщиной в кари ¹.

Она с землей корнями скреплена,
От корня — и травинок прямизна!

Арыки крови ныне потекли,
Со всех сторон к середине потекли.

Взгляни-ка: вот блестит она, земля,
Но кровью вся пропитана земля,

С болотною водою кровь слилась,
Людей по пояс засосала грязь,

Взгляни-ка: тонут вихри-скакуны,
По щиколотку в грязь погружены.

Спустилось покрывало в этот миг, —
Нет, облако закрыло солнца лик,

И хлынул дождь на человеческий скоп,
И вновь всемирный начался потоп!

Все видят — нет пощады их греху,
Вода — внизу, кругом и наверху!

Кругом, внизу и наверху — вода!
Будь даже как кирпич земля тверда,

Но если войско, загоняя дичь,
Начнет с усердием тереть кирпич,—

Он сотрясется, как бы ни был тверд,
Охотниками в порошок истерт.

¹ *Кар* — мера длины — около одного аршина.

А тут еще по облику земли
Арыки жаркой крови потекли!

Они становятся мутней, грязней.
Копытами испуганных коней

Растоптан каждый, в слякоть превращен,
Тут начинает плакать небосклон,

Шумит, как море, гневная вода:
Так низвергается на мир беда.

Напрасно все бегут и стонут все,
Куда ни побегут — потонут все!

Творили люди на охоте смерть,
Но сами обрели в болоте смерть.

Когда, облавы суживая круг,
Вся рать Бахрама съехалась на луг,

На землю бремя трудное легло.
Ей стало это бремя тяжело,

Она погнулась, — медленно пошли
Сто тысяч всадников ко дну земли.

Тогда вокруг образовался ров,
А влага вырвалась из берегов.

Увидев: поле влагой залито,
Над влагою земля — как решето,

Все поняли: то — мертвая вода,
И все от жизни отреклись тогда.

Погибли и охотники, и дичь,
Добыча и захватчики добыч.

Бахраму смерть принес его поход:
Так жертвой стал он собственных охот.

За дичью он велел скакать коню, —
Охота превратилась в западню.

Попали в западню джейран и лев, —
Погибли оба, разом смерть узрев.

Зверь кровожадный и пугливый зверь, —
Нет между ними разницы теперь.

Вот двое ловчих крепко обнялись,
Чтобы спастись, они в одно слились,

Но в миг, когда они слились в одно,
Трясина затянула их на дно.

Напал на всех, как муравейник, страх.
Как муравей, ушел под землю шах.

Его жильё отныне — яма, гур¹,
Недаром прозвище Бахрама — Гур!..

Сей низкий мир — прозорливый дракон,
И пожирать людей — его закон.

Десятка недостаточно: злодей
Глокает разом тысячи людей.

Принес он гибель многим существам.
Но вот что удивительно: Бахрам,

Великий и могущественный шах,
Повергший недругов своих во прах,

Над миром грозно утвердивший власть, —
И этот шах попал дракону в пасть,

Исчез он вместе с войском навсегда,
Ни вести не оставил, ни следа.

Сей мир дракон? Нет, хуже во сто крат, —
Там, где дракон, бывает часто клад:

Мы знаем, что чудовище — дракон,
Но бережет сокровище дракон.

А что мы видим в мире? Прах и твердь,
Здесь нет сокровища, здесь только смерть.

Отраду жизни человек постиг,
Но может умереть он каждый миг,

¹ Гур — могила; означает также „онагр“. Намек на увлечение Бахрама охотой на онагров.

Довольно мига, чтоб дракону в пасть,
Не только телу, и душе попасть,

Но нам нехватит многих лет,
Чтоб избавление найти от бед.

В презренном этом мире жить нельзя,
Однако есть спасения стезя:

Когда ты понял, что сей мир — дракон,
От мира удались — и ты спасен.

И станешь ты силен, как Феридун¹.
И смерть возьмешь в полон, как Феридун.

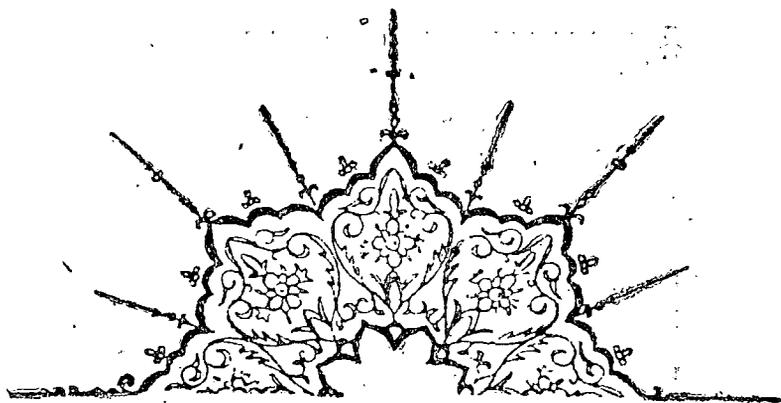
О бытии забудь, о Навон,
Исчезни, растворишься в небытии.

Пусть беды побегут тебе вослед, —
Исчезнув, ты избавишься от бед.

Что сделает против тебя дракон,
Когда в небытии ты растворен?

¹ Феридун (или Аффридун) — мифический царь Ирана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ,
В КОТОРОМ ИЗЛАГАЕТСЯ
НАСТАВЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯМ И ПИСЦАМ.

Священную познал я благодать:
Я завершил чудесную тетрадь.

Но сколько раз, пока старался я,
Смущался я и колебался я!

Едва страница начата была, —
Внезапно закусило удила

Мое проворноногое перо:
Седок рассказа гнал его хитро.

К благословенной цели я пошел.
Сказал бы: семь ущелий я прошел,

Сказал бы: семь стоянок в тех горах,
Где даже вихрь испытывает страх!

Немало перенес я на пути,
Но все же к цели я сумел дойти.

Тут мной сомненье овладело вновь.
Твердила мне душа: „Не прекословь:

Тот, кто рождает слабый, тусклый стих,
Не видит в нем изъянов никаких.

Спроси у негра — скажет, не шутя:
„Подобно гурии мое дитя“.

Стихи для вдохновенного творца,
Что собственные дети для отца,

А для отца — все дети хороши,
Частицу сердца, печени, души!

Уродливым ребенка назовешь,
На взгляд отца он все-таки пригож!

Отвергнут всеми, дорог он отцу:
Так дорог стих отвергнутый певцу.

Как на свои создания ни смотри, —
В сих девственницах утренней зари

Ошибки никогда ты не найдешь,
Найдя, ее ошибкой не сочтешь!

Как мне понять достоинства стиха?
Работа хороша или плоха?

Известность обретут мои труды
Иль даром пропадут мои труды?

Ничто не тяжелее тех трудов,
Которые нам не дают плодов.

Когда нельзя стихом зажечь сердца, —
Бессмысленны все тяготы певца!

Увы, мы скажем о певце таком:
Стремился в храм, — попал в питейный дом!

„Но как мне быть? — так я к себе взывал, —
Не надобно мне выпренных похвал,

Я полагаться не хочу на лесть,
А сам себя судьей не вправе счесть.“

Сомненье душу ранило насквозь,
Царапалось в ней что-то и скреблось.

И плакал, и вздыхал я тяжело,
Но счастье в келью вдруг ко мне зашло.

Смеясь, оно сказала: „Бедный друг,
Ты нанизал нам яхонт и жемчуг,

Зачем же литься ты даешь слезам,
Подобным яхонтам и жемчугам?

Ты мне откроешь ли причину слез?«
Когда я счастья услышал вопрос,

Светлее показалась келья мне,
Жить захотелось для веселья мне,

И всей душой воспрянул разом я.
И душу облегчил рассказом я.

Сказало счастье: „О знаток наук,
Народа удивительный жемчуг,

Тревогой ты напрасно обуян.
Боишься, что в стихах найдут изъян?

Оставь кручину, сердце успокой,
Знай, что изъян — несовместим с тобой!

Кто медным блюдом назовет луну?
Поверят ли такому болтуну?

Кто застит солнца лик своей рукой?
Хотя хитер, мы знаем, род людской,

Людей хороших меньше, чем плохих,
Лишь несколько известно нам таких,

Злокозненных, которые не прочь,
Увидев день, воскликнуть: „Это — ночь!“

Пернатые летают существа,
Но разве все незрячи, как сова?

Когда увидят змеи изумруд,
Они ослепнут, — может быть, умрут,

Но тот же изумруд — неоценим:
Он возвращает зрение слепым.

Вот запах розового цветника:
Он — язва для навозного жука,

Но посмотри-ка: тот же запах роз
Больному облегчение принес.

Творенья твоего звезда взошла, —
Что для нее ничтожества хула?

Пусть онемееет у того язык,
Кто постоянно порицать привык!

Невежде не понять твоих стихов:
Они нанизаны для знагоков.

Гляди: с горой сражается кирпич,
Летит — и рассыпается кирпич.

Гляди: с костром вступила щелка в спор,
Но ярче разгорается костер.

Так о невежде говорит народ:
„Собака лает, — караван идет!“

Пусть брань тебя не трогает ничуть.
Отныне горести свои забудь.

Себя, как видно, сам не знаешь ты,
Цены своим стихам не знаешь ты.

Мысль твоего творенья глубока.
Зачем шумишь, бурдишь ты, как река?

Как море, будь безмолвен, величав!
Возликовал я сердцем, услышав

Такую речь. Забыл о горе я,
Спокойным сделался, как море, я.

Когда-то бурно пенилось оно,
Жемчужин изумительных полно.

О, как они светились изнутри,
Играя блеском влаги и зари!

Жемчужинами нагружал я челн,
Я их вылавливал из пенных вод,

Я их нанизывал на нить стихов,
Но тайной скорби голос был таков:

Постигнут ли читатели мой стих
Так, как я сам его красу постиг?

Теперь ко мне пришло веселье вновь,
И осмотрел я ожерелье вновь,

И каждая жемчужина зажглась,
И увидал взыскательный мой глаз:

Хотя стихи нанизаны на нить,
Кой-где порядок надо изменить.

Пусть хороши жемчужины мои, —
Изъяны обнаружены мои.

Тогда стихи в порядок я привел,
Где нужно, перемены произвел,

Там — стих убавил, здесь — прибавил я.
Там — заменил, а здесь — поправил я,

Так стройности желанной я достиг,
И вот пришел к концу мой черновик.

Когда читатель, развернув тетрадь,
Начнет мои сказания читать,

И если прелесть в них найдя сперва,
Захочет вдуматься в мои слова,

И если их с охотою прочтет,
И только долю сотую поймет, —

То, если он умом и сердцем чист,
Одобрит он, похвалит каждый лист,

Найдет в сказаньях множество красот
И за меня моленье вознесет.

Услышь его моленье, правый бог,
И в горний приведи его чертог!

А тот, чье солнце грязно, темен ум,
Кто так далек от справедливых дум,

Что назовет стекляшкою сапфир, —
О правый боже, пусть вкусит он мир,

Ты ум его и сердце просвети,
Направь его по доброму пути...

Писец! В тебе я друга обрету,
Когда перу придашь ты остроту.

Я написал, а ты перепиши,
Пускай все буквы будут хороши,

Смотри, не ошибись, и невзначай
Расположенья точек не меняй.

За песней песню поведи пером,
Людьми помянут будешь ты добром.

Пусть будет труд — отрадою твоей,
Достоиную наградою твоей.

А если по небрежности, писец,
Ты спутаешь начало и конец,

А если из-за денег вступишь в спор, —
Пусть ляжет вечный на тебя позор,

В твой черный глаз, колюче и остро,
Пусть, как в чернильницу, войдет перо,

Пусть будет черным, как письмо, твой лик
И, как перо, расщеплен твой язык!

Я выбрал эту книгу среди книг,
В ней, как в стране, я семь дворцов воздвиг,

Семь гурий поселил в семи дворцах,
Любуясь ими, веселился шах,

Семь сказок он узнал семи земель, —
Моих стихов единственную цель.

Я дал название книге; „Семь планет“, —
Пускай она теперь увидит свет.

Повел я песнопения свои, —
Пять тысяч насчитал я месневи.

Четыре месяца на них ушло, —
Вот дней труда примерное число!

Когда б я временем своим владел,
Когда б свободен был от прочих дел,

Своих стихов я завершил бы цель
На протяжении четырех недель.

Докучных дел обилие мое, —
Из-за тебя бессилие мое!

Не потому ли я страдал и чах,
Что проходили дни в пустых речах,

В той смене лживых и правдивых слов,
От коих я давно бежать готов?

Ни днем, ни ночью нет покоя мне.
Ночь кажется сплошной тоскою мне,

Волнением дневным я утомлен,
Излишеством людей ошеломлен.

Питание моей души — тоска,
И пища сердца моего горька.

Хотя меня обидел злобный рок,
Я книгу написал в короткий срок.

Быть может, стих мой вышел нехорош,
Но и плохим его не назовешь.

Сравняюсь ли я с великими людьми?
Индус Хосров, ганджинец Низами,

(Ошибки их да зачеркнет Аллах!)
Не помышляли о других делах,

Помимо говорения стихов,
Высокого творения стихов.

А я писал среди трудов и мук
Досугу их не равен мой досуг.

Когда б моя звезда была светла,
Не молкла бы моим стихам хвала,

Пером я столько создал бы чудес,
Что даже своды светлые небес

Листами б нареклись моих стихов!
В такой короткий срок среди трудов,

Среди трудов в такой короткий срок
Я все же создал много тонких строк,

В короткий срок я нанизал стихи, —
Простительны моих стихов грехи...

Ну, Навои, пора кончать. Пойдем, —
Ты вправду оказался болтуном!

Пришел к концу извилистый рассказ.
Быть может, заблуждался я не раз, —

Все, что моим пером сотворено,
Пером судьбы начертано давно.

Мой труд! Найди к душе народной путь.
Народу моему желанным будь,

Чтобы могла сердца людей зажечь
Моя правдовзыскующая речь.

Да будут явны месяц, день и год
Сей книги завершения: восемьсот

И восемьдесят девять; джумада
Вторая¹; пятница... Конец труда!

Иди, мое творение, в народ,
Пусть он в тебе святыню обретет,

Да будут всем стихи мои нужны,
Да будут с ними семь небес дружны,

Да будет их друзьями полон свет,
А покупателями — семь планет.

¹ Июнь 889 1484г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступления к поэме	7
Сказание о Бахраме и Дилярам	33
Суббота. Бахрам в черном дворце	78
Воскресенье. Бахрам в золотом дворце	109
Понедельник. Бахрам в зеленом дворце.	127
Вторник. Бахрам в красном дворце	155
Среда. Бахрам в голубом дворце	186
Четверг. Бахрам в сандаловом дворце.	211
Пятница. Бахрам в камфарноцветном дворце	234
Возвращение Дилярам к Бахраму	259
Смерть Бахрама	267
Заключение.	274

Оформление художника
В. Рождественского

Редакторы *М. Салье-А. Сухарева*
Техредактор *П. Уманский*

Сдано в производство 18/VII. 1947 г.
Подписано к печати 19/XII. 1947 г.
Р 07683 Формат 60X92/16. Уч. авт.
л. 17,5 Печат. л. 17,75 В 1 печат.
листе 40000 знаков, Госиздат УзССР
Договор № 102 — 46, Индекс худ.
Тираж 10000. Цена 1.15р. Переплет
1 р.

Ташкент. Типография № 1—47—338